

ЭТЮДЫ

МАСОНСТВЕ

БИБЛИОТЕКА РЕДКОЙ КНИГИ

ЭТЮДЫ О МАСОНСТВЕ

**«Клио»
Харьков
1994 г.**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Масонство — не просто курьёз отдаленной истории, а действенный факт дня сегодняшнего. Именно осознание этого послужило поводом собрать воедино ряд статей, написанных и в начале века и сегодня, чтобы иметь возможность предъявить современному читателю более или менее полную картину истории масонства.

Сами масоны знают историю своих орденов и лож довольно приблизительно, потому что подробное изложение ее преподается только масонам высших степеней. Современный широкий читатель знаком с масонами весьма поверхностно. Издание данного сборника преследует цель по мере возможности заполнить этот пробел.

Фактически составители использовали статьи Хераскова, Васютинского и Перцева, помещенные в 1 томе фундаментальной работы «Масонство в его прошлом и настоящем», чтобы дать полную картину возникновения масонских лож в трех крупнейших странах Европы: Англии, Франции и Германии.

К сожалению, до 1917 г. свет увидели только два тома. Мировая война и революция надолго прервали это интересное начинание. Издательство «Задруга» попыталось возобновить издание в начале 20-х годов, но успело издать только очерк А. Борового «Современное масонство на Западе», также включенный в данный сборник. Соединение очерка А. Борового со статьями трех уже названных авторов позволяет проследить извилистый путь трансформации мистического франк-масонства в современное политическое масонство, фактически отвергающее сложный ритуал, но занимающееся у предшественников организационную структуру и основные принципы: секретность, взаимопомощь, братское единение.

К очерку А. Борового примыкает по содержанию статья А. Зинухова «Этюды о масонстве», повествующая о русском политическом масонстве. Это небольшая по объему работа А. Зинухова настолько остра и сенсационна по выводам, что невольно подчиняешься обаянию логики, соединяющей воедино разрозненные и часто разноплановые факты. С автором можно спорить, но его трудно игнорировать.

Редакция журнала «Клио», предпринявшая попытку приоткрыть завесу таинственности над историей учения и деятельности масонских лож, надеется и в дальнейшем обращаться к данной теме, учитывая стойкий интерес интеллигентного читателя.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАСОНСТВА И ЕГО РАЗВИТИЕ В АНГЛИИ XVIII И XIX ВЕКА.

I. Предварительные сведения.

Орден франк-масонов, в наши дни известный во всех странах европейской культуры, ведет родословную от очень скромного по происхождению Лондонского клуба начала XVIII века. История Ордена с самого момента возникновения его была покрыта, однако, таким густым слоем легенды и документальные сведения о нем были так скудны, что даже этот первоначальный факт его истории был установлен научной критикой не без труда: лабиринт фантастических гипотез, в котором долго терялись историки масонства, не вполне разрушен ими в сущности и до сих пор. Правда, в наше время никому не придет в голову рассказывать о масонских ложах эпохи Ноева ковчега или искать зародышей масонства в мистериях древних греков, но не менее произвольные в сущности, хотя и менее фантастические с виду догадки вроде гипотезы о тождестве франк-масонов с «братьями Розового креста» (о них см. ниже) или о связи первых масонских организаций с политическими и династическими интригами Стюартов находят место в посвященных истории масонства сочинениях и по сей час).

Начало полному и систематическому изучению всех, относящихся к прошлому масонства документов и к окончательному освобождению масонской истории от неограниченных полетов фантазии было положено немецким историком Бегеманом и англичанином Гудом, последние труды которых — «Краткая история фр.-масонства» и «Доисторический период и начало франк-масонства в Англии» — вышли всего несколько лет тому назад.

Слово франк-масон (свободный каменщик) перешло из английского в другие европейские языки уже после того, как оно потеряло и в Англии свой первоначальный смысл, и вопрос о происхождении его сделался темным.

До последней четверти прошлого века термин «франк-масон» противопоставляли обыкновенно краткому термину «масон», как обозначающий не каменщиков-рабочих (или оперативных масонов,

как говорили в Англии), а каменщиков-мыслителей (спекулятивных масонов), по имени только связавших себя с соответствующим ремесленным цехом. В частности, в них видели то «рыцарей Храма», скрывшихся под маскою франк-масонов после разгрома их ордена Филиппом Красивым, то группа ученых и философов, вступивших в масонский цех, чтобы скрыть от враждебно настроенного к ним правительства свои гуманитарно-филантропические цели. Знакомство с документами показало, однако, всю ошибочность этих предположений. Предками современных франк-масонов, носившими это же имя, были несомненно настоящие каменщики, и добавление к названию их ремесла слова свободный имело первоначально профессионально-ремесленное, а не социальное значение. Слово франк-масон встречается в английских документах начиная с последней четверти XIV века; по наиболее вероятной гипотезе, выдвинутой в 1887 году одним английским архитектором и разделяемой Бегеманом, это были известные в Англии в эпоху готического стиля (первое упоминание — в документах начала XIII века) — «каменотесы свободных камней». «Свободными» камнями в отличие от обыкновенных назывались в Англии более мягкие каменные породы, вроде мрамора и известняка; употреблявшиеся для более тонкой, барельефной работы. Путем сокращения длинного термина «свободные камни масонов» и произошло, по этой гипотезе, английское слово франк-масон. В эпоху готического стиля франк-масонами назывались, во всяком случае, более искусная категория квалифицированных, как сказали бы теперь, строительных рабочих. Позднее, с упадом готического стиля, различие двух категорий каменщиков утратило практическое значение, вследствие чего исчезло представление и о точном смысле обоих терминов: уже в XIV веке цехи каменщиков называются безразлично то просто масонскими, то франк-масонскими. Но воспоминание о большей почетности длинного термина все же сохранилось: когда старинные братства каменщиков выделились в особую от цеха организацию, получившую известную популярность среди высших классов общества (XVII в.), она удержала за собой название франк-масонов, предоставив цеховой организации называться просто масонами; длинное название принял и современный масонский орден, организовавшийся в начале XVIII века по типу старинных ремесленных братств.

Связь, соединяющая современный масонский орден со старыми братствами носит, в сущности, внешний характер, сводясь лишь к известной преемственности ритуала и терминологии. История старого масонства является не столько главой из истории Ордена, сколько введением к ней: по терминологии Бегемана старое масонство составляет его «доисторический» период,

К этому же «доисторическому периоду» можно отнести и идейных предшественников позднейших масонов-алхимиков и утопистов XVII века с их проектами всемирных союзов и планами преобразования человечества; если старые организации каменщиков были номинальными предками масонства, то истинными, духовными, предками его были именно эти представители дореволюционной европейской интеллигенции.

Началом исторического периода масонства следует считать 20-е годы XVIII столетия — эпоху возникновения так называемых «великих лож».

II. Доисторический период масонства.

А. Организация каменно-строительных рабочих XIV—XVII вв.

История старых организаций каменщиков тесно связана с общей историей ремесленных гильдий и братств.

Долгое время в ней искали, однако, какие-то особенные этапы: в каменщиках видели единственную в своем роде категорию рабочих, выделявшуюся в средние века своей культурностью и связью с цивилизованными странами Востока и античного мира.

Поводом к предрассудку послужили старые легенды ремесла и беглые указания позднейших (XVII века) авторов, причина же заключалась в слишком одностороннем представлении о средневековом «варварстве», заставлявшем историков видеть в появлении готического стиля какое-то чудо, и прибегать для объяснения его к различным фантастическим гипотезам. Одной из них явилась гипотеза могущественного союза строителей, разъезжавших по Европе со специальными полномочиями от папы и воздвигавших дворцы и соборы по принципам тайной архитектурной науки, привезенной основателями братства с Востока. На этой легенде основана и одна из самых распространенных в Германии чуть ли не до наших дней гипотеза происхождения франк-масонства. Предками современных масонов объявляются, по этой гипотезе, немецкие средневековые каменотесы, с автономным братством которых, централизованным вокруг города Страсбурга, было связано будто бы возникновение готики: в XIV веке оно распространилось на Шотландию и Англию и здесь, усилиями живших в Англии немецких философов, преобразовалось в XVII веке во всемирный, социально-филантропический союз.

Бегеман с документами в руках доказал произвольность этой теории. Документы не только не подтверждают догадки о тождестве английских франк-масонов с немецкими штейнметцами, но до середины XV столетия не знают ничего и о самом союзе этих по-

следних. В 1464 году южно-немецкие мастера строительного цеха действительно съезжались в город Регенсбург для выбора из своей среды «верховного судьи» (им выбран был Страсбургский мастер Дотцигер), но по всем признакам это была попытка совершенно новой организации, а не восстановление старой, — попытка, вызванная необходимостью обороны цехового ремесла от конкуренции нового искусства и новых приемов строительства. Все, что мы знаем о социальном положении средневекового ремесленника и уровне его образования, противоречит представлению о могучем, культурно-обословленном союзе каменотесов. Что касается готического стиля, развивавшегося во 2-й половине средних веков в связи с ростом городов и торгового класса, то его единство вполне удовлетворительно объясняется единством культурных влияний — римской церкви и византийско-арабского востока, — и не нуждается в искусственных гипотезах.

Появление первых ремесленных гильдий относится в Англии к началу XII века, но документальные указания на гильдии каменщиков встречаются не ранее конца XIV века. Лондонские гильдии делились в это время по своей значительности на три разряда: первый посылал в городской совет по 6 представителей каждой гильдии, второй и третий — по четыре и по два; каменщики принадлежали ко второму разряду. В 1411 году произошла «инкорпорация» (включение в число официальных учреждений) их Лондонского цеха, а в 1472 году он получил свой герб.

В XV веке цехи уже господствовали в английских городах: старые торговые гильдии отодвинулись на задний план. Цехи владели собственными домами и богадельнями; из их среды выдвигались уже будущие фабриканты-капиталисты, богатые предприниматели-мастера. Члены более почетных цехов носили мундиры (ливреи), присвоенные когда-то лишь свитам знатных сеньоров, и составляли городскую аристократию «ливрейников», которые одни участвовали в выборах парламента и муниципалитета. Гильдии XV века добивались иногда таких привилегий, что вызывали против себя жалобы городских властей; так случилось, напр., в 1466 году с Экзетерскими портными, об отмене привилегий которых ходатайствовал перед королем сам город; в жалобе указывалось, между прочим, что портные привлекают в свою среду постронних и даже не живущих в городе лиц, заставляя их делать взносы в свою кассу. С 1481 года к категории «ливрейников» были причислены в силу королевского указа и Лондонские масоны.

Древнейшие из дошедших до нас документов, рисующих положение английских строительных рабочих, относятся к середине XIV и началу XV столетия. Это уставы артели, работавшей при церкви св. Петра в Йорке, составленные для нее в 1352, 1370 и 1409

году руководившим ее работами церковным капитулом. Из уставов видно, что работы артели производились в крытом помещении, так называемой ложе, служившей для холостых рабочих и спальней; за порядком работы и за поведением каменщиков следил старший мастер и надзиратели, высший же надзор оставался в руках представителя капитула — супервизора; вступая в артель, рабочие приносили присягу «над книгой» (очевидно уставом), обязуясь подчиняться во всем капитулу и соблюдать изданный им устав. В XV веке ложи называли уже не только мастерскую артели, но и саму артель.

Из кругов духовенства, руководившего церковными стройками, вышла, по-видимому, и стихотворная история масонов, два древнейшие списка которой, входящие в состав так называемых «конституций масонов», относятся, по мнению специалистов, к концу XIV и началу XV века. Поэма рассказывает о строителе вавилонской башни Немроде, об Аврааме, «познавшем семь искусств» и обучившем строительству Эвклида, о переходе этих познаний от Эвклида к египтянам и евреям, о двух колоннах Соломонова храма, запечатлевших на себе эту древнюю мудрость и о великих ученых Пифагоре и Гермесе, открывших ее для потомства: св. Албан, первый христианский мученик Англии, был в числе немногих воспринявших ее; он-то и принес в Англию искусство строительства и написал для каменщиков первый устав, а первыми могучими покровителями их были король Ательстан и сын его Эдвин: в целях улучшения ремесла они созывали в Йорке общие собрания каменщиков со всеми шерифами, сеньорами и лордами королевства... Содержание и форма этой «масонской поэмы» не оставляют сомнения, что автором ее был человек литературно-образованный, быть может представитель того самого духовенства, которое заведывало церковными стройками. При помощи нее хотели, очевидно, внушить рабочим большее уважение к их ремеслу и тем содействовать духу дисциплины: в виде устной традиции такие истории ремесла существовали, вероятно, и у других цехов.

Кроме чисто цеховых организаций, ремесленники соединялись в средние века и в более тесные союзы, или братства взаимопомощи, носившие церковно-религиозный характер. Культ Святого, патрона цеха, и заботы о загробной судьбе умерших братьев играли в их деятельности главную роль, но наряду с этим преследовалась и другая цель — взаимная помощь при путешествиях: при помощи условных паролей и знаков братья всюду узнавали друг друга и получали друг от друга поддержку. Сообщение паролей и присяга верности составляли самую существенную часть церемонии вступления в братство. В годовичные цеховые праздники братства устраивали шумные пирушки, причем ритуал их соблюдался не менее

строго, чем предписания общегражданской и профессиональной морали.

С началом борьбы ремесленных подмастеров с мастерами братства становились в руках рабочих орудием самозащиты: эпихара-расцвете их как в Англии, так и на континенте (2-я половина XIV века) совпадает как раз с эпохой начала этой борьбы.

О братствах английских каменщиков, с XV века называющихся также ложами, мы принуждены судить по документам позднейшей эпохи, когда ремесленные организации вообще успели изменить уже первоначальный характер, да и из этих данных древнейшие (кон. XVI и нач. XVII века) относятся к Шотландским ложам, жизнь которых протекала в совершенно своеобразных условиях. Косвенные данные масонских конституций и других старинных источников позволяют, однако, с большой вероятностью судить и о более ранних эпохах: обязанности гостеприимства и братской помощи при путешествиях, условные масонские пароли и знаки — все это с полной очевидностью говорит, напр., за то, что между ложами различных городов всегда существовала организационная связь, и что английские масоны, подобно континентальным, совершали свои рабочие путешествия и, несмотря на свою, сравнительно меньшую подвижность все же не были прикованы к одному месту. Большая оседлость английских каменщиков сравнительно с континентальными и в связи с этим большая прочность местного состава их лож составляла, тем не менее, одну из существенных их особенностей. Другая состояла в большей зависимости от государственной власти, которая в Англии всегда была достаточно сильна, чтобы помешать местным корпорациям развиваться в совершенно автономные организмы, как это было, напр., в Германии.

Со 2-й половины XVI века старые братства каменщиков и самый цех их находились уже в Англии в состоянии упадка: новый архитектурный стиль, Ренессанс, приходивший на смену готическому, менял условия труда и требовал знания новых приемов; в Англию выписывалось теперь много иностранных рабочих — французов, немцев, голландцев — оттиравших местных каменщиков на задний план. Но в начале столетия масонские братства, по-видимому, полны еще жизни: в 1527 году масоны города Норвича вместе с другими братствами принимали участие в церковных мистериях и разыгрывали библейскую историю о Каине и Авеле.

Тяжелый удар нанесла ремесленным братствам Реформация, открывшая поход против всех организаций, носивших церковный характер. В 1547 г. они были форменным образом запрещены парламентским актом. Многие братства с этого времени, несомненно, прекратили свое существование или растворились в цеховой организации, но масонские ложи оказались в числе организаций, вы-

державших этот удар: они перестали, правда, быть католическими братствами, церковные процессии и мистерии исчезли из их обихода, но церемонии приема, годовые банкеты и другие старые обычаи продолжали храниться в их среде, превратившись в прочную, не умирающую традицию.

В Шотландии все масонские ложи были подчинены в конце XVI века заведовавшему казенными стройками чиновнику, получившему титул «Верховного Надзирателя» или «Главного мастера масонов». В 1583 году эту должность занял королевский придворный Уильям Шоу, а в начале XVII века она перешла к сэру Уильяму Сэн-Клэру, лэрду Рослингскому. Кроме общего «надзирателя» в некоторых округах назначались еще местные «надзиратели и судьи масонов», обыкновенно из представителей местной знати. Так, в 1590 году сэр Патрик Кэпланд, лэрд Юдаутский был назначен «надзирателем масонов» в графствах Абердин, Бонф и Кинкордин.

Упомянутый выше Шоу издал во время своего надзирательства два масонских устава (1598 и 1599 года) — один для всех шотландских лож вообще, другой специально для Кильвингской ложи. Из уставов этих видно, между прочим, что шотландские ложи располагались в то время по степени своей значительности в известном порядке: первой ложей считалась Эдинбургская, второй Кильвингская, третья Стэрлингская и т. д. Годичным праздником шотландских лож считали день Иоанна Богослова 27 декабря. В этот день происходили общие собрания лож в присутствии всех братьев, одетые в белые фартуки и перчатки. На этих же собраниях производились выборы надзирателей, а иногда и приемы новых «учеников» и «рабочих». Церемония приема состояла в чтении устава, присяг и сообщении пароля. Новые члены ложи оплачивали все расходы по банкету и делали «братьям» подарки в виде фартука или перчаток.

Масонские ложи-братства лишь постепенно выделялись из цехов в качестве особого организма. Еще во 2-й половине XV века оба типа организации, по-видимому, совпадали, и Лондонский цех масонов так, напр., и назывался в современных документах «Святой Цех и Братство масонов». Позднее между ними проходит уже заметная грань: цехи ведают чисто ремесленными делами, братство, более сплоченная и дружная часть цеха, хранит традиции морального общения и взаимопомощи; члены цеха могут уже и не быть членами братства, а с другой стороны, для поступления в братство не требуется быть непременно цеховым рабочим: принеся в ложе присягу и сделав вступительный взнос, можно получить звание «каменщика» (франк-масона), никогда не бравши в руки рабочей кирки.

Древнейший документальный случай принятия в масонскую ложу постороннего цеху лица относится к Эдинбургской ложе: 3 июня 1600 года на собрании ее присутствовал, как значится в протоколе, Сэр Джон Бозуэль, лэрд Очинлекский. Присутствие знати в шотландских ложах становится с тех пор заурядным фактом: имена виконтов, графов и сэров, принятых в ту или иную ложу, обыкновенно прямо в звании цехового мастера, попадают в документах XVII века на каждом шагу. Правда, еще в конце столетия в Шотландии встречались ложи, состоящие сплошь из ремесленников (напр., ложа в Глазго), но рядом с ними были ложи вроде Абердинской, где в 1670 году из 49 членов всего 12 были профессиональными каменщиками, а остальные были — дворяне, пасторы, коммерсанты и представители интеллигентных профессий.

Лион, историк Эдинбургской ложи, ставил это проникновение постороннего элемента в шотландские ложи в связь с церковной реформацией XVI века — гипотеза сама по себе очень правдоподобная: Реформация носила в Шотландии народный характер и не могла не отразиться на судьбе доживших до этой эпохи ремесленных братьев, каковыми были прежде всего масонские ложи. В XVI веке они находились уже в состоянии упадка: реформация влила в них новую жизнь и привлекла к ним внимание высших классов, которые в лице шотландского дворянства и сами играли в реформационном движении видную роль, а с каменщиками соприкасались отчасти и по служебному положению. Есть указания на широкое участие в масонстве шотландского пресвитерианского духовенства, а в 1641 году, когда восставшие в защиту протестантизма шотландцы занимают северную часть Англии, в их армии в Ньюкастле было, очевидно, немало членов масонских лож: по крайней мере члены Эдинбургской ложи устроили здесь свое собрание и приняли в звании «цехового мастера» главного квартирмейстера армии Роберта Морэя.

О собственно английских ложах XVII века дошедшие до нас сведения крайне скудны. Не подлежит, однако, сомнению, что в это время они не сливались уже с цеховой организацией, а образовали отдельное целое, связанное с ней лишь общностью ремесленных традиций и тождественным еще отчасти составом членов. По старым счетоводным книгам лондонских масонов видно, что такая отдельная от цеха организация существовала в Лондоне уже около 1620 года, и в одной рукописи 1686 года именно она названа, вероятно, «Почтенным обществом франк-масонов города Лондона». В середине XVII века подобные организации существовали несомненно в Уоррингтоне и Честере, а по всей вероятности и в других городах. В «Описании Стаффордшайра», около 1680 года, составленном доктором Робертом Плотом, рассказывается, между про-

чим, об очень популярном «в болотах этого графства» Обществе франк-Масонов: в него не отказывались вступать «самые высокопоставленные лица, которые, в силу их собственной знатности, казалось, могли бы и не гоняться за той древностью и почетностью ремесла, о которых рассказывает написанная на пергаменте книга масонских уставов». Очевидно, были, однако, мотивы, побуждавшие знатных особ брататься с простыми каменщиками — быть может, обаяние старины и легенды или веселые традиционные пирушки, а может быть, и само удовольствие видеть себя покровителем меньшей братии. В льготной грамоте 1671 года, выданной Дюргэмским епископом «Обществу, братству и компании франк-масонов, кровельщиков, плотников и других ремесел города Гейтсхеда (всего 18 наименований) среди списка лиц, ходатайствовавших перед епископом о ее выдаче и, вероятно, принимавших также участие и в связанных с нею расходах, значились виднейшие представители местных помещиков, баронов и богатого духовенства; для них мотивом участия в делах простых рабочих, очевидно, было именно честолюбие.

Кроме знати, к каменщикам примыкали в отдельных случаях представители интеллигенции и ученого мира, привлекаемые, как думает Бегеман, фантастической историей масонства, возбуждавшей их научную любознательность.

По описанию Плота, для приема в общество новых членов требовалось собрание по крайней мере 5 или 6 франк-масонов. «Эти собрания,— замечает Плот,— называются в некоторых местах ложами». Вступительные обряды заключались и здесь в сообщении тайных знаков, «посредством которых члены общества узнают друг друга, где бы они не находились», и сопровождалась банкетами по установленному ритуалу. Новички, как и в Шотландии, в день приема дарили «братьям» перчатки, а взаимные обязанности членов заключались в помощи на случай старости, безработицы и болезни.

Документальные данные об английских ложах относятся уже к XVIII веку. «В древнем и почтенном обществе франк-масонов города Йорка» преобладают в это время (1705—1705 гг.) посторонние цеху лица: представителями его выступают богатые негоцианты, лорды, баронеты и сквайры, хотя на заседаниях отводятся еще обязательные часы «для бесед о каменно-строительном деле». Ложа в Ольнуике (в Нортумберланде), напротив, и в XVIII веке сохранила свой чисто рабочий характер, и еще в 1757 году в ней ассигнуются суммы на профессиональные путешествия братьев.

Присутствие в масонских ложах XVIII века посторонних ремеслу лиц дало историкам повод говорить о существовании в это время, и раньше, наряду с обыкновенным, или оперативным, как говорили в Англии, масонством, особой категории так называемых спе-

Кулятивных масонов, или масонов-теоретиков, носителей специального знания и моральной теории о духовном строительстве среди людей. Документы не знают никаких «спекулятивных масонов»; дворяне и комерсанты, принятые в масонство, так же мало, по-видимому, занимались «умозрением», как и их товарищи из рабочего класса: истинной основой их единения продолжают оставаться традиционные банкеты и полные обаяния старины обычаи и легенды ремесла. Франк-масонская организация XVII века не преследовала никаких тайных задач и не была тайным обществом, как думают многие историки. Их жизнь и деятельность протекала у всех на виду: не будучи масоном, доктор Плот безо всякого труда узнал, по-видимому, те подробности, которые он сообщает о масонах в своей книге. Что же касается употребления тайных паролей и знаков, то, поскольку этот обычай не имел уже в XVII веке практического значения, он являлся, очевидно, простым пережитком тех времен, когда ремесленники действительно нуждались в этих знаках во время своих путешествий.

Подобно старинным братствам, франк-масонские общества XVII века поддерживали между собою живую связь и составляли фактически единую организацию: принятый в 1646 году в Йорринтонскую ложу археолог Ашмоль в 1682 году безо всяких добавочных церемоний допускается на заседание Лондонской ложи и даже председательствует на нем в качестве старейшего масона.

В. Утопическая интеллигенция XVII века.

Только что описанные общества франк-масонов, всецело пропитанные еще духом старых ремесленных братств, в идейном отношении мало соприкасаются с позднейшим масонством. Более тесной была его идейная связь с философским и социально-реформаторским движением XVII века — с теми тайными и полутайными кружками ученых и утопистов, которые были так типичны для этой эпохи.

Когда-то, во время безраздельного господства над умами католической догмы, наука была в Европе достойным маленькой кучки людей, почти глухой стеной отделенной от остального мира. Природа считалась началом греха; попытки проникнуть в ее тайны отождествлялись с колдовством. Да ученые и сами верили в магию, каббалистику и гадали по планетам о судьбах людей. Феодално-католическая реакция XVI—XVII века возродила эти старые формы и разрушила тот мостик, который в «эпоху гуманизма» соединил было передовую интеллигенцию с народом: она опять изолированная стояла теперь перед готовой поглотить и ее народной стихией. Наука, как в средние века, оделась покровом тайны,

спряталась в замкнутые кружки; пробудила вновь веру к таинственному и символическому; воскресила умершие было идеи и верования.

В отношении к интеллигенции это сходство между новым и старым было все же неполным — большею частью внешним. Средневековые ученые оставались верными католической церкви; новые порывали постепенно с самим христианством; старинные алхимики и оккультисты сами верили в дьявола и в силу магических формул, новые часто мистифицировали себя и других, чтобы скрыть под маской оккультизма свои «опасные» с охранительной точки зрения идеи. Успехи религиозной и политической реакции не оставили прогресса научного знания и лишь углубили ту пропасть, которая лежала между идейным авангардом нового общества и оставшей массой народа. Перейти ее удавалось лишь только в мечтах, к которым и прибегали очень охотно передовые люди кануна первой буржуазной революции: в мечтах забывалась действительность — гонения на свободу, невежество масс, деспотизм государства и церкви — и облекались в действительность создания фантазии — руководимый философами народ и служащее науке государство; иногда идеал казался уже осуществленным — где-нибудь на острове, случайно открытом путешественниками, — иногда только осуществляющимся усилиями тайного общества, работающего над реформацией человечества.

В начале XVII века в Германии появилась анонимная сатира на современных алхимиков и теософов — «Химический брак Христиана Розенкрейца», автором которой был, как обнаружилось впоследствии, член немецкого «Плодоносного Общества», протестантский богослов и проповедник Иоганн Валентин Андрээ. Почти одновременно вышли и еще два посвященные тому же Розенкрейцу сочинения и авторство которых приписывалось также Андрээ — «Всеобъемлющая и всемирная реформация человечества» и «Исповедание братства» этого же ордена. В них рассказывалось об Ордене или Братстве Розенкрейца (Розового Креста), еще в XIV веке основанным будто бы дворянином Христианом Розенкрейцем; во время путешествий по Востоку он познал все тайны персидских и египетских магов и, возвратившись в Европу, передал их своим ученикам, вместе с которыми и основал тайное братство; оно существует и до сих пор: братья работают каждый в своей стране, служа человечеству бесплатным лечением больных, и сносятся между собою при помощи условных знаков и языка; только раз в год устраивается их общий съезд в братском доме.

Сатирическая сторона истории ускользнула от внимания современников: рассказы о Розенкрейце были поняты всерьез, и слава Ордена Розового Креста быстро распространилась по Европе. Вид-

нейшие ученые домогались доступа в Орден и искали, где только могли, его следов, а более упорные с документами в руках брались доказывать его реальность и для пущей убедительности присоединяли даже к своему имени инициалы R. C. Время от времени в разных городах появлялись таинственные манифесты, возвещавшие от имени Розового Креста уничтожение папской власти, обращение в христианство магометан и евреев и пр. Трудно сказать, была ли тут сплошная мистификация или же под загадочными именами скрывалась некоторое время и действительная организация, умевшая искусно прятать концы в воду; несомненно одно — тенденции, проникающие «розенкрейцерство», существовали и были в то время в европейском обществе очень сильны. Не все в них было пустой фантастикой, пережитком далеких эпох: в туманной мистике и загадочных символах, бывших данью культурным особенностям момента, скрывалось здоровое зерно свободной мысли, прокладывавшей себе путь через лес церковной схоластики и фанатизма; бессиленная десятилетиями конфессиональных войн, она была еще слишком слаба, чтобы доверху открыть перед врагом свое забрало, и глубокими корнями слишком тесно соприкасалась с вековыми воззрениями народа, чтобы сразу облечь себя в современное платье; характерной для розенкрейцерства и родственных ему течений XVII века была во всяком случае не столько уже связь с алхимией и магией, сколько вера в преобразовательную силу знания и стремление служить человечеству посредством науки.

Этим стремлением были проникнуты и все утопические романы XVII века, одним из которых явилась, в сущности, и розенкрейцерская легенда. Уже в самом раннем из них — в «Описании христианской республики» (1619 г.) автора «Химического брака» Андрэ — видную роль играет «Академия естественных наук», а в планах ученика его Комениуса «универсальная коллегия» ученых занимает уже центральное место: дорога «света» идет к нашему знанию через 7 ступеней — отказ от брака, общение друзей, публичные празднества, школы, печать, мореплавание и седьмую ступень, возвещавшую «всеобщее возрождение»; она осуществляется работой «универсальной коллегии благочестивых и даровитых людей всех стран»; орудия ее — «универсальное знание» (пансофия, панистория и пандогматика) и «универсальный язык»; раз в год она устраивает в пределах Англии общие съезды; «Храм Мудрости», воздвигаемый ею, строится по принципам самого Верховного Строителя» (Бога) и открывает свои двери для «всех, рожденных людьми».

Идеи Комениуса были подхвачены жившим в Англии (1628—1662 гг.) немецким археологом Гартлибом, который и сам сочинил описание идеального государства «Макарии», отдающего все свои

силы прогрессу науки. Опираясь на кружок английских друзей, Гартлиб и Комениус приняли и за практическое осуществление своего идеала, первым шагом к которому должно было явиться создание в Англии международного ученого общества.

Близкими Комениусу идеями было проникнуто и посмертное произведение Бэкона «Новая Атлантида» (изд. в 1638 году). На далеком острове Бензалеме живет неизвестный доселе европейцам христианский народ; он обращен из язычества путем чудесного откровения, через 20 лет после вознесения Христа. Самым замечательным учреждением острова является «Орден Соломонова Храма», или «Коллегия дней творения», стремящаяся к духовному обогащению человечества и к усилению его власти над природой; тайные эмиссары коллегии — так называемые «коммерсанты света» — разъезжают в поисках знаний по всей земле; их товарищи — «плагиаторы» и «коллекторы» — собирают знания в книгах и в технической практике; «пионеры» занимаются научными экспериментами, «компиляторы» и «энергеты» систематизируют и классифицируют добытый материал и т. д. — законченная система научной работы, план универсальной академии наук.

Скромное начало практическому осуществлению всех этих планов было положено в 1645 году основанием кружка Лондонских и Оксфордских профессоров, или «невидимой философской коллегии», как называет кружок в своих письмах один из главных основателей его Роберт Бойль. Во время революции кружок пришел в упадок и возродился лишь в 1662 году в виде «Королевского Общества Естественных Наук».

«Акт о веротерпимости», изданный Парламентом после изгнания Стюартов (1688 г.), кроме католиков исключал из числа полноправных граждан и «атеистов», которыми назывались тогда все сомневающиеся в истинности традиционных религий, хотя бы и признающие существование Бога; к числу таких вольнодумцев принадлежали и сторонники «разумной религии» — деисты. Поколения, выросшие в Англии после революции 1688 года, вообще более решительно, чем предыдущие, порывали со стариной, и в области религиозной критики шли гораздо дальше протестантских филантропов первой половины столетия: молодые философы вроде Шефтсбэри (1671—1713) и Толанда (1670—1722) не останавливались перед критикой самых основ христианства, и на место библии выдвигали отвлеченный человеческий разум.

Их было немного: господствующие классы опасались их «разрушительных» идей, народные массы их не понимали. Вождь деистов Джон Толанд на горьком опыте убедился в невозможности открытой пропаганды своих идей: его «Христианство без тайн» было уничтожено рукой палача, а сам он бегством спасался от

неминуемого ареста. Создавалась почва для новых эзотерических учений и нового поворота к символизму. Последнее, анонимно изданное в 1720 году, сочинение Толанда — «Пантеизм» написано уже туманным символическим языком, и опять выдвигает известную со времен розенкрейцерства фикцию тайного общества: «Сократовское общество» пантеистов процветает в Амстердаме, Париже, Риме, Венеции, Лондоне, поддерживая культ «трех величайших благ мудреца — Здравья, Свободы и Истины»; особый ритуал — «сократовская литургия» — служит прославлению великих мыслителей с Сократом во главе, но и из их памяти уже не делают кумира: идейный прогресс достигается усилиями свободного от всяких оков и авторитетов ума...

III. Английское масонство XVIII века (1718—1813 гг.).

А. Великие ложи.

Филантропические и реформаторские тенденции XVII века, вместе со вкусом к тайным обществам и символическому ритуалу, перешли к позднейшим поколениям и несомненно отразились на характере и судьбах современного масонства. Было бы, однако, ошибочно, как это делали многие историки масонства, отождествлять орден франк-масонов то с тем, то с другим из только что описанных утопических и фантастических обществ. Научная критика установила как несомненный факт, что франк-масонский орден — потомок старого масонского братства — возник не раньше второго десятилетия XVIII века, и что основателями его были люди, вовсе не задававшиеся теми широкими реформаторскими и философскими целями, которые занимали ученых граждан острова Бензалема или членов какого-нибудь «Сократовского Общества». Первые Великие ложи возникли в Англии в более мирную эпоху, когда огромное большинство людей высшего и среднего класса не помышляло уже ни о чем, кроме отдыха от бесконечных смут и борьбы предшествующих десятилетий. С водворением новой династии жизнь страны входила в мирное русло: все нужное для ее спокойствия казалось достигнутым. От былого увлечения политикой теперь осталась простая склонность к общественной жизни, привычка находиться среди людей: развилась страсть к кружкам и клубам. Сатирический листок «Зритель», вышедший в Лондоне в начале десятых годов, высмеивая эту страсть, приводил длинный список существовавших будто бы в Лондоне обществ, среди которых фигурируют и клубы красавцев и уродов, и орден лгунов, и «вечно существующее общество», и «метафорические мертвецы», и какие-то «Вишн-ваши», и «Могоаки» — названия, быть может, и придуманные газе-

той, но, очевидно, схваченные, в общем, из жизни. Большинство этих типичных «английских клубов» не преследовали, конечно, широких общественных целей, но своими оригинальными уставами и ритуалом они отвлекали людей от обыденности домашнего очага, создавали иллюзию серьезного дела, и этого было достаточно, чтобы сделать их популярными. Одной из таких великосветских и просто светских организаций явился, по-видимому, и орден свободных каменщиков.

Остатки «почтенного франк-масонского общества» в начале XVIII столетия сохранились еще и в Лондоне, и в других английских городах. Ореол старины, окружавший их, и легендарная история масонства привлекли к ним внимание, соблазнили на попытку использовать их для организации интересного клуба. Андерсен, автор «Новой Книги масонских конституций» во втором издании ее, вышедшем в 1738 году, следующим образом рассказывает об основании «Великой Лондонской Ложы»: «после торжественного въезда в Лондон короля Георга I и усмирения в 1716 году восстания несколько Лондонских лож решили сплотиться вокруг одного Великого Мастера (Гросмейстера), как центра единения и гармонии. Это были—ложа «Гуся и Противня», ложа «Короны», ложа «Яблони» и ложа «Виноградной Кисти» (название таверн, в которых они собирались) ... Было решено устраивать ежегодные собрания всех четырех лож и каждые три месяца — собрания Великой Ложы, т. е. всех должностных лиц каждой ложи во главе с великим мастером и великими надзирателями...». «В ожидании чести увидеть во главе всего общества представителя благородного сословия» Гросмейстера выбрали пока из своей среды. «В день С. Иоанна Крестителя» (в 1717 г.) в таверне «Гуся и Противня» состоялся первый общий банкет франк-масонов: «Старейший мастер, занимавший председательское кресло, предложил собранию лист кандидатов и большинством голосов были выбраны — дворянин Антон Сойэр великим мастером, а капитан Джордж Элиот и столяр Яков Ламболь — великими надзирателями...»

Из этого рассказа, написанного через 20 лет после событий и автором, как увидим ниже, очень ненадежным, за вполне достоверное приходится принять лишь самый факт собрания четырех лож и организации ими «Великой Ложы». Событие носило, во всяком случае, очень скромный характер и прошло, на первых порах, незамеченным.

Раньше других обратили внимание на вновь ожившую масонскую организацию члены Королевского Общества, вероятно, заинтересовавшиеся ею и с археологической, и с социальной точки зрения. Первым из них примкнул к масонству доктор прав и придворный проповедник принца Уэльского — Теофиль Дезаюльэ, в 1719

году его примеру последовал доктор Стэккли,— соблазненный, по его собственному признанию, надеждой открыть в масонстве пережитки античных мистерий,— а вскоре после него еще один член Королевского Общества, скрывшийся под псевдонимом Филалет.

«Филалет» известен, как автор предисловия к вышедшему в 1722 году английскому переводу одного алхимического трактата (О долговечных людях), предисловия очень характерного как для тогдашнего масонства, так и для успевших создаться вокруг него толков. В масонах видели уже носителей великих тайн — новый вид «розенкрейцерских братьев», а с другой стороны подозревали — атеистов и политически опасных людей. Посвящая книгу «гросмейстеру, мастерам, надзирателям и братьям древнейшего и почтеннейшего братства франк-масонов Великобритании и Ирландии», Филалет косвенно поддерживает первые слухи и решительно восстает против вторых; он называет масонов «солью земли, светом мира, огнем вселенной» и говорит с «достигшим звания мастера» не иначе как языком алхимии и мистических символов, но называет «нелепой клеветой» обвинения их в безбожии: «что бы ни говорили о нас язычники и атенсты,— восклицает он,— мы остаемся голосом всех верующих христиан; в основу нашей религии положен закон природы, который есть в то же время и Божий закон—именно заповедь «возлюби Бога твоего всем сердцем и ближнего твоего, как самого себя», известная людям во все времена и подтвержденная для нас Господом Иисусом Христом». То же и в политике: «наша политика есть лучшая из политик — лояльность перед законом и подражание Христу, который не разрушал никакого правительства и признавал за Кесарем законную власть...»

Несмотря на некоторый шум, успевший уже создаться вокруг масонства в момент вступления в него Стэккли, оно представляло собою еще очень скромную величину — было численно невелико и не привлекало новых членов: по словам Стэккли в его дневнике, прием его в Лондонскую ложу был первым за несколько лет случаем принятия в масонство нового члена, и для выполнения вступительных обрядов в Лондоне не сразу нашлось даже нужное количество посвященных. Печать обходила масонство полным молчанием. Но именно в это время намечалась уже перемена: в масонство начали вступать представители знати и весь социальный состав его постоянно менялся. Дезагюльэ и его преемник и предшественник Пэн были последними нетитулованными гросмейстерами Великой Ложы: за ними следовали уже герцог Монтаю, герцог Уартон, граф Долькес и другие герцоги, графы и лорды, непрерывно следующие друг за другом вплоть до наших дней. После 1723 года и в составе «великих надзирателей» не встречается уже лиц, не носящих по крайней мере звания сквайра (сельского дво-

рания). В декабре 1721 года в газетах распространился слух о предстоящем принятии в масонство самого наследника престола (принца Уэльского). Известия о масонах вообще все чаще заполняли теперь страницы лондонских газет: то какой-то герцог вступил в масонскую ложу и «возвращался с собрания в белом кожном фартуке», то масоны праздновали в такой-то день закладку новой церкви и «щедро угощали рабочих». Масонство решительно входило в моду. По выражению упомянутой выше книги Андерсена (1723 г.) «свободорожденные британские нации, вкушая после внешних и внутренних войн сладкие плоды мира и свободы, проявили счастливую склонность к масонству во всех его видах, и запустевшие были лондонские ложи наполнились новой жизнью».

Одним из проявлений этой «новой жизни» было издание кодекса масонских уставов, обычаев и традиций — так называемой «Новой Книги Конституции». Она была составлена в 1721 году пресвитерианским пастором и доктором богословия Андерсеном и посвящалась первому титулованному гросмейстеру франк-масонов герцогу Монтаю. В 1723 году с одобрения Великой Ложы ее издали как официальное «руководство для лондонских лож и братьев, живущих в Лондоне и его окрестностях».

Самой важной и интересной частью Книги является для нас глава об «Обязанностях франк-масона», отразившая в себе современную, культурную и политическую физиономию английского масонства. «Масон по самому положению своему, гласит первый § «Обязанностей», подчиняется законам морали, и не может стать ни бессмысленным атеистом, ни лишенным нравственности нечестивцем. В старые времена масоны поневоле держались в каждой стране ее местной религии, какова ни была, но в наше время человек свободно выбирает себе веру и лишь одна религия действительно обязательна для всех, это — та всеобщая, всех людей объединяющая религия, которая состоит в обязанности каждого из нас быть добрым и верным долгу, быть человеком чести и совести, каким бы именем не называлось наше вероисповедание и какие бы религиозные догматы не отличали нас от других людей. Верность этим началам превратит масонство в объединяющий центр, поможет ему связать узами искренней дружбы людей, доселе бывших друг к другу чужими». Что такое всеобщая, «католическая» религия, о которой говорит здесь Андерсен? Есть ли это «естественная религия» деистов или, как думает Бегеман, простая «совокупность христианских исповеданий Англии» — то общее, что принималось всеми узаконенными в стране церквями? Последнее кажется более вероятным, и не только потому, что деизм считался тогда лишь видом атеизма, и как таковой отметался, следовательно, Андерсеном, но и потому, что толкование Бегемана луч-

ше согласуется с той исторической средой, которая породила и Великую Ложу и ее первый официальный устав. И основатели Ложы, и примкнувшая к ним великосветская молодежь не занимались отвлеченными вопросами веротерпимости, не стремились провозглашать философские принципы: они просто «вкушали плоды мира», отдыхали от войн и внутренней смуты, организовывали «центр дружеского общения между враждебными друг другу доселе людьми». После актов о веротерпимости, билля о правах (1689 г.), с Утрехтского мира (1713 г.), обеспечившего Англии блестящее экономическое будущее, для людей господствующего класса все казалось в Англии достигнутым — дальнейшие распри принимали в их глазах характер досадной, ненужной склоки; конечно, под режим свободы не подходил еще «бессмысленный атеизм», грозивший основам «цивилизованного христианского общества», под подозрение брался и римский католицизм с его реакционно-монархическими симпатиями, но во всем остальном между «лояльными и честными людьми» не могло уже быть больших разногласий, о мелких же не стоило спорить. К этим мелким разногласиям относились теперь и богословские споры между представителями различных сект. Умиротворенным настроением победителей было продиктовано и рассуждение Андерсена о единственно обязательной «католической» религии и вышеприведенные рассуждения о религии Филалета; по выражению Бегемана «господствующим направлением Великой Ложы был не космополитизм, а христианский национализм».

Тем же настроением проникнуты и параграфы о гражданских обязанностях масона: «Масон является мирным подданным гражданской власти, где бы не приходилось ему жить и работать. Он не примет участия ни в каких замыслах против мира и блага народа.» В ложах запрещались всякие религиозные, национальные и политические споры: «как масоны мы принадлежим лишь к упомянутой выше всеобщей религии и, заключая в своей среде людей всех языков, племен и наречий, объявляем себя врагами всякой политической распри». Под «всеми племенами» тут разумелись, как полагает Бегеман, нации Британской империи: никакого иного смысла это выражение в то время иметь, конечно, не могло...

Фраза о «какой бы то ни было религии», вставленная Андерсеном в характеристику прежнего отношения масонов к религиозным разногласиям, несмотря на свой невинный по замыслу характер, тем не менее вызвала в масонской среде известные сомнения и толки, и во втором издании «Книги Конституций» (1738 г.) выражение «местная религия какова бы она ни была» было заменено выражением «местная христианская религия». С этой поправкой первый

параграф «Обязанностей» только точнее стал выражать первоначальную мысль Андерсена.

Две другие части «Книги Конституций» — История Массонства и Массонский регламент — большого интереса для характеристики массонства не представляют: практическое значение Регламента — составление которого на основании старинных документов было начато еще гросмейстером Пенон (1718 и 1720 гг.) — сводилось к подробностям внешней обрядности, а «История массонства» интересна разве лишь для характеристики писательских приемов самого Андерсена: в ней ничего исторического, в сущности, нет; это — копия различных вариаций старой «массонской поэмы, расцвеченная плодами собственных измышлений «историка»; Андерсен заботится здесь не о правдивости, а о внушительности рассказа, ему нужно поразить своих романтически настроенных читателей, и он не колеблясь подносит им рассказ об Адаме, обучающем своих сыновей прикладной и теоретической геометрии», о первом массонском гросмейстере Немвроде, о его преемниках — Соломоне, Кире, Навуходоносоре, императоре Августе и Альфреде Великом. Свободный полет фантазии во славу могущества и древности массонского ордена на долгое время остался с этих пор особенностью и привлекней историков массонства.

В июне 1722 года к государственному секретарю лорду Таунсенду явилась депутация лондонских массонов, чтобы уведомить его о предстоящем годичном собрании Великой Ложы и по этому поводу лишний раз засвидетельствовать перед правительством о своей безусловной лояльности и преданности престолу. «Его Снятельство; — рассказывала об этом событии газета, — отнесся к депутации благосклонно и заявил, что франк-массоны могут спокойно продолжать свою деятельность, пока в ней нет ничего более опасного, чем старые массонские тайны, носящие, очевидно, самый невинный характер».

Эта газетная заметка как нельзя лучше характеризует политическое настроение тогдашнего массонства. Судя по протоколам Великой Ложы, сохранившимся до нас за период от середины 1723 до середины 1771 года, в ее деятельности действительно, не было ничего не только «опасного», но и просто выходящего за пределы светского времяпровождения. Символический ритуал и театральность церемоний были общим достоянием тогдашних английских клубов, отвечая современной моде и вкусам общества, но не ко всем из них правительство относилось столь благодушно, как к массонам: менее безобидные подвергались и тогда полицейским преследованиям, как это случилось, например, в 1721 году с «Клубом адского огня», закрытым по распоряжению властей «за безнравственность и за кощунственные покушения на основы религии».

Единственной отраслью деятельности английского масонства, носившей общественный характер, была благотворительность, завещанная новому масонству еще старыми ремесленными гильдиями, в деятельность которых всегда входила забота о нуждающихся в поддержке «братьях».

В одном сочинении о масонах, вышедшем в 1724 году, основные принципы масонства излагались в следующем виде:

Вопрос. Сколько существует правил, имеющих отношение к франк-масонству?

Ответ. Три — Братство, Верность, Молчание.

В. Что означают они?

О. Братскую любовь, помощь и верность в среде всех истинных масонов, ибо предписания эти даны были всем масонам при постройке Вавилонской башни и Иерусалимского Храма».

Эта «масонская троица» неоднократно выступает и в других местах — в рассказах современников о масонах, и в публичных речах и декларациях самих масонов.

Постановление об организации благотворительной деятельности было сделано Великой Ложей еще в 1724 году, а в 1729, при участии 29 лож, был основан общий фонд для поддержки обедневших «братьев».

Открытый в 1776 году собственный дом Масонского Ордена был посвящен «Добродетели, Любви к ближним и Благотворительности».

Несмотря на столь мирный в общем и чуждый политике характер деятельности, в английском масонстве проявились было и другие тенденции: как раз вместе с титулованной знатью в лондонские ложи проникла «крамола». Филалет, в цитированном выше предисловии к «Долговечным», уже предупреждал масонов против ложных братьев и «сеятелей раздора, живущих в доме», а Андерсен со свойственной ему осторожностью пытался разрешить затруднения при помощи компромисса: «Если кто-либо из членов ложи окажется в числе мятежников против государства, гласит параграф «о гражданских обязанностях», он не может, конечно, рассчитывать в своей политической деятельности на поддержку со стороны братьев, которые могут лишь пожалеть его, как человека, постигнутого несчастьем. Но, если он не уличен ни в каком ином преступлении, то, хотя в силу своей преданности государству и для избежания неприятностей со стороны правительства, братство обязано заявить о своей несолидарности с ним, он тем не менее не может быть исключен из ложи, так как связь его с нею нерасторжима».

Чтобы вполне оценить предусмотрительность этой оговорки, надо принять во внимание, что в числе первых «мятежников про-

тив государства» оказался вскоре ни кто иной, как сам герцог Уартон — тот самый гросмейстер Великой Ложы, с одобрения которого печаталась Андерсеновская книга. Это был честолюбивый и горячий молодой человек, успевший скомпрометировать себя участием в «Клубе Адского Огня», представителем которого он состоял в момент закрытия его в 1721 году. Избрание его гросмейстером масонов произошло при не совсем нормальных условиях. Андерсен во 2-м издании Книги Конституций (1738 г.) рассказывает о нем так: «Когда приблизился конец полномочий герцога Монтагю, влиятельнейшие масоны подняли вопрос о продлении их еще на один год: герцог Уартон самовольно созвал тогда общее собрание под председательством старейшего мастера, которое без соблюдения установленных церемоний объявило его гросмейстером; не желавшие нарушения устава отказались признать действительность этих выборов, и только после как сам герцог Монтагю созвал Великую Ложу, и выборы, уже по правилам устава, были произведены вторично, авторитет нового гросмейстера был признан всеми». В июне 1723 г. герцог Уартон стал издавать оппозиционный листок «Истинный британец», направленный против Ганноверской династии и вступил в деятельные сношения с заграничными якобитами; через 2 года он эмигрировал из Англии, принял за границей католичество и стал открытым сторонником Стюартов; в 1731 году он окончил свою жизнь монахом одного испанского монастыря. О том, каковы были за это время его отношения с масонством, мы можем судить лишь по темным намекам современных памфлетов и оппозиционных газет — по рассказам их о конфликте масонского ордена с каким-то «древним и благородным орденом Гормогонов». Первые известия о нем появились в 1724 году: орден основан еще первым императором Китая, а в Англии введен недавно одним мандарином; многие лица из знати допущены к его мистериям, причем для масонов, как предварительное условие, ставится отказ от масонского звания и уничтожение знаков принадлежности к масонству; один из видных пэров Англии торжественно сжег недавно свои перчатки и фартук, после чего был принят в общество Гормогонов... Одновременно высмеивалась «бессодержательная книга, так называемая Конституция франк-масонов» и разнородный состав масонских лож: «два опасных сумасброда», пресвитерианец-учитель и математик-богослов правоверного толка (Андерсен и Дезагюльэ) навязали масонам разные выдумки об Адаме, Соломоне и Хираме, якобы членах их Ордена, и исказили старинные масонские уставы, чтобы основать Хирамитское европейское общество... Слабые мозги разных трактирщиков, рисовальщиков, парикмахеров, ткачей, допущенных в масонство, не только вызвали к нему презрение, но и подвергли Орден опасности...

Никаких более определенных сведений об «Ордене Гормогонов» мы, к сожалению, не имеем. По предположению Гуда, он был созданием фантазии самого Уартона — аллегорией, придуманной им для осмеяния масонства.

Несомненно, что в период 1723—24 гг. в масонство проникли политические разногласия, причем большинство его сохраняло, однако, верность династии и провозглашенным ею принципам либерализма. Вероятно, на этой почве и создалась вражда к масонскому ордену со стороны иезуитов и находившегося под их влиянием римского престола. В 1738 г. появилась папская булла, осуждавшая масонов, как вредную для апостольской церкви секту. Делались попытки и всю Гормогогонскую историю поставить в связь с интригами иезуитов.

В связи с агитацией католиков и якобитов находились, вероятно, почти все проявления антимасонского настроения и в печати, и в обществе, которые стали особенно часты с начала 40-х годов — в период подготовки последнего покушения на реставрацию Стюартов (1745 г.). Именно в это время на лондонских улицах появились так называемые «масоны наизнанку» с их шутовскими шествиями, подражавшими шествиям масонов. Чтобы спасти свое достоинство от насмешек толпы, масоны принуждены были не только прекратить всякие уличные процессии, но и отказаться от ношения масонского костюма вне закрытых заседаний лож. Масонские «тайны» сделались также достоянием всех: они разоблачались открыто в различных памфлетах и брошюрах, вроде появившегося в 1730 году «Анатомированного масонства». С этих пор масоны с большей осторожностью стали допускать в свою среду новичков и даже изменили пароли. Эта перемена, как мы увидим ниже, послужила одним из поводов к «великому расколу» английского масонства.

«Книга Конституций» 1723 года предназначалась «для руководства лондонских лож и братьев, живущих в городе Лондоне, Вестминстере и окрестностях»: за пределы этого маленького района компетенция Великой Ложы пока не распространялась. Но уже в следующем году наряду с лондонскими ложами, число которых возросло уже до 20, в организации появились и провинциальные; в 1729 году из 54 лож, примыкавших к Великой Лондонской Ложке, 12 находилось в провинции.

За провинциальными ложами появились и заграничные, возникшие большею частью совершенно самостоятельно — безо всякого участия Великой Ложы — просто в силу потребности англичан повсюду создавать себе привычную обстановку и среду.

В 1728 году появилась английская ложа в Мадриде; основателем ее был тот же герцог Уартон, который, находясь в Англии, так плохо уживался в масонством; за границей он не только забыл о

своем отречении от масонства, но и присвоил себе титул «второго депутата Великой Ложы». В 1729 году возникла ложа в Гибралтаре, в 1732 — в Париже, за ними — в Гамбурге, Лиссабоне, Лозанне и других городах: в 1749 году общее число примыкавших к Великой Ложке заграничных лож достигло уже тринадцати. Появились английские ложи и вне Европы — в азиатских и американских колониях — в Филадельфии (1730), в Индии (1762), на о. Ямайке (1742), в Канаде (1760) и т. д. По примеру англичан к ложам стали примыкать местные англomаны, а за ними и другие искатели моды: кроме английских, в европейских городах возникли таким образом и чисто местные уже масонские ложи.

Не все английские ложи признавали авторитет первой Великой Ложки: среди них было немало вновь возникших и старых лож, сохранивших полную независимость или создавших себе новые центры — новые Великие Ложки. Прежде всего возникли великие ложи Ирландии и Шотландии — первая в Дублине (в 1725 г.), вторая в Эдинбурге (в 1736 г.). Около трети шотландских лож немедленно примкнули к Эдинбургской Великой Ложке, но это не помешало и Кильвингской Ложке объявить себя Великой (в 1743 г.). Гросмейстером Великой Ложки Шотландии был выбран представитель рода Сэнт-Клэрв и претендовавший на наследственное звание «надзирателей и судей масонов» принимаемая гросмейстерское звание, сэр Уильям Сэнт-Клэр торжественно отказался от этих притязаний.

В 1726 году право на звание Великой Ложки предъявила устами «Великого надзирателя» доктора Дракэ и Иоркская Ложа. На годичном собрании в день апостола Иоанна 27 декабря Дракэ произнес большую речь, в которой указал на славное прошлое Иоркской ложи и на роль, которую она играла, по масонским преданиям во времена короля Эдвина. Ссылаясь на нее, Дракэ считал справедливым называть Иоркскую ложу «Великой Ложей Всей Англии», не оспаривая, впрочем, фактических прав и Лондонской Ложки.

Как выражение масонского кредо, речь Дракэ является для историка масонства не менее ценным документом, чем «Книга Конституции» и предисловие «Филалета», и еще ярче, чем они, подчеркивают основные черты английского масонства — дух умеренности и почтительного отношения к установившейся общественной иерархии. «Вы, принятые в масонство из чуждых строительству классов,— говорил Дракэ,— думайте прежде всего о том, что связано с прямым вашим делом: не доводите любовь к масонству до того, чтобы забывать о насущном хлебе и своей семье. Вы отлично понимаете сами, что если в масонство принят, например, портной, то это не значит еще, что он способен быть строителем храмов. Ваше собственное призвание всегда должно стоять на первом плане, ложные братья умеют, правда, строить воздушные замки, но

добрый масон не станет трудиться над столь непрочной постройкой, и предпочтет остаться на твердой почве действительности»...

К представителям высшего класса, к «масонам из дворян», Дракэ обращается особо, прося у них извинения за такую «дерзость», продиктованную ему обязанностями надзирателя. «Дворянам» Дракэ не только не препятствует заниматься строительством, но и усиленно рекомендует им изучение геометрии и Архитектуры, видя в этом их прямое призвание: «Дворянин без знания наук и искусств подобен остову прекрасного дома без внутренней законченности и убранства. Образование большинства из вас благородно, но не могу выразить вам, насколько бы выиграло оно, если бы вы присоединили к нему изучение Геометрии и Архитектуры. Во многих ложах Лондона и других частей Королевства чтение трактатов по геометрии и архитектуре производится, как я слышал, на каждом собрании, так почему же ложа — мать должна забыть о своих старых обычаях и остаться старшей лишь по праву фактической древности. Пусть дворянину, принявшему франкмасонское звание, не страшна будет ни геометрическая задача, ни теорема Эвклида, пусть он знает хотя бы историю Архитектуры и различие ее пяти частей»...

В конце речи Дракэ формулировал основные добродетели масона в виде краткого девиза — «добрый христианин, верноподданный и истинный британец»...

Влияние на масонские ложи великосветского элемента проявилось, между прочим, в усложнении первоначального ритуала — в появлении парадных костюмов, пышных церемоний, театральных процессий. Создалась особая должность церемониймейстеров и даже специальная церемониймейстерская ложа (с 1735 г.). Но главное изменение ритуала состояло в появлении новых масонских степеней, или званий. От старого масонства были унаследованы степени ученика и рабочего, или мастера. Эти две степени были приняты и в первом издании «Книги Конституций». Однако звание мастера стали вскоре отделять от звания рабочего, и таким образом создалась система трех степеней со специальным для каждой из них обрядом посвящения; во втором издании «Книги Конституций» она считается уже общепризнанной. Переход к системе трех степеней тем более противоречил первоначальной демократичности масонской организации, что посвящение в звание мастера сделалось привилегией лишь нескольких, так называемых «мастерских лож». Процесс не остановился и на этом: за званием мастера, появились другие — «утвержденный мастер», «выдающийся мастер» и пр. и прежде всего звание «Мастера Королевской Арки». Возникла эта степень, как утверждают некоторые современные авторы, в Йорке, и первое документальное упоминание о ней относится к 1740 году

В 1765 году при Лондонской Великой Ложке был организован особый «Капитул мастеров Королевской Арки», превратившийся впоследствии в «Верховный Великий Капитул масонов Королевской Арки», председатель которого получил титул «Великого Заровавеля». Появилась наконец и еще целая система масонских званий, связанная с так наз. «шотландством», но в Англии они официального признания не получили.

Стремилась создать для масонства и более «благородную» генеалогию — сблизить масонский Орден то с пресловутым братством Розового Креста, то со средневековыми орденами рыцарей-крестоносцев: «Стыдясь за свое действительное происхождение,— писала в 1730 г. «Ежедневная Газета» — франк-масоны заимствовали у иностранного общества Розового Креста церемонии и обряды и стараются уверить всех, будто от этого общества происходит и их собственный орден». Андерсен в поисках «благородной» генеалогии масонства шел еще дальше: «Духовные и светские рыцари,— писал он в 1-м издании «Книги Конституций»,— много обычаев заимствовали у франк-масонов, орден которых является самым древним из существующих на земле; быть может они были даже его членами». Во 2-м издании Книги Андерсен безо всякого колебания приводил уже и доказательства в пользу своего предположения: и у масонов и у палестинских рыцарей есть должность гротмейстера, и те и другие имеют обряд посвящения и «тайны», скрытые от взоров непосвященных...

Мысль, случайно, по-видимому, брошенная Андерсеном, не только не заглохла, но получила неожиданное развитие в так называемом «Шотландском масонстве» (которое не следует смешивать с масонством Шотландии). В начале статьи мы упомянули о теории династического происхождения масонства: сторонники этой теории не только приписывали раннему масонству активную роль в борьбе политических партий при Стюартах, но говорили даже о двух враждебных масонствах — старом «якобитском» и новом «оранжистском». Гипотеза эта, основанная на полном искажении исторических фактов, возникла все-таки не случайно — поводом к ней послужили действительные события: «Шотландская система масонства», возникшая в 30-х годах XVIII столетия, была действительно «якобитским масонством», родилась из попытки использовать масонское знамя для якобитских целей, хотя это и не давало историкам права ни говорить о якобитстве масонов XVIII века, ни приписывать масонству в целом каких бы то ни было политических платформ.

Средой, в которой мысль о связи масонства с крестоносцами нашла себе благоприятную почву, было шотландское и английское дворянство, окружавшее двор Иакова II в Париже, и, позднее,

двор «Иакова III» в Риме. Здесь под лозунгом восстановления в Англии «законной королевской власти» и прав католической церкви созревали планы «нового крестового похода»: сказания о старых крестоносцах получили тут совершенно особенный, практический смысл. Многие члены якобитской эмиграции принадлежали к масонству; они охотно превращали теперь свой орден в благородный орден крестоносцев и обогащали идейный багаж якобитства заветами строителей Соломонова Храма и «древними тайнами восточных народов».

Еще в 1731 году в Дублине вышла анонимная брошюра — «Письмо Гросмейстерши франк-масонов», в которой намечалась уже в общих чертах теория христианско-рыцарского масонства: «преобразователями языческого и еврейского масонства в современное, христианское, были Мальтийские рыцари и рыцари Иоанна Иерусалимского; все шотландские короли, начиная с Фергуса (VII век) были после этого преемственными гросмейстерами фр.-масонов». В 1737 году в публичной речи перед собранием Парижских якобитов шотландского дворянина Михаила Рамзэ теория получила уже вполне законченный вид: «Масонский Орден,— говорил Рамзэ,— возник в Палестине в эпоху крестовых походов, когда под сводами Иерусалимского храма были найдены тайные символы древней священной науки; рыцари Иоанна Иерусалимского вступили в масонские ложи и передали им свое имя («Ложи св. Иоанна»): «так и евреи, строители 2-го Храма, в одной руке держали лопатку и известь, а в другой руке — меч и щит»; из Палестины масонство перешло в эпоху крестовых походов в Германию, Италию, Испанию, Францию, а из Франции в Шотландию, где первая, Кильвингская, ложа была основана в 1786 году под управлением лорда — правителя Шотландии Джемса...

В дальнейшем развитии легенды место рыцарей Иоанна Иерусалимского заняли уже рыцари Храма, самое название которых как бы наталкивало на догадку о близости их к физическим строителям храмов: после уничтожения во Франции Ордена Тамплиеров тайный преемник их последнего Гросмейстера Жака-де-Малэ, Пьер д'Омонт укрылся с несколькими рыцарями в Шотландии, где они примкнули для безопасности к масонскому цеху и приняли название франк-масонов; так сохранили они для потомства свои великие тайны и свой старинный символический ритуал.

В 1745 году поход новых крестоносцев осуществился. Последний Стюарт, воспитанный в Риме, внук Иакова II — Карл Эдуард («Карл III»), высадился на севере Великобритании и овладел Шотландским Престолом; немедленно он объявил себя и гросмейстером шотландского масонства, но через год его сторонники были разбиты войсками Георга II и он принужден был бежать обратно на ма-

терик. Трудно сказать, действительно ли этот последний Стюарт был активным масоном, но молва сделала его «Верховным Грос-мейстером всех Шотландских, Французских и Немецких Лож» и отважным заговорщиком, посещавшим тайные масонские собрания в самой столице короля Георга; в рассказах барона фон-Хунда он фигурирует в качестве таинственного «рыцаря с красным плюмажем», посвящавшего его в Париже в «рыцари Храма».

Якобитская попытка 1745—46 года была последней. Франция, охотно поддерживавшая доселе якобитские интриги, после Ахенского мира (1748 г.) не только признала Ганноверскую династию, но и обязалась изгнать из Франции Стюартов; под давлением Людовика XIV отказался от них и Рим. Это было фактическим концом как якобительства, так и католического масонства. Но, потерявши свой политический смысл, «Шотландство» продолжало и в качестве простого придатка к масонству находить себе приверженцев среди континентального, а отчасти и английского дворянства. В добавление к собственно масонским распространились рыцарские или «шотландские» степени, а в 50-х годах возник, параллельно масонству, «Королевский Орден Шотландии», или «Орден Старого Чина» с различными капитулами — «Рыцари Востока», «Императоров Востока и Запада» и т. п. В 1774 году членами «Старого Чина» состояло, по крайней мере, двенадцать королевских принцев и царствующих особ. Смертельный удар «Строгому Чину» был нанесен в 1782 году Конгрессом немецких франк-масонов в Вильгельмсбаде, объявивших утверждение о связи масонов с таинствами не соответствующим исторической правде.

В. «Раскол» и объединение английского масонства (1750—1813 г.)

Мы видели уже, что Великая Лондонская Ложа не объединяла всего английского масонства, что кроме лож, признавших ее авторитет, существовали ложи, совершенно от нее не зависевшие, не говоря уже об ирландских и шотландских ложах, создавших себе свои собственные центры; некоторые из провинциальных лож, — особенно старые, не вполне утратившие еще цеховые традиции, ложи (такие ложи встречались в Англии до середины XVIII века) — быть может, не слышали толком и о существовании великих лож. Как бы то ни было, процесс объединения масонства совершался в Англии довольно медленно и не без труда, тем более, что и серьезных стимулов для объединения пока не существовало.

В начале 50-х годов процесс усложнился благодаря появлению нового масонского центра — «Великой Английской Ложы Старых Уставов». Попытки организации новых «великих лож» делались в

Англии и раньше (мы упоминали, напр., о притязании Иорской ложи), но все они кончались неудачей: действительно опасный конкурент явился у Великой Лондонской Ложи только теперь. Основанная в июне 1751 года в составе пяти лондонских лож «Великая Ложа старинных уставов», уже через три года имела в своем ведении 28 лож, в 1760 году — 83, в 1800—167.

Период после ее основания известен в истории масонства под именем периода «великого раскола». В действительности раскола тут не было, так как большинство примкнувших к новому центру лож авторитета старого центра не признавали и раньше: это было, таким образом, лишь независимое и параллельное развитие двух организаций.

О причинах раздвоения этого объединительного процесса до сих пор можно только догадываться. Сторонники гипотезы двух масонств выводили его из старого различия якобитского и оранжистского масонства; другие, ссылаясь на косвенные указания современников, искали корней расхождения то в оппозиционном настроении иорских масонов, то в недовольстве консерваторов «радикализмом» Книги Конституций в религиозном вопросе; по мнению Гуда, большинство сторонников «старинных уставов» составилось из лож, в большом количестве вычеркнутых Великой Ложей из списка за невзнос отчислений в благотворительный фонд. В одном отношении «старые масоны» были действительно старыми — они не признавали измененных в 40-х годах масонских паролей: быть может, в этом чисто ритуальном разногласии и следует искать главную причину «раскола».

В начале отношения между «старым» и «новым» масонством носили мирный характер: не было ни разных столкновений, ни взаимных нападков. Но когда быстрые успехи новой организации слишком затронули и самолюбие, и интересы Великой Ложи, ее сторонники обрушились на «старых» с обвинениями в расколе и самозванстве, на что те отвечали не менее резкими нападками на «новых». На несколько лет загорелся ожесточеннейший спор, руководимый двумя «великими секретарями» — Уильямом Престоном со стороны «новых масонов» и Лорентом Дермотом со стороны «старых».

В 1756 году Дермот выпустил собственную Книгу Конституции под старинным заглавием «Ахиман Резон». В основу ее были положены уставы и обычаи ирландских лож, но в общем она мало отличалась от «Книги Конституций» Андерсена. Историческая часть, впрочем отсутствует в ней совершенно: Дермот тонко иронизирует над историческими приемами Андерсена (не называя, впрочем, его имени) и, по внушению якобы самого Ахимана, отказывается от всякой попытки ему подражать.

Разногласия между «старым» и «новым» масонством носили почти исключительно ритуальный характер. Что касается более глубоких различий, то если они и существовали, их можно было заметить лишь при начале «раскола», когда социальный и национальный состав двух масонств не успел еще стать однородным. В «старом» масонстве преобладал первоначально ирландский и отчасти шотландский элемент; в социальном же отношении оно было представлено более демократическими классами до ремесленников и мелких буржуа включительно; сам Дермот, ирландец по происхождению, вышел из простой рабочей семьи и сам был вначале рабочим. В 1758 году «Великая Ложа старых масонов» заключила тесный союз с «Великой Ложей Ирландии», а позднее своего рода личная уния соединил ее и с «Великой Ложей Шотландии»; в течение 10-ти лет (с 1771 до 1781 г. ее гросмейстерами были гросмейстеры шотландского масонства герцоги Атольские; организованные в конце 30-х годов военные ложи «старых» масонов получили название «Атольских» и «походных Ирландских» лож.

Именно влияние ирландского элемента содействовало, быть может, большей консервативности «старых масонов» в области религии, а также и склонности их к «добавочным» степеням масонства до звания «рыцаря Храма» включительно: только в этом и проявилась, быть может, известная близость их к «якобитству».

С течением времени состав обоих английских масонств становился все более и более однородным — в обоих решительно преобладал великосветский и титулованный элемент. Старые споры забывались, ритуальные различия сглаживались. В конце XVIII века очень многие масоны были одновременно членами и «новых» и «старых» лож. Объединение организаций стало вопросом времени.

Первое предложение об объединении было сделано в 1797 году «старыми» масонами, но переговоры протянулись целых 16 лет, и только в 1813 году, когда гросмейстерами «старого» и «нового» масонства стали два брата короля, герцоги Кентский и Суссекский, оно наконец осуществилось. На общем собрании обеих великих лож по предложению гросмейстера «старых масонов» герцога Кентского был выбран единогласно «Гросмейстером Великой Соединенной Ложы старых масонов Англии». Как видно из этого титула, объединение явилось фактически победой «старых». В объединительном акте 1813 г. было объявлено, что «чистое старое масонство» состоит лишь из трех степеней — ученика, рабочего и мастера, но и «высокий Орден священной Королевской Арки» признавался наряду с ними, как добавочный и не для всех обязательный институт. На таких же основаниях допускался в масонстве ритуал и рыцарских степеней.

В 1815 году появилось новое издание «Книги Конституций». Боевой пункт о религии и Боге был формулирован в ней так: «Та или иная религия и способ поклонений божеству не может быть поводом к исключению кого бы то ни было из Общества франк-масонов, лишь бы он веровал в славного Архитектора неба и земли и практиковал священные обязанности морали». Формулировка эта представляла компромисс между сторонниками полной свободы совести и масонами, желавшими видеть в своей среде одних христиан.

Ив. ХЕРАСКОВ

ФРАНЦУЗСКОЕ МАСОНСТВО В XVIII ВЕКЕ

Французское франк-масонство побочная дочь английского. Ранняя история его тесно связана с наплывом во Францию английской знати после революций XVII века. «Достопыслная революция» 1688 года низвергла окончательно династию Стюартов и заставила ее представителя Иакова II с кучкой верных приверженцев искать убежища у христианнейшего короля-солнца Франции Людовика XIV. С этих пор устанавливается непрерывная тяга на континент во Францию той части английской знати, которая осталась верна королю-изгнаннику, надеялась на его возвращение и готова была содействовать этому даже с оружием в руках, за что и получила характерное название «сторонников Иакова» — «якобитов». Наиболее скомпрометированные якобиты принуждены были окончательно расстаться с родиной. Эти эмигранты и сочувствовавшие им поклонники английских общественных порядков и были первыми основателями масонских лож во Франции.

Уже в тридцатых годах XVIII века в Париже числилось 5 лож. Первая ложа, известная под разными наименованиями, основана была будто бы в 1725 году, но лишь в 1732 году получила свою конституцию от великой ложи Англии. В основании этой ложи среди других англичан принимал деятельное участие Чарльз Рэдклифф, граф Дервентуотер, убежденный якобит, сложивший впоследствии свою голову на плахе в Англии. Смутные сведения масонских летописцев и историков ставят его на почетное место предполагаемого 1-го великого мастера (гроссмейстера) Франции с 1736 года. После него будто бы был выбран 4 или 6. ложами, в качестве великого мастера, граф Гарнуестер, предполагаемый 2-й гроссмейстер Франции.

Таков легендарный период французского франк-масонства, признаваемый официальной масонской традицией.

Рядом с якобитским дворянством организуют ложи во Франции и представители английской знати, сохранившей верность новому Ганноверскому дому. Английские газеты рассказывают неоднократно о заседаниях парижских лож, учрежденных родовитыми английскими аристократами, на которых присутствует, между прочим, и знаменитый Монтескье. В 1737 году одна из лондонских газет сообщает даже, что орден франк-масонов, давно уже существующий в Англии, пользуется в Париже большим расположением, и недавно в него вступило 18—20 членов аристократии.

Общественный и политический строй Англии этого времени представлялся идеальным как французской знати, согнувшейся под игм королевского абсолютизма, так и буржуазии, жаждавшей сравняться с высшими классами. В самом деле, абсолютная власть

короля лишила политической самостоятельности могущественное прежде дворянство. Всякие собрания, преследовавшие серьезные цели, воспрещались: и 20 дворян не имели права собраться без нарочитого разрешения короля. От прежних провинциальных собраний (по сословиям) осталась одна тень. Собрания частных лиц были терпимы лишь тогда, когда устраивались ради развлечений, да и то под бдительным надзором полиции.

Между тем разорение и позор, навлеченные на Францию себялюбивою политикой Людовика XIV, не могли не вызвать протеста, робкого среди знати, бурного, стихийного среди народа, утесняемого и духовно и экономически.

Королевское могущество было слишком велико, чтобы как отдельные голоса знатных критиков, так и отчаянная борьба отдельных кучек плохо организованного крестьянства могли пошатнуть престол Людовика XIV.

Но едва он закрыл глаза, как регент малолетнего Людовика XV герцог Филипп Орлеанский принужден был сделать некоторые уступки, смягчившие резкий характер абсолютной власти. Проснулись и былые политические притязания знати, которая устами графа Буленвилье производила себя от франков завоевателей и требовала себе почетного места у других сословий, происходивших будто бы от поработанных галлов. Пробуждалось к жизни политической и третье сословие. Проповеди Массилона, сочинения аббата Сен-Пьера вызвали образование так называемого клуба «антресоля», где ученые, государственные сановники и некоторые буржуа обсуждали политические вопросы дня. Клуб сумел повлиять даже на внешнюю политику правительства.

Тем с большей силой искало выхода и религиозное чувство буржуазии, оскорбляемой сухой обрядностью господствующей церкви и суровыми полицейскими преследованиями научной и религиозной мысли. Иногда эти религиозные томления выливались в уродливых формах почитания подозрительных праведников и сомнительных подвижников, несмотря на все гонения и запрещения духовных властей. В то же время цвет буржуазии, достигший влиятельного положения в рядах судейской магистратуры, вел несокращаемую упорную борьбу с ультрамонтанством, отстаивая от честолюбивых притязаний римской курии права национальной галликанской церкви.

При таких условиях туманный и неопределенный идеал братства с религиозно-нравственной окраской, воплощенный в английском масонстве, нашел сочувствие и у французского аристократа, и у буржуа.

Если дворянам, мечтавшим о былой власти, представлялось выгодное положение руководителей новых обществ, то взоры всех

худородных, жаждавших перемены своего общественного положения и недовольных сухой обрядностью господствующей церкви, устремились назад к любезному сердцу «естественному состоянию». И идеологи третьего сословия с особым тщанием должны были искать средства для того, чтобы вытеснить уклонения от природы, вернуть природе прежнюю власть и восстановить первобытное состояние всеобщей свободы и равенства. Лучше всего передает эти ожидания и упования очень популярное анонимное произведение «Франк-масон (Сновидение)». Оно неоднократно переиздавалось в 40-х годах XVIII века. Сама природа заявляет, что «счастливые времена должны вернуться. Законы мои будут управлять Францией. Настоящее ручается мне за счастливое будущее»... Она приглашает спящего следовать за ней и показывает ему умиленную картину смирения гордых. «Это моя самая лучшая победа над человечеством», — говорит природа. «Она напоминает великим закон равенства и повергает к ногам кумир славы, жертву почтенной и благородной свободы, которая ничего не заимствует от неправедных преимуществ и учит чтить право государей и богов. Царство мое осватило справедливую зависимость, которой требует власть государей и богов. Не удивляйся поэтому счастливой гармонии, порождаемой общностью сего блестящего согласия»...

Итак, пылкие мечты о возвращении к природе сочетаются с верноподданическими чувствами, и стремления к равенству и братству, облеченные в высокопарные фразы, отвергают какой-либо политический протест.

Принципы франк-масонства вполне соответствовали этим скромным стремлениям почтительного верноподданного буржуа к нравственному совершенствованию и социальному равенству.

Поэтому памфлет «Сорванная печать» энергично заявляет: «какового бы ни было происхождение франкмасонства, каков бы ни был дух учреждения, ныне вся его цель — возвратить человечество к первоначальному равенству и установить между масонами союз общности, отмечая различия, порождаемые среди нас рождением, сословием и должностями»...

Третье сословие должно было желать этого вожделенного равенства — и картина заседания масонской ложи вызывает умиление у мягкодушных братьев: «Какой иной пример может нам до сих пор представить счастливые времена Астреи? Всякий дворянин позволяет своему дворянству фамильярничать; буржуа возвышается до некоторого великодушия, словом, кто только имеет в чем преимущество, охотно отказывается от него; все уравнивается. Титул «брата» не пустое словообращение: все сообща наслаждаются приятностями братства. Заслуги и таланты выделяются, но те, кто имеет счастье обладать ими, проявляют их без страха и гор-

дости, потому что тот, кто лишен этих преимуществ, не чувствует от этого ни унижения, ни зависти. Никто не хочет там блистать. Каждый старается нравиться». Стремление к равенству настолько сильно сказывается, что ложи французские объявляют всех братьев благородными — «рыцарями».

Понятно, что масонство быстро начинает распространяться, и уже в 1732 г. находим мы «английскую» ложу в Бордо. Вскоре затем появляются ложи в других больших городах Франции: Лионе, Руане, Кане, Монпелье, Авиньоне, Нанте, Тулузе. Наконец, молодой герцог д'Антэн становится во главе парижских лож: это 3-й, если следовать масонской традиции, но на самом деле первый французский великий мастер.

Но слабое развитие общественного самосознания привело к усвоению лишь одной внешней формы английского масонства.

Времяпровождение братьев-масонов, собиравшихся в ресторанах и кабачках, не отличалось строгостью нравов: роскошные обеды и карточная игра, по-видимому, их главное занятие. Между тем таинственность, с одной стороны, и шумность собраний — с другой, скоро привлекли к масонам особенное внимание полиции, не прекращавшей за масонами зоркого наблюдения с тех пор, как движение это вышло за пределы английской колонии. 10 сентября 1737 года полицейский обход застиг в полном разгаре собрание масонов виноторговца Шапло. Уже на улице было заметно громадное скопление кабриолетов, лакеев знатных господ и любопытных. Несмотря на энергичный протест случившегося здесь великого мастера — герцога д'Антэн, полицейский комиссар настоял на закрытии собрания, причем содержатель гостиницы поплатился большим штрафом. Но полицейские гонения не помешали дальнейшему распространению масонства в самом Париже и заседаниям у популярных гостинщиков:

«Как они, иди работать у Гюлэна, у Рюэлля,
у Шапло, у Вальяна и у Ланделя»,—

советует враждебный масонам памфлетист. Особенно же свободно развивались ложи за пределами Парижа, в провинциях, куда не досягал зоркий глаз парижской полиции. Так в Люневилле масоны устроили 17 февраля 1738 года большой пир, на котором присутствовали лица обоих полов и братья-масоны, притом во всех своих отличиях. Торжество началось концертом. В полночь открылся бал под звуки великолепного оркестра. В двух смежных комнатах шла оживленная игра в карты. Собиравшиеся были так уверены в своей безнаказанности, что ожидали даже прибытия высокопоставленного гостя, короля Станислава Лещинского (наместника Лотарингии и тестя Людовика XV).

Очевидно, такое времяпровождение не было исключением в практике масонских лож. Так, в одной из французских газет 1736 года находим известие такого рода: «Столь старое, как и знаменитое в Англии общество делается модным. Кто хочет вступить в него, должен внести 10 луидоров и в придачу сказать много добрых слов. Недавно было принято 10 новых сочленов и церемония закончилась обедом, при котором присутствовали люди первых чинов, причем некий герцог, прежде чем садиться за стол, выиграл у одного английского логда 700 луидоров в пикет». При таких условиях старания полиции разузнать масонские тайны увенчались успехом: при помощи подкупленной певички удалось получить масонский ритуал, который тотчас и был предан на посмеяние публики. Танцовщицы исполняли в театре «масонский танец». Ученики иезуитской коллегии высмеивали в пантомиме принятие в масоны. Даже в театре марионеток выступал франк-масон-петрушка. Посыпалась масса ядовитых памфлетов, но масонство вместе с тем стало вопросом дня, — оно сделалось модным и ему открылся широкий путь в ряды третьего сословия.

Правда, гонения обрушились на масонов во всех углах Европы и достигли своего апогея в выступлении римской курии. Папа Климент XII особой буллой от 7 апр. 1738 года обвинял свободных каменщиков в лицемерии, притворстве, ереси и извращениях. В особую вину им ставилась таинственность и скрытность. Виновным в принадлежности к масонству грозило отлучение.

Набеги полиции, злостные нападения официальных газет вызвали попытку самозащиты. Мишель Прокоп, доктор и видный член масонских лож, попытался защитить масонство и нарисовал в стихах любопытный портрет франк-масона 40-х годов.

«Позвольте мне вам сообщить, кто настоящий франк-масон. Люди нашего ордена всегда выигрывают от близкого знакомства с ними, и я надеюсь своей речью внушить желание вступить в орден. Что же такое представляет настоящий франк-масон? Вот его портрет. Это добрый гражданин, усердный подданный, верный своему государю и государству, и кроме того, — совершенный друг. У нас царит свобода, но всегда приличная. Мы вкушаем наслаждение, не оскорбляя небес. Цель наших стремлений — возродить Астрею и воссоздать людей такими, какими они были во времена Реи. Мы идем не проторенной стезею. Стараемся созидать, и наши здания — темницы для пороков, или храмы для добродетелей»... Таково общее направление французского масона то мирный верно-подданный и благочестивый человек, он живет в мире с установленной властью и господствующей церковью, усиленно подчеркивая это как на заседаниях, так и вне их, и довольствуясь своим туманно и общевыраженным мирозерцанием.

Но булла Климента напугала верующих католиков, несмотря на то, что парижский парламент отказался признать ее и воспротивился официальному ее опубликованию во Франции. Тотчас после нее основывается странный и малоизвестный «орден мопсов», в который впервые допускаются и женщины в качестве членов. причем условием ставились принадлежность к римско-католической церкви.

Являются и другие общества, преследовавшие исключительно цели веселые и ничего не имевшие общего с нравственностью: такковы «орден благополучия», «орден якоря» (1742—1745 гг.).

Гораздо раньше удумала полиция при помощи придворного духовенства создать противовес масонству, но удалось осуществить этот хитроумный проект при посредстве королевского духовника отца Вуазена лишь в 1742 г. Это был «бессмертный и почтенный орден благого отца и патриарха Ноя». Новоявленный орден должен был удовлетворять страсти к пышным титулам и церемониям, и ритуал его был скроен по образцу масонского. «Ордену Ноя не удалось задержать развитие масонства во Франции, несмотря на то, что в эти годы преследование полиции, угрозы главы церкви и хаотическое образование новых лож внесли в ряды французского масонства сильное разложение. Хотя де ла Тьерс уже в 1733 году перевел книгу конституций с английского, она лишь в 1742 году могла появиться в свете, да и то за границей во Франкфурте-на-Майне. И сведения о характере и цели масонского труда, о ритуале, наконец, исторические данные о происхождении масонства приходилось черпать из памфлетов разного типа: одни из них сожалеют о печальном положении масонства, другие (как, напр., произведение оперного музыканта Травеноля) злорадно высмеивают и издеваются. Доброжелательные памфлеты сороковых годов с грустью констатируют торговлю степенями, пышность торжественных обедов, разобщение провинциальных и столичных лож и умножение поддельных, мнимых масонских лож. Некоторые из авторов предлагают и целый ряд мер для исправления недостатков и возрождения гибнувшего масонства: прежде всего необходимо широкое осведомление о целях и задачах масонства на основании английских конституций, потом ограничение числа членов ложи и строгая отчетность в расходовании денежных сумм. Упрекая мастеров лож в невежестве и незнании основоположений масонства, некоторые памфлеты указывают на существование семи степеней, на так называемых «шотландских мастеров». В то же время резко подчеркивается особенное разложение столичных масонских лож, которое дошло до того, что в провинции называются «парижскими мастерами» все те, кто вовсе не исполняет или ленится исполнять предписания ордена.

Среди этих обвинений, соболезнующих советов и нареканий скончался герцог д'Антэй, оставляя французское масонство без определенного центра, без внутренней связи.

Через два дня после его смерти 11 декабря 1743 года собрание 16 парижских мастеров выбрало пожизненным великим мастером принца королевской крови Людовика Бурбона, графа Клермон. С этих выборов ведет свое начало и «великая английская ложа Франции».

Собрание парижских мастеров, избравшее нового гроссмейстера, приняло затем и новый устав, представлявший переработку английских Андерсоновских конституций применительно к французским порядкам.

Следуя английскому образцу, устав признает лишь 3 символических степени и сурово отклоняет всякие притязания на особые преимущества и привилегии так называемых «шотландских мастеров».

Таким образом, избиратели нового гроссмейстера принуждены были посчитаться с любопытным учреждением, выросшим на почве своеобразных условий развития французского масонства.

«Шотландцы», «шотландские мастера» формируются в потоке того же самого реформистского движения, которое выдвинуло и избирателей 1743 г.

Хаотическое распространение франкмасонства в провинциях, стремление мало осведомленных братьев познать основы масонской легенды, кривотолкования доморожденных мастеров привело к оригинальной эволюции самой легенды. Рядом с Хирамом становится Адонирам, заведывающий работами в Соломоновом храме. О бок с хирамической легендой, таким образом, развивается адонирамическая. Целью работы в ложе является построение храма человеческого счастья. Мало того, проскальзывают и пантеистические и даже материалистические элементы.

К этому присоединились интриги якобитов, подготовлявших экспедицию в Шотландию отчаянного авантюриста королевской крови Карла-Эдуарда Стюарта, иначе «Молодого претендента». Экспедиция кончилась полным поражением якобитов и бегством претендента во Францию. Но ловкие памфлетисты сумели связать этот новый крестовый поход с ветхим средневековьем и найти параллели между целями крестоносных орденов и франк-масонских лож. После этого нетрудно для них оказалось открыть хронологические звенья и даже родство масонов с рыцарями С. Иоанна Иерусалимского, а после протеста мальтийских рыцарей установить близость масонства к тамплиерам-рыцарям храма и отыскать в Шотландии мнимую прародину масонства. Так подготовлена была почва для

появления таинственной степени «шотландского мастера». Постройка храма Соломонова, наименований рыцарей храмовников, поход в Шотландию — все это сплелось в полную неразбериху, дающую полный простор для любителей филологических толкований и корнесловий. Немудрено, что на этот благодарный материал накинута с жадностью всякого рода авантюристы, иные задававшиеся благими целями вывести масонство на торную дорогу, другие, не имевшие ничего в виду, кроме честолюбивых эгоистических целей, третьи, мечтавшие сделать свои помыслы орудием политических интриг.

Типическим представителем таких людей является первый, кто попытался установить связь между масонством и крестоносными орденами, Михаил Андрей Рамзэ, — личность темная и загадочная, связанная ясно с якобитами в знатном герцогском доме Бульонов, он мечтает о масонской космополитической республике и в то же время отрекается пред французским министром-кардиналом Флери от всякого участия в масонских ложах. Шпион Стюартов, а быть может и Ганноверской династии — человек с двойным лицом, он в своей знаменитой речи ловко формулировал связь масонства с орденами крестоносцев и дал толчок пышному расцвету разных систем и высших степеней. По следам его пошли и другие — и особенно много сделал для обработки степени «шотландского мастера» более поздний деятель 60-х годов барон Генрих Чуди, такая же перелетная птица, как и Рамзэ. Потомок известной швейцарской фамилии, заброшенной в Метц, сын советника парламента, рьяный памфлетист, актер французской труппы при дворе Елизаветы Петровны, частный секретарь И. И. Шувалова, он в то же время и лучший идеолог шотландской системы, связанной с легендами о храмовниках и борьбой Стюартов за утраченный престол.

Таким образом, уже с 40-х годов памфлеты знакомят нас с различными новыми степенями — «архитектора» — «избранника», «Кадош», — которые выросли на почве развившейся легенды о мести за убитого Адонирама, о мести за гибель тамплиеров. Но чаще всего встречается окруженное особым ореолом звание «шотландского мастера»: от него ждут реформы и наставления.

Устав 1743 года с его запретом не мог положить преграду появлению высших степеней и новых систем. Уже в 1747 году кавалер Бошэн основал «орден дровосеков», который, уступая настойчивому стремлению знатных дам, вводил их в ложу, как равноправных членов. В 1754 году кавалер Бонневиль основал капитул высших степеней в Париже и в честь гроссмейстера дал ему имя Клермонского. Но скоро этот капитул был поглощен новыми системами. Погоня за усложнением степеней и пышный расцвет много-

степенных систем, очевидно, основывался на крупном социальном факте. Таковым и была борьба между дворянством и буржуазией, а в среде самого дворянства — между старым судейским и пожалованным. Если буржуа жаждал отличий, то не менее его жаждал их и дворянин, ревниво следивший за сохранением чести своих предков: он привык к феодальной иерархии и старался использовать в этом смысле масонскую легенду. Добивались места в ложе и знатная дама, и жена богатого буржуа, которые завоевали уже себе долю политического и общественного влияния: создали салоны.

Таким образом, все стремления к «естественному порядку» разбивались о классовые и групповые перегородки.

Понятно тогда, почему Великая английская ложа Франции, издавая новый статут, в конце концов уступила общему течению и предоставила в 1755 году шотландским мастерам особые привилегии в ложах, поручила им наблюдение и увещание.

Если раньше устав считался с английскими конституциями, то теперь он резко расходился с ними, признавая необходимым условием вступления в ложу исповедание христианской религии и даже римско-католической. Самое название Великой ложи эмансипируется: она называется Великой ложей Франции. Масонство решительно становилось на путь полного приспособления к французским порядкам. После этого открылась широкая дорога для новых туземных масонских систем. В 1756 году является новый капитул «Кавалеров Востока», а в 1758 году выступает еще более пышная система «Императоры Востока и Запада», члены которой именовали себя «Верховными князьями-масонами, главными наместниками королевского искусства, великими наблюдателями и офицерами великой и верховной ложи С. Иоанна Иерусалимского». Последняя система состояла из 25 степеней, разделенных на 7 классов: 1-й ученик, подмастерье, мастер; 2-й тайный мастер, совершенный мастер, интимный секретарь, право и судья, интендант; 3-й мастер, избранник 9-ти, мастер избранник 15-ти, верховный избранный рыцарь 4-й: Великий мастер — зодчий, рыцарь королевского ковчега, великий избранник; 5-й: рыцарь Востока, князь Иерусалима, рыцарь Востока и Запада, верховный князь — Розенкрейцер, великий жрец пожизненный мастер; 6-й: Великий патриарх Ноя, Великий мастер масонского ключа, князь Ливанский или князь королевской секиры; 7-й: Верховный князь ученик, Великий командор Черного орла, Верховный князь королевского молчания.

Большинство «рыцарей» принадлежало к буржуазии, «императоров» же к знати, — следствием этого была борьба между обеими системами, которая привела к основанию «императорами» новой Великой ложи.

В конце концов «императорам» удалось окончательно вытеснить «кавалеров» из Великой ложи.

Так не оправдались надежды на реорганизацию масонства. Великий мастер был занят своей военной карьерой, а потом обычными развлечениями знатного барина той эпохи. Но близость его к высшему духовенству не спасла масонство от новых громов церкви: папа Бенедикт XIV возобновил осуждение, высказанное Климентом XII.

Масонство являлось как бы особым феодалом, которым распоряжались подручные великого мастера высокородного аристократа, принца крови; все вершили заместители графа Клермонтского: незначительный банкир Бор и учитель танцев, связанный с графом Клермоном различными щекотливыми услугами, Лакорн. Они, разумеется, не обладали достаточным авторитетом, чтобы упорядочить расшатавшееся масонство. И снова возобновилось старое: заседания лож превращались в шумные оргии, масонские тайны выдавались людям весьма двусмысленной нравственности.

Между тем число лож непрерывно возрастало — и патентами на открытие, печатями, удостоверениями, знаками отличия открыто торговали, запрашивая дорого и уступая по своей цене.

Среди этой неурядицы умер граф Клермонтский (1771 г), и кучка энергических парижских масонов задумала провести вновь реформу. Враждовавшие в Великой ложе группы примирились и в особом собрании, в котором участвовали вместе с парижскими мастерами и делегаты от провинциальных лож, был выбран новый грессмейстер, герцог Шартрский, впоследствии Орлеанский, будущий Филипп-Эгалитэ, и его заместитель, герцог Монморанси-Люксембург.

Это знаменитое собрание делегатов от лож продолжалось несколько месяцев в 1772—73 г. и получило название «Национального». В трудах его, помимо депутатов от Парижа, участвовало более 20 провинциальных; очень много принадлежало к высшему титулованному дворянству (до 40). Но принцип непосредственного представительства не был осуществлен: большинство жило в Париже и представляло по несколько провинциальных лож. Так, Бакон де ла-Шевальри — 5; маркиз де ла-Клермон-Тоннер — 7; Лабади даже 27, Тюркгейм — все Страсбургские, Виллермо—Лионские, граф Александр Строганов — все ложи Франшконте. Всем вершил небольшой кружок знатных масонов, имевший во главе Монморанси-Люксембурга. Великая ложа была подразделена на три палаты: администрации, Парижа и провинций. Работа в ложах была подчинена надзору особых 22 провинциальных инспекторов, обязанных представлять отчеты о своих наблюдениях. Когда затем тесный аристократический кружок герцога Монморанси-Люксембурга стал

энергично выяснять отчетность прежних деятелей Великой ложи и, набирая высших сановников ложи из своих, удалил Лабади, заведывавшего сношениями с провинциальными ложами, произошел раскол. Лабади, энергичный и честолюбивый буржуа, сумел привлечь на свою сторону парижских мастеров, объяснив им, насколько проводимые новыми заправилами централистические тенденции грозят их несменяемости и авторитету. Часть парижских мастеров поэтому протестовала и сохранила старую ложу.

Обе Великих ложи — нового состава и старого — вступили друг с другом в ожесточенную борьбу, хотя обе признавали одного и того же гротмейстера и его заместителя. Монморанси не побрезговал даже воспользоваться своими связями, чтобы натравить полицию на вождей старой ложи.

22 октября 1773 года состоялось торжественное вступление в должность нового гротмейстера, в признании которого объединились все капитулы, советы и шотландские ложи Франции. С этого времени новая Великая национальная ложа именуется себя Великим Востоком Франции. Старая ложа, не уступая сопернице, принимает тоже титул «Одного и Единственного Великого Востока Франции».

Лабади удержал в своих руках все документы, касавшиеся провинциальных лож, и поэтому, чтобы оторвать от старой ложи провинциальные и привлечь их к себе, Великий Восток замыслил разделить Францию на 32 генералитета и создать в главных городах местные центры — Великие провинциальные ложи. Но проект не принес реальных плодов: образовалось всего 4—5 провинциальных лож.

Продолжая дело внутренней организации масонства, Великий Восток высказывается за сохранение 3 символических степеней, учреждает комиссию для редактирования высших степеней из трех лиц (Бакон де ла Шевальри, барона Туссэна и графа А. Строганова) и санкционирует допущение дам наравне с братьями-масонами, для чего учреждаются так называемые «адаптивные» ложи.

Во главе Великого Востока становятся зажиточные титулованные дворяне, что и отражается на высоких взносах, которыми облагаются главные сановники Великого Востока не только на содержание своей ложи, но и на содержание центрального органа — не менее 150 ливров в год.

Аристократические тенденции заправил Великого Востока сказываются в образовании особых лож, членами которых была исключительно знать. Так герцог Шартрский основал в 1775 г. ложу «Чистоты», в которую вошли отборные представители знати: герцог Шуазель, маркиз Лафайет, маркиз Сен-Жермен, принц Гессе, принц Нассау, маркиз Спинола и другие. Особая ложа составляла даже фамильное достояние знатного рода герцогов Бульо-

нов — Великий Восток Бульонов. Положен был предел и притоку членов из мелкой буржуазии, в ложи принимались лишь мастера в искусствах и ремеслах и вовсе закрыт был доступ для актеров. Ложи окончательно приспособились к существовавшему общественному и политическому строю и деятельность их свелась почти исключительно к делам благотворительности: помощи бедным, воспитанию сирот и подкидышей, поддержке инвалидов. Оставалось объединиться и организовать.

Хотя Великий Восток и уклонился от разработки высших степеней, но он не мог подавить стремление к ним в своей собственной среде.

В это время Орден Строгого Послушания отправил эмиссаров, которые основали три новых провинции во Франции: в Лионе, Бордо и Страсбурге. Тогда Бакон де ла-Шевальери внес предложение Великому Востоку соединиться с директориями новых провинций Строгого Послушания. В 1776 году был заключен договор, по которому ложи Строгого Послушания получали представительство в Великом Востоке и сохраняли в то же время полную свободу действий.

Тщетны были протесты некоторых провинциальных лож, - возставших против привилегий иноземной системы.

Уладившие договор с Орденом Строгого Послушания Строганов, Бакон де ла-Шевальери, барон Туссен сами принадлежали к этому ордену и воспользовались случаем ликвидировать возложенную на них задачу рассмотрения высших степеней.

Параллельно германской системе, развивается национальная шотландская система.

Еще в 1766 году Лазарь Брюнето основал ложу св. Лазаря, которая успела получить санкцию от самостоятельной Великой шотландской ложи в Авиньоне и еще до заключения договора с Орденом Строгого Послушания объявила себя Матерью-ложей — Шотландского Философского ритуала, иначе ложей С. Иоанна Шотландского Общественного Договора. Ложа эта не была признана Великим Востоком и стала к нему явно во враждебные отношения, хотя и продолжала признавать гроссмейстером герцога Орлеанского. Эта соперница Великого Востока развивала энергичскую деятельность, устраивая особые собрания — так называемые философские конвенты, на которые допускались масоны всех систем.

Итак, искание тайного смысла систем, направленное на разработку масонской легенды, истощалось. Между тем европейское общество было охвачено могучим стремлением познать тайны духа и физического мира. Преклонение пред ищущим разумом достигло высшего напряжения и разрешилось мистическим порывом, который захватил со страшной силой даже ученых. Эммануил Сведен-

борг — знаменитый шведский математик и естествоиспытатель, попытавшийся в своих громадных фолиантах подвести итог, объединить все добытое наукой его времени, превращается в духовидца, разговаривающего с духами умерших; по их рассказам и собственным наблюдениям описывает тайны неба и земли с точностью и грубой реальностью рационалиста-естествоиспытателя. Учение его, представляющее странную смесь элементов рационализма, пережитков мистицизма и бредовых фантазий, переводится на французский язык врачом Шастанье. Ищущие премудрости обращаются к теософии. Изучается каббала, изощряется аллегорическое толкование символов. Хотели теперь переделять людям; воспитать новое нравственное чувство; отыскать точную форму непостижимого Божества. В пылком энтузиазме задавались мыслью приподнять завесу, скрывавшую мировые загадки, и уловить тайну жизни, творчества, смерти.

Наступила благодатная пора для самозванных мудрецов и целителей, которых считали обладателями алхимической мудрости — философского камня и жизненного эликсира.

Одно из видных мест среди этих авантюристов занимает граф Сен-Жермен. Он последовательно является почти во всех европейских государствах во второй половине XVIII века под самыми разнообразными именами: графа Зароги, князя Ракочи, генерала Салтыкова, маркиза Монферат, графа Беллами, графа Вельдона, графа Сен-Жермена. Все в нем таинственно и необычайно для глаз легковверного общества: и происхождение, и самая жизнь, и смерть. Португалец ли он, испанец, еврей, француз или русский — никто не мог сказать с уверенностью. Ему дают несколько отцов и одну мать; вдову Карла II испанского, королеву Марию. Сам он уверял принца Карла Гессенского, что родился от первой жены венгерского принца Ракочи. Всегда изысканно одетый, ни в чем не нуждавшийся, с благородной осанкой, он был хорошо принят при французском дворе, пользовался благоволением Людовика XV, считался большим вольнодумцем и чародеем. Знаток истории, он хорошо умел использовать страшное впечатление, которое создавалось у его знакомых, слушавших его точные описания жизни и мыслей давно умерших исторических деятелей. Немудрено, что легковверные считали его пятисотлетним стариком, а то время как ему не было и восьмидесяти лет. Несколько удачных советов медицинского характера создали ему славу великого лекаря, которую он искусно поддерживал, продавая особый целебный чай Сен-Жермена. Прекрасный знаток драгоценных камней, он однажды предложил Людовику XV улучшить качество одного из принадлежавших королю бриллиантов, вернул обратно камень большей ценности и тем снискал себе славу обладателя философского камня. Ловкий шарлатан под-

Смеивался над легковёрными, но не мешал сплетням, создавшим ему ореол чудотворца. Принятый в члены ордена Строгого Послушания, он был убежденным атеистом. Вечный скиталец по Европе; едва ли не тайный шпион французского двора, он скончался на руках принца Гессенского, сумевши до самой смерти поддерживать в своем сиятельном гостеприимном хозяине чувство почтительной доверчивости и благоговейного преклонения.

Не менее его обращал на себя внимание выступивший позже в Париже чудодей, называвший себя графом Калиостро. Непостижимая смесь обмана и самоуверенности, образованности и невежества, красноречивый авантюрист и шарлатан-мистик неумоимо менял арену своих действий и свое имя. Здесь граф Феникс, там граф Пеллегрини, он производил неотразимое впечатление на доверчивых простаков. В его Парижском салоне, убранном с восточной пышностью, стоял бюст Гиппократа и висела в особой рамке странная кощунственная молитва: «Отче вселенной, Ты, которому все народы поклоняются под именем Иеговы, Юпитера и Господа, Верховная и первая причина, скрывающая Твою сущность от моих глаз и показывающая мне только мое неведение и Твою благость, дай мне в этом состоянии слепоты различать добро от зла и оставлять человеческой свободе ее права, не посягая на Твои святые заповеди. Научи меня бояться пуще ада того, что мне запрещает моя совесть и предпочитать самому небу то, что оно мне велит».... Во Франции он положил основание ложам египетского ритуала, имевшего целью физическое и духовное возрождение. Сам он, под именем Великого Кофты, стоял во главе своей системы, которая была доступна для обоих полов. Высокопоставленные люди в роде герцога Монморанси-Люксембурга и кардинала де-Рогана покровительствовали ему, даже ученые поддались его шарлатанству. Духовидец и вызыватель умерших, возродитель юности,— он долго дурчил легковёрное парижское общество, пока не был запутан вместе со своим учеником кардиналом де-Роганом в процессе по поводу ожерелья. Освобожденный от суда, он, однако, принужден был оставить Францию, вскоре попал проездом через Италию в руки святейшей инквизиции и умер, осужденный на пожизненное заключение в тюрьме.

В речах видных масонов постоянно встречаются ссылки на древние мистерии. Естественно, что возродившаяся алхимия, изыскания розенкрейцеров встречают горячий отклик во французском масонстве, и так называемая наука «Гермеса трижды Великого» — «герметическая мудрость» — находит рьяных последователей. В 1770 г. аббат Пернетти основал в Авиньоне «герметическое» общество, преобразовавшееся скоро в Великую шотландскую ложу. Притягивало ищущих премудрости и учение о духовном возрождении, обле-

ченное в самые разнообразные формы. Ещё в 1754 году Мартинец Паскали, человек очень темного происхождения, постоянно скитавшийся по свету, создал систему «избранных Кознов» (священнослужителей). В своем трактате о возрождении он проповедывал своеобразный мистический пантеизм с примесью гностицизма. В начале все существа заключались в лоне Божиим. Созданный Богом человек пал, но стремится вернуть свое прежнее состояние и для этого должен отождествить свою волю с волей Бога и, следовательно, слиться с Богом. Но для этого необходимо вмешательство промежуточных духов, при помощи которых человек постепенно восходит к Богу посредством таинственных обрядов. Паскали установил 9 степеней, разделенных на три класса: ученик, подмастерье, мастер, великий избранный и ученик Коэн; 2) подмастерье Коэн, мастер Коэн, великий архитектор и рыцарь командор. Наконец, 3-й класс: рыцарь золотого и розового креста — несомненная анаграмматическая переделка розенкрейцера. Возрождающийся вдохновляется дыханием Божиим и может познать все сокровенные тайны природы и все науки, в том числе и каббалу.

В 1765 году Великая ложа Франции отвергла учение Паскали и отказалась признать его ложи, но он нашел отклик и в сердцах светских людей, и ученых, и философов (Гольбах), и священников (убежденный визионер аббат Фурнье), но особенно прославился «мартинезизм», превратившись в «мартинизм» в обработке ученика Мартинец Паскали, маркиза Сен-Мартэна. Отставной военный, с мягкой и кроткой душой, он делил свое время между размышлением, филантропией, музыкой, открывая свою душу в интимных беседах с друзьями. В 1773 году выходит его книга «О заблуждениях и истине. Сочинение неизвестного философа». Под маской таинственности автор делал нападение на религии и на самую власть. Религии осуждены уже самым их разнообразием. Правительство ложно в своей основе вследствие того же различия и неразумных столкновений. Гражданский и уголовный кодексы блуждают в тьме, и, пропуская виновного, обрушиваются на главу невинных. Мрачной картине упадка противопоставляется живое изображение естественного состояния всеобщего равенства, которое продолжалось до тех пор, пока человек не употребил во зло своей свободной воли. Единственное спасение для павшего человека — подчинение принципу любви — деятельной и разумной причине. Только тому, кто возвышается своим желанием сделать людей счастливыми и способностью любить, и должна принадлежать власть и даже диктатура, пока не вернется естественное равенство.

Сен-Мартэн имел немало верных последователей, но мартинисты не вышли за пределы внутреннего самоусовершенствования. Погружаясь в переживания своего «я», — учитель не даром говорил «тьма и молчание — любимые убежища истины».

Если Сен-Мартэн нашел свою «дейтельную и разумную причину» для того, чтобы внести единство в мир нравственный, то магнетизер Месмер предлагал обществу единый принцип мира физического — всемирную жидкость, чрез посредство которой существа оказывают друг на друга влияние, которое он называл животным магнетизмом и которому приписывал целебную силу для всех болезней. В залы для магнетических сеансов стекалось многочисленное и разнообразное общество. Пациенты толпились вокруг большого чана с сернистой водой. Длинные веревки выходили из деревянной крышки. Больные обвивали ее вокруг себя и, чтобы легче циркулировала магнетическая сила, прикасались другу к другу; кроме того, они держались за железные прутья, выходившие из той же крышки. В воздухе слышалась таинственная музыка. Со многими пациентами, особенно женщинами, делались нервные припадки и их уносили в «зал кризисов». Среди этой стонущей, дремлющей; кричащей массы пациентов прогуливался с важностью сам чудодей, прикасаясь к больным своим жезлом или рукой. Напрасны были усилия Академии разоблачить шарлатанские приемы Месмера. Популярность его возрастала. Образовалось Общество Гармонии для материальной поддержки животного магнетизма. За Месмером следовали его ученики, демонстрируя и эксплуатируя сомнамбулизм и ясновидение. Общество жаждало веры и верило. Недаром ученик Месмера Пюисежюр говорил скептикам: «верьте — хотите».

Алхимические и мистические тенденции снова подогрели стремления к высшим степеням: родилась в ложе «Соединенных Друзей» в Париже система «друзей истины» — Филалетов. Подвергнув резкой критике разнообразные многостепенные системы, Филалеты избрали особую комиссию для установления 11 нормальных степеней, не претендуя на их древнее происхождение. Почти одновременно в Нарбонне явился «Первичный ритуал», устанавливавший 12 степеней: они делились на 4 капитула розенкрейцеров, причем члены первых трех готовились постепенно к последнему и четвертому капитулу — Великому Розария, где приобретали, по мнению основателей, особые знания в области онтологии, психологии, пнейматологии — словом, всех тайных или оккультных наук. Главная цель работы: возрождение человека.

Великий Восток должен был идти вслед за течением: он уже в 1781 году заключил договор с признавшей его первенство Матерью-ложей Философского ритуала.

Наконец, по предложению Реттье де Монтало в 1785 году соединились семь капитулов, состоявшие при парижских ложах, и образовали Генеральный Великий капитул для выработки и окончательного объединения степеней. Врач Эмбер Жербе заявил, что

является главой старинного капитула Франции, причем представил в доказательство древние документы английского происхождения, относившиеся будто бы к 1721 и 1757 году. Великий капитул поспешил признать подлинность документов (ныне признаваемых поддельными) и соединиться с Жербье. Вслед за тем Великий Восток санкционировал работы Великого капитула, который получил название Столичного. Так сложился «французский ритуал», который впервые был обнародован официально Великим Востоком в 1787 году. Он состоял из 3 старых символических и 4 высших степеней: Избранника, Шотландца, Рыцаря Востока и Рыцаря Розенкрейцера. Конституирование степеней было закончено.

К этому времени число лож, подчинявшихся и старой Великой ложе, и Великому Востоку, превысило значительно 600. В разных ложах было неодинаковое число членов, но ни в одной ложе не доходило до 200. В большинстве числилось не более 15—30. Самая многочисленная Ложа Дружбы в Бордо имела 178 членов, так что общее число французских масонов, по мнению Клосса, не превышает 10000 человек.

Преследования со стороны светских властей давно уже улеглись. Великий Восток открыто снимал помещение в Париже, равно как и маленькие ложи в провинциальных городах. Отношения с духовенством не оставляли желать ничего лучшего. Обыкновенно ложи заказывали обедню в день своего годового праздника, заупокойные службы по случаю кончины какого-нибудь сочлена, и время заседаний старались распределить так, чтобы не помешать бра-тьям посещать богослужения. Масса духовных лиц вступала в ложи и достигала там нередко высокого положения. Столь же теплые отношения установились и с королевской властью. Заболевает ли Людовик XV, ложи молятся об его выздоровлении, заказывают молебен по поводу благополучного окончания семилетней войны. Рождается у Людовика XVI наследник престола, ложи спешат ознаменовать это событие и торжественными молебнями и делами благотворительности. Большинство членов лож к 1789 году рекрутируется из рядов 3-го сословия: многие из них с особым усердием выполняли свои масонские обязанности, не жалея средств на благолепие ложи. Так, в Тулузе скромный слесарь Пюжо предоставил в распоряжение своей ложи «Французской» до 100000 ливров.

Вообще жизнь маленькой ложи довольно бесцветна: несколько заседаний в год, 2—3 банкета. Редкая могла похвастаться литературными трудами какого-нибудь сочлена. Таким образом, большинство лож походило на современные клубы с той лишь разницей, что собрания происходили гораздо реже: главная забота членов ложи — соблюсти весь кодекс установленных масонских обрядностей, не нарушить правил нравственности и благоповедения. Круп-

ным событием является нетрезвое поведение члена, его опоздание на заседание — таковы главные животрепещущие вопросы в провинциальной глуши.

Но рядом с такими ложами мы видим и другие, которые приближаются к типу ученого общества, собирают в своих недрах выдающихся представителей наук и искусств.

Такова ложа наук, основанная Лаландом в 1769 году и переименованная в ложу 9-ти сестер. Лаланд имел в виду сгруппировать масонов, специально занятых научными исследованиями. В списках этой ложи значились Вольтер, Франклин, Кондорсэ, Лаланд, Дюпати, Эли де Бомон, Курт де Гебелин, Дантон, Бриссо, Камилл Демулен, Сиейс, Бальи, Ромм, Гара, Пасторэ, Форстер, Кабанис, Парни, Ласепед, Шамфор, Франсуа де Нешато, Деллиль, Флорнан, Грёз, Верне, Гудон, Монгольфёры и другие: здесь и крупные будущие политические деятели, и литераторы, и художники, и ученые.

Такова же была ложа «Энциклопедическая» в Тулузе, открытая почти накануне революции в 1789 году. Едва открывшись, ложа уже подписывается на ряд научных изданий, покупает энциклопедию. Не прошло еще и года, как в ней не менее 120 членов, большинство ремесленников. Члены ложи распределяются по всем комитетам: сельского хозяйства, филантропии, цивический (гражданский), искусств технических и изящных, наук, масонский и философский.

Эти комитеты последовательно рассматривают проект благотворительного бюро для уничтожения нищенства; вопрос о пайденых, вопрос об эпидемической болезни скота, освещении города, вопрос об его водоснабжении; делаются опытные посадки виноградных лоз и злаковых растений. Наконец, рассматривается ряд проектов изобретателей, открывается серия популярных лекций по науке и литературе. Словом, это скорее ученая провинциальная академия. Но главные труды свои члены лож посвящали филантропии. Ей всецело отдавались дамы, — члены адаптивных лож.

В 1782 году торговка фруктами, Мент, имела небольшую лавочку близ Лувра. Корыстолюбивая сестра оттягала у нее наследство в 4000 ливров. В ответ бедная торговка усыновила внебрачного сына своей сестры, несмотря на то, что сама уже имела 10. Вскоре она благополучно родила одиннадцатое дитя; крестной матерью вызвалась быть баронесса Шампло. Спустя две недели после этих крестин, ложа «Чистоты» задала роскошный банкет, на котором присутствовало до 140 знатных лиц обоего пола. После обычного церемониала взвился занавес и все увидели на троне добрую Мент, окруженную десятью ее детьми с усыновленным мальчиком у ног: вся семья была одета в чистое платье на счет

ложи. Маркиз ***, председатель, произнес красноречивую речь о добродетелях бедной женщины. В самый патетический момент одна графиня возложила гражданский венок на голову Мент: одна маркиза вручила ей кошелек со значительной суммой денег, а другая графиня поднесла корзиночку с бельем для новорожденного. Усыновленный мальчик был объявлен стипендиатом ложи.

В том же году та же ложа на празднестве в честь братьев Монгольфьеров увенчала за выдающуюся храбрость молодого солдата Клавдия Тиона.

После блестящей речи председателя маркиза *** о великолепном открытии братьев Монгольфьеров, один из них был тут же на эстраде увенчан одной из графинь.

В этот момент слышится барабанный бой: открываются ворота и среди своих товарищей и развешивающихся знамен показывается храбрый Тион, который и был увенчан грациями ложи при звуках барабанов. Графиня П. преподнесла герою великолепную медаль, и военная музыка в соседнем помещении исполнила известную арию «Ничто так ни приятно прекрасным очам, как доблесть воителей»... Затем последовал блестящий банкет на 100 кувертов. Здоровье храбреца пили под звуки военного оркестра. Бедняк Тион не выдержал и залился слезами. Один из членов ложи от имени чествуемого произнес нарочито сочиненное стихотворение.

Близится революция. Какую роль сыграло масонство в этом движении? Когда революционная буря пронеслась, не один писатель приписывал ее происхождение масонам. В 1797 году Джон Робинсон доказывал существование заговора франк-масонов и иллюминатов против всех религий и правительств Европы, причем утверждал, что во французских ложах развился зародыш пагубных начал, разрушивших религию и нравы. В том же году иезуит Августин Баррюэль издал знаменитые «Мемуары к истории якобинизма». Он доказывает, что ложи распространились по городам, селам и местечкам Франции и по приказу Центрального комитета готовы были начать восстание, превращаясь в якобинские клубы. До сих пор реакционная французская историография остается верна заветам отца иезуита Баррюэля: ученый архивист Борд написал два тома и обещает еще несколько, чтобы доказать, что масоны были главными виновниками Великой революции.

Баррюэль уверяет, что парижские предместья были масонизированы и мало того; он исчисляет французских масонов в эпоху революции в 600000. Из них полмиллиона, по его словам, были готовы по первому знаку к восстанию. Добросовестные исследователи истории масонства с цифрами в руках опровергли эти злостные измышления. Несомненно, возможно указать принадлежность многих крупных революционных деятелей к масонским ложам — и Ро-

беспьера, и Дантона, и Мирабо, и Бриссе и других. Но самый характер деятельности масона, как указано выше, и исключал возможность политической оппозиции.

Как резко преломляется личность во время Великой революции, доказывает недавно открытая речь Шометта, который произнес ее в 80-х годах в одной масонской ложе. Будущий прокурор революционной коммуны, адепт культа разума, атеист и террорист, является елейным проповедником, противником атеизма и материализма; он проявляет большую эрудицию в богословии, ссылается на пророка Даниила, цитирует с умением опытного проповедника подходящие места из Евангелия, развивает довольно своеобразную философию математики: это довольно скучный благонамеренный педант, но во всяком случае ничто не предвещает в нем будущего ярого революционера.

Общий взгляд на списки лож и регистры их заседаний, опубликованные даже таким пристрастным историком, как Борд, доказывает, что деятельность лож постепенно прекращается к 91 году. Жизнь уходит из лож: они погружаются в оцепенение, засыпают. Некоторые обращаются с приветственными адресами к национальному собранию, но большинство безмолствует. Политическая и социальная борьба ворвалась в тихий приток безмятежного жития масонов. Многие эмигрировали, другие ушли в политические клубы. Немногие ложи нашли силы продолжать свои прежние занятия в это бурное время и реагировать на события дня.

Так, ложа Шотландского Общественного Договора в Париже после бегства короля в Варенн нашла достаточно силы, чтобы 16 июля 1791 года послать циркуляр к капитулам, признавшим ее власть, советуя уважать конституцию и соблюдать полнейшую преданность к законному государю Людовику XVI. Но уже 31-го июля ее главный оратор, аббат Бертольо, потребовал прекращения работ, которые и закрылись с сентября, чтобы возобновиться лишь в 1801 году.

Иначе вела себя старая Английская ложа в Бордо: она выказала себя ревностной сторонницей революции. 13 ноября 1792 года она постановляет сжечь атрибуты брата Муши, «изгнанного святыми законами республики». 28 ноября 1794 года принимает титул ложи Равенства, устанавливает обращение на «ты» и удаляет посещение народного представителя Изабо. Но и эта революционизированная ложа принуждена была с 9 термидора II года по брюмер III года (приблизительно 9 месяцев 1794—1795 гг.) прекратить свои заседания и лишь после этого промежутка вернулась к своему прежнему имени. При всем этом, несмотря на все старания Баррюэля, Борда и других, не представляется возможности отметить выступление революционеров как членов масонских лож. Служу

чайным единственным фактом является церемония при приеме Людовика XVI в Парижской Думе 17 июля 1789 года. Когда иностранец-масон посещал ложу, то, если он обладал высшей степенью, члены ложи, выстроившись в две шеренги, пропускали его, скрепящая над головой гостя «стальной свод» из шпаг. Такой «свод» образовали над головой Людовика XVI, когда она стал подниматься по ступенькам лестницы, входя в Думу. Но в этом случае масоны демонстрировали свое глубокое уважение к королю и отнюдь не революционные тенденции.

По мере того, как замирала жизнь в отдельных ложах, засыпали и центральные органы. Если еще в 1791 году Великий Восток открывал новые ложи, то уже в декабре 1792 года герцог Орлеанский, принявший имя Луи-Филиппа-Жозефа Эгалитэ, сложил с себя звание гроссмейстера, доведя об этом до всеобщего сведения путем печати. «Я вступил в масонство»,— гласило его заявление,— «которое является некоторым подобием равенства, в ту эпоху, когда еще никто не мог предвидеть нашей революции, точно так же, как примкнул к парламентам, которые являлись подобием свободы. Но я покинул затем призрак ради действительности. Не зная, каким образом составлен Великий Восток, и полагая, что республика, особенно в начале своего учреждения, не должна допускать никакой тайны, никакого тайного общества, я не желаю более вмешиваться ни во что, касающееся как Великого Востока, так и собрания франк-масонов».

Немногие ложи нашли силу жить в это тяжелое время; и те ушли целиком в свои мелкие дела. Так, во время борьбы Жиронды с Горой важнейший вопрос, интересующий Французскую ложу в Тулузе: перемена часов собраний. Ложи так напуганы, что та же ложа после смерти Робеспьера решает воспретить всякие беседы по вопросам политическим и заниматься лишь масонскими делами.

Одно лишь вливает на время некоторое оживление в тусклое прозябание уцелевших лож: сборы пожертвований на обмундирование волонтеров.

Долгое время уцелевшим ложам удается сохранять свою верность католической церкви, но им приходится принять новый календарь, заменить прежние праздники Ивана Летнего и Ивана Зимнего торжествами 31 мая, 22 сентября и «первого дня масонического года»; кроме того, приходится выбросить из своих названий имена святых или переименоваться в ложи «Горы» — в честь господствующей политической фракции, принять название «республиканских лож Франции», но и в таком виде они возбуждают подозрения у ревностных монтаньяров. Комиссары Конвента, энергично поддерживая народные общества, вооружаются против «всех союзов и собраний, не разрешенных законом, а именно масонских

обществ», 7 флореаля 11 года комиссар Конвента Лекарпантье закрыл в Дижоне ложу «Нежного братства», «как возбуждающую подозрение и нетерпимую при республиканском режиме, когда свобода сделалась общим достоянием, пользование коим не нуждается во мраке таинственности». Последние, цепко державшиеся за свой ритуал ложи, принуждены были закрыться.

Место их заняли народные общества, демократические по составу, открытые для всех и связанные с активным центром — Якобинским клубом в Париже.

Быть может, единственным опытом слияния франк-масонских идеалов с революционной практикой явился Социальный Кружок, основанный аббатом Фоше. Он задался целью учредить всеобщее братство человеческое во имя правды и любви к ближнему. В евангельском учении Христа старался указать пламенный аббат начала равенства и братства. Ему удалось при содействии Николая Бонневилля, Кондорсэ собрать до 10000 сочленов на всех собраниях-лекциях. Но скоро основатели клуба разошлись, сам Фоше занял место конституционного епископа и «социальный кружок» распался. Основатель его погиб в октябре 1793 года на гильотине. Сумрачный покров террора окутывает французское общество. Гибнет на эшафоте бывший гроссмейстер, Филипп Орлеанский, гибнет часть членов Великого Востока. Лишь три ложи в Париже поддерживали свою деятельность: Центр Друзей, Друзья Свободы и Святого Людовика Мартиники. Кончается террор, просыпаются ложи: в 1795 году энергичный Реттье де Монтало вызывает к жизни новый Великий Восток и способствует его примирению с остатками старой ложи (1799 г.). Но прежний дух деятелей филантропии отлетел от масонства. Религиозное течение, одушевлявшее его, обособляется в официально признанную и покровительствуемую правительством Директории секту теофилантропов. Ложи покорно живут старыми традиционными формами. Умножается число банкетов патриотического содержания и прокладывается путь для того парадного сервиллизма, который охватил ложи во время первой империи.

«И обновись лице земли»... гласил гордый девиз Великого Востока!.. Но само масонство было лишь струйкой в том могучем идейном потоке XVIII в., который закончился Великой французской революцией.

А. ВАСЮТИНСКИЙ

· НЕМЕЦКОЕ МАСОНСТВО В XVIII ВЕКЕ.

Восемнадцатый век в истории германской умственной жизни является веком глубоких противоречий. С одной стороны, рационалистическое просвещение праздновало в то время золотой век своего существования, и принципы здравого смысла, полезности и практической годности выставлялись в качестве высших критериев для оценки всех явлений — и в области жизни, и в области мысли. Это было время, когда знаменитый ученик Лейбница — Христиан Вольф деятельность чувства считал лишь низшей способностью познания и с сухим педантизмом ученого хотел весь мир уложить в нескольких ясных и стройных логических формулах. Это было время, когда популярные философы предостерегали от опасностей религиозного чувства (Шпальдинг), считали ученые экскурсии в «Новой Элоизе» за лучшую часть книги (Мендельсон) и изобретателя пряхки ставили выше Гомера (Кампе); от этой мелкой рассудочности не ушли и очень крупные люди того времени, и даже в глазах Лессинга гётевский Вертер был лишь «чувствительным глупцом». В рамках такого мировоззрения, конечно, не могло быть места не только для религиозной экзальтации и мистицизма, но часто даже и для простой фантазии и поэтического творчества.

Но наряду с этими крайностями рационализма в XVIII веке не было недостатка и в самых крайних эксцессах чувствительности и в самой причудливой фантастике. Поиски мистического общения с Богом, стремление поднять сразу, одним творческим наитием все завесы природы и проникнуть в сверхчувственный мир сущностей, культ бурных страстей и веры, соединенный с резким осуждением «мертвого» и «бездеятельного» разума, наконец, прямое суеверие никогда не находили себе такого широкого распространения, как именно в «рационалистическом» XVIII веке. Как на наиболее известные явления такого рода достаточно указать на сентиментальную, изливающуюся неудержимыми потоками чувства поэзию Клопштока, на «философию веры и чувства» Гаммана, Якоби и Лафатера, на бурную, прорывающую все рамки обыденного и естественного, поэзию «бури и натиска», на ранних романтиков, объявивших сознательную жизнь прегрешением против Святого Духа, интерес к реальному миру — за болезнь души, а дисциплину ума и воли — за мертвящие, губительные начала человеческой души (Тик, Фр. Шлегель, Новалис и др.). Разум, наука, точное знание рассматривались тогда в известных кругах немецкого общества как злые силы, убивающие все живое в природе. Люди с большой популярностью и с несомненным талантом стремились проникнуть во внутреннюю сущность жизни путем какого-то мистического наития (Лафатер) или в странных, загадочных выражениях изрекали ка-

кие-то оракульские пророчества с совершенно непонятным смыслом (Гайман). Мистицизм становился своего рода общественной заразой и от его влияния не могли уйти даже и люди с привычками к трезвому мышлению. В этом отношении замечательно сознание известного историка Иог. Мюллера (из его письма к брату от 1790 года): «во мне есть что-то, что обыкновенно не уживается в душе одного и того же человека: в делах светского характера я — за умеренность, за порядок, за покой, за господство разума; но моя вера сама собой без книг, без обязательств становится все более мистической... Я считаю на деле мистицизм за истинную универсальную религию... «Как будто какая-то трещина прошла не только через всю культуру этого века, но даже и сквозь души отдельных людей и расколола их мировоззрение на две части, находящиеся на совершенно противоположных идейных полюсах... Склонность людей XVIII века к крайностям замечали и современники, — даже и такие, которые сами стояли на одной из крайних точек зрения. Граф Фрид.-Леоп. Фон-Штольберг, называвший просветителей «убийцами души» и считавший их недостойными быть христианами, писал в одном из своих писем к Якоби (от 28 апр. 1788 г.): «Решительный скептицизм и практический атеизм на одной стороне, слепое суеверие — на другой могут жить в таком тесном соседстве друг с другом, что для религии не остается больше места и она снова загнана в пустыню». А вот наблюдение одной газеты (Регенсбургер Цайтунг, от 1785 г.), которой также бросилась в глаза та легкость, с которой люди XVIII века переходили от рационализма к мистицизму и суеверию: «Никогда», — пишет эта газета, — «сектантский дух не был деятельнее, чем в наши дни, которые зовут просвещенными. Мы с трудом достигли вершины разума и убедились, что не все предметы доступны нашему познанию... Недовольные положением, которое оставляет неудовлетворенными так много желаний, мы бросились в глубочайшую пучину суеверий и ищем новых открытий в мраке средневековья и схоластической философии».

Значительную долю ответственности за распространение в Германии мистических настроений надо приписать пиэтизму. Пиэтизм в Германии существовал еще и в XVII веке, но расцвел он лишь в XVIII столетии. Пиэтисты были недовольны господствовавшим тогда направлением протестантской религии, слишком много отдававшим на долю обрядности схоластического толкования догматов. Живое религиозное чувство, по их мнению, потонуло в догматических тонкостях протестантских схоластиков, и из сферы внешних обрядностей и схоластических формул они хотели снова вернуть религию в область интимных чувств. Внешнему откровению, заключенному в Евангелии, пиэтисты противопоставляли откровение

внутреннее, т. е. субъективную область своих собственных религиозных переживаний, и объявляли, что спасется не самый терпеливый в выстаивании церковных служб и не самый ученый в знании богословских книг, а тот, кто все свои мысли и всю свою волю направит на Бога. Нужно заметить, однако, что это зная религиозного субъективизма пиетисты держали в чистом и незапятнанном виде только на первых порах. Очень скоро они испугались всех возникающих из него последствий; особенно их стало пугать немецкое просвещение. Они стали бояться, что рассудочность просветителей захватит все немецкое общество, и что в ней потонет всякая потребность в религиозном чувстве. В некоторых областях Германии они воздвигли на просветителей настоящее гонение; так, знаменитый философ Вольф по их проискам был изгнан из Галльского университета.

Но, несмотря на все симпатии просветителей к религиозному чувству и непосредственным настроениям, далеко не все из них обнаруживали склонность к мистицизму. У пиетистов лютеранской церкви их религиозное чувство оставалось спокойным и уравновешенным, чуждым всякой экзальтации и фантастике. В XVIII веке пиетизм пользовался большой популярностью в бюргерской среде, и та непосредственная, несколько грубоватая простота чувства, которую он культивировал, в высшей степени подходила к простой и здоровой психологии тогдашних бюргеров. Можно сказать даже более: лютеранский пиетизм XVIII века стоял довольно близко к общему рационалистическому характеру своего времени, потому что многие пиетисты, несмотря на поднятое ими гонение против Вольфа, в своих полемических выступлениях любили опираться на рассудочные приемы вольфовской философии, и ссылки на здравый смысл и доказательства от разума играли в их аргументации далеко не последнюю роль.

Но совершенно иным был пиетизм реформатской церкви. Главными признаками его было с одной стороны монашеское отвращение к свету, а с другой — желание растворить свою личность в Божественной воле и в тихом, созерцательном благочестии найти успокоение от всех земных тревог. Поэтому-то пиетисты этого рода считали полную бездеятельность и отказ от всяких радостей за высшее состояние человечества. За пределами Германии у них была своя пророчица, жившая в XVII веке во Франции, но оказавшая очень значительное влияние на духовную жизнь Германии в XVIII веке. Это была некая Жанна-Мария де ля Мот-Гюйон. В своих многочисленных сочинениях она проповедовала мистический квиетизм, полный отказ от всяких желаний и успокоение в Боге — без слов и воли. Слава этой женщины в Германии в XVIII веке была необычайна. О ней писались многотомные сочинения, и у нее по-

явились настоящие апостолы. Известный пиэтист реформаторской церкви Терстлеген называл ее «просвещенным сосудом чистой божеской любви, зеркалом чистой веры и избранным орудием святого духа»; а другой почитатель прославлял ее как «апостолическую и совершенную в Боге святую душу». На мистических сочинениях этой странной женщины в Германии воспиталось чуть не целое поколение, и отголоски ее влияния заметны и в романтической литературе того времени.

Евангелическая религия скоро перестала удовлетворять многих из этих пиэтистов-мистиков; они считали ее слишком рассудочной и простой и обращались к католицизму, пышная обрядность которого более увлекала их и давала им мистическое чувство тесного единения с Богом. Поэтому среди немецких пиэтистов было много людей или сочувствовавших католицизму, или же прямо переходивших в него; так в конце века перешел в католицизм уже упоминавшийся нами гр. Фр. Штольберг; сочувствовал католицизму и защищал его от нападок протестантизма и Лафатер.

Мистицизм, безудержный культ чувства и нападки на разум были далеко еще не самыми яркими проявлениями «антипросветительного» духа в Германии XVIII века. Во многих случаях мистические искания единения с Богом переходили в прямое чародейство, а стремление к сверхчувственному знанию и вера в таинственное наитие приводили к настоящему чернокнижию, колдовству и духовидению. В XVIII веке мы видим необычайно большое количество алхимиков, ищущих философского камня, астрологов и провидцев, предсказывающих будущую судьбу людей, а иногда и всего человечества, магов, изобретающих жизненный эликсир и другие таинственные лечебные средства, духовидцев в роде Сведенборга, вступающих в самые деятельные сношения с загробным миром. В довольно широких кругах немецкого общества слова «тайна» и «таинственность» были настоящими лозунгами, принципами мировоззрения. Конечно, из всех этих волшебников и духовидцев большинство было простыми шарлатанами, рассчитывавшими только на легкоеверие общества, среди которого они действовали; но уже одно то, что они находили для себя и читателей, и почитателей, показывает, что стремление к таинственному и сверхчувственному знанию было очень распространено в столетие «просвещения» и что несмотря на все успехи естественных наук и точного знания в XVI, XVII и XVIII вв., едва ли не большинство немецкого общества еще совершенно не было ими затронуто и предпочитало им оккультные знания и мистические грёзы.

В кругу этих мистических настроений и поисков за таинственным знанием возникло немецкое масонство. Его история дает нам самые яркие страницы из истории немецкого оккультизма, чаро-

действия, а иногда прямого шарлатанства; и в дальнейшем мы увидим, как много чисто средневековых представлений, сданных уже давно в архив научной мыслью не только XVIII, но даже и XVI столетия, оно снова оживило и выставило в качестве высшей мудрости, доступной только для посвященных; мы увидим, как быстро потонули в этих средневековых бреднях и шарлатанских проделках те принципы терпимости, гуманности, всеобщего братства и свободы, которые выставили масоны сначала на своем знамени; масонство только слегка коснулось этих гуманистических понятий, но для их осуществления оно не только ничего не сделало, но даже в целом ряде случаев стало им на пути.

Первоначальное масонство пришло в Германию из Англии. В то время вообще влияние Англии на Германию было довольно сильно. Умственная жизнь в Германии почти совсем иссякла после 30-ти летней войны; вся страна находилась в состоянии почти полного одичания; общественная жизнь совершенно замерла, и лучшие люди могли прилагать свои силы только в частной жизни, не получая извне никаких стимулов к общественной или умственной деятельности. В противоположность этому в Англии под влиянием великих потрясений XVII века расцвела богатая литература, выдвинулись такие крупные имена, как Мильтон, Свифт, Дефо, Поп, Томсон, такие энергичные журналисты, как Аддисон. Это могучее развитие английской литературы вызвало и в Германии целый ряд отголосков. В подражание аддисоновским журналам там стал издаваться целый ряд «Нравоучительных еженедельников», в подражание Свифту появились сатирические сочинения Лискова, Рабенера и Цахариз; ученые критики Бодмер и Брейтингер грезил о Мильтоне и ставили всем немецким писателям в пример его безыскусственную поэзию; любовью Томсона к природе восхищались такие поэты как Галлер, Клопшток и Клейст; над романами Ричардсона проливали слезы чуть не все образованные люди в Германии. Все английское было тогда в большой моде в Германии и находило для себя почти всюду множество почитателей.

Особенно легко проникало английское влияние в северную Германию благодаря интенсивным торговым сношениям Лондона с Гамбургом, с одной стороны и благодаря династическим связям Ганновера с Англией — с другой. Немцам из нижней Германии часто приходилось бывать в Англии, а англичанам — подолгу по торговым делам жить в Гамбурге; и благодаря этим связям масонство стало проникать в Германию уже очень скоро после его возникновения в Англии. Первым немецким масоном был владетельный граф Шаумбург-Липпе (Альбрехт-Вольфганг), который в самом начале 20-х годов XVIII века был принят в одну масонскую ложу в Лондоне. С тех пор число масонов в Германии стало

довольно быстро расти, но до 30-х гг. в Германии еще не было своих лож, и немецкие масоны должны были ездить на заседания английских лож через Ламанш. Только в 1733 г. английское высшее начальство масонов разрешило открыть в Гамбурге «одинадцати немецким господам и добрым братьям» постоянную ложу; о деятельности этой ложи мы, однако, ничего не знаем и нельзя с достоверностью сказать, было ли использовано это разрешение. Только уже в 1737 г. масонская ложа в Гамбурге проявляет свою деятельность; сначала эта ложа не носит никакого имени, а в 1741 году принимает название «Абсалом» (Авессалом). Самым крупным успехом этой ложи на первых порах было приобретение в члены прусского кронпринца, позднее короля Фридриха II. Это произошло в 1738 г., когда кронпринц сопровождал своего отца, короля Фридриха-Вильгельма I, в его поездке по Голландии. Во время этого путешествия в одном замке (Лоо) за столом зашла речь о масонстве. Прусский король, который не терпел никаких тайных обществ, резко отозвался об этом ордене; но присутствовавший при этом граф Шаумберг-Липпе стал горячо и красноречиво защищать масонов, и эта смелая защита произвела на кронпринца настолько сильное впечатление, что он тут же решил вступить в число масонов, и меньше чем через месяц после этого (14 августа 1738 г.) был действительно принят в орден. Первое время Фридрих показал себя очень деятельным масоном, и немедленно по возвращении на родину основал при своем замке в Рейнсберге масонскую ложу. Когда вскоре после этого Фридрих вступил на королевский трон, он продолжал покровительствовать масонам, и принял даже звание гроссмейстера незадолго до того основанной берлинской ложи «Аух троис Глобэс», которая с 1774 г. приняла титул Великой ложи. Позднее Фридрих охладил к масонству, но в сороковых годах его принадлежность к ордену имела для немецкого масонства огромное значение. Его примеру один за другим стали следовать и другие немецкие государи и знатные люди.

Немецкое масонство уже тогда получило вполне определенный аристократический отпечаток. Можно сказать даже более: во многих немецких государствах оно благодаря своим связям с княжескими домами приобретало даже придворный характер, и его члены надевали на себя придворную ливрею. Из влиятельных немецких государей, ставших в то время масонами, надо прежде всего отметить Франца I, сначала герцога Лотаргинского, а позднее германского императора. Еще в 1731 г., до появления в Германии масонских лож, он был посвящен в Гааге в ученики и товарищи, а несколько позднее в Лондоне был принят и в мастера. Деятельным членом масонского ордена стал и владетельный марк-

граф Байрейтский, основавший в 1741 г. тоже масонскую ложу; не менее деятельное участие принимал в масонстве и герцог Гольштейн-Бекский, который имел звание вице-гроссмейстера Великой берлинской ложи «Аух тронс Глобэс» и руководил ею с тех пор, как Фридрих II стал охладевать к масонству. Следом за этими владетельными князьями Германии в масонство потянулись и другие немецкие государи,— и крупные, и мелкие,— а также и принадлежавшие к их дворам камергеры, бароны и генералы. Со времени Семилетней войны в высших кругах немецкого общества принадлежность к масонству считалась даже признаком хорошего тона. Масонство становилось забавой придворных кругов и титулованной знати того времени. Если иногда в масонские ложи и принимались бюргеры, то они принадлежали по большей части к богатым семьям и почти никогда не задавали тона в масонстве. В 30-х и 40-х годах в Германии было основано довольно много лож — в Ганновере, Дрездене, Лейпциге, во Франкфурте-на-Майне, Брауншвейге, Магдебурге, Геттингеме, несколько позднее в Вене, Марбурге, Нюрнберге и др. более или менее крупных центрах Германии; в короткое время вся Германия была покрыта сетью таких масонских лож и к ним стали тянуться в Германию все те, кто имел претензию на знатность и родовитость; просматривая имена основателей и руководителей масонских лож, только в очень редких случаях вы встретите среди них фамилии, не имеющие впереди приставки «фон». Принадлежность к масонским ложам с самого начала требовала довольно больших денежных средств; без них нельзя было принимать участия в дорогостоящих братских трапезах и щедрой раздаче милостыни, которые были в ходу среди масонов, но одних денег не было достаточно тогда, чтобы с честью носить звание масона. Нужно было уметь быть щедрым по-барски, с тем размахом, который воспитывался многовековой, наследственно передававшейся привычкой не знать счета деньгам; нужен был светский лоск, без которого легко было растеряться среди торжественной обрядности ордена, среди напыщенных приветствий и речей, с которыми обращались члены ордена друг к другу. Не нужно забывать, что масонство было орденом, и как орден оно усвоило себе многие специфически дворянские и католическо-христианские понятия средневековых рыцарских орденов; позднее мы будем еще иметь случаи много раз убедиться, как много было в масонстве дворянской исключительности, католических привычек к чиновничеству и монашескому послушанию и чисто средневековой потребностью и мистических откровениях, несмотря на все провозглашения масонами идеалов братства, свободы и терпимости, несмотря на их огромную распространенность в протестантских землях.

Интересно сопоставить благожелательность немецких князей к масонству с тем явно враждебным отношением, которое оно встретило со стороны буржуазного правительства Швейцарской республики. Здоровому чувству швейцарских бюргеров с самого начала была неприятна таинственность, которой окружили себя масоны, и их стремление обособиться от остального общества в замкнутую организацию, и как только бернское правительство узнало о существовании в Швейцарии масонских лож, оно поспешило их запретить. Первая масонская ложа в Швейцарии возникла в 1739 г. в Лозанне под названием «Совершенный союз чужеземцев» и вслед за тем в стране возникло еще несколько лож, которые скоро объединились в общий союз под названием «Национальная Швейцарская Директория». Но уже в 1745 г. правительство распустило этот союз и масонство вообще было запрещено в Швейцарии. Интересна та мотивация, всецело построенная на бюргерски грубоватом принципе здравого смысла, с которой швейцарский чиновник Ригинер попытался было заступиться за этот, с его точки зрения, пустой, но совершенно безобидный орден: «Конечно, было бы лучше,— писал он в своем донесении бернскому правительству,— если бы о масонстве не было ничего известно, но раз оно сделалось модным по всей Европе, то не нужно удивляться, что оно возникло и в этом городе (Лозанне), где так много досужих людей, не имеющих никаких занятий». Но бернское правительство не послушалось своего чиновника и настояло на закрытии масонских лож в Швейцарии. По повору этого распоряжения Швейцарских властей возникла целая полемика, и характерны те мотивы, с которыми выступали в печати и защитники, и противники бернского правительства. В одном сочинении, появившемся в 1847 г. в защиту бернских властей, в качестве главного упрека против масонства выставлялась та именно таинственность и замкнутость масонских собраний, которые, как мы только что указывали, вообще плохо мирились с грубоватой, чуждой каких-либо высших запросов, но открытой и простой жизнью привыкших к трезвому мышлению бюргеров. «Истина,— говорилось в этом сочинении,— не боится света и честность в намерениях и действиях не нуждается в укрывательстве за закрытыми дверями под таинственными образами». Государство должно покровительствовать всякого рода союзам, если они преследуют полезные цели, но «те, которые боятся света, должны быть представлены пред лицо света или устранены из общественной жизни». Против этих упреков в замкнутости защитники масонства в качестве главного возражения выдвигали то, что масоны — послушные подданные, что в их ордене нет ничего опасного для религии и государства и что многие «достоцитимые князья» принадлежат к

ордену. Один из довольно влиятельных масонов первой половины XVIII века Иоганн Швабе, который издавал в Лейпциге журнал «Фреймюрер», писал в этом журнале: «...грубые и невоспитанные люди пользуются нашим именем и злоупотребляют им для своих пороков; но из-за этого не следовало бы позорить истинных масонов; как отрицателей Бога, как вольнодумцев, как порочных и опасных людей». Особенно резко восстает Швабе против упреков, предъявляемых масонам в презрении к религии и в вольнодумстве, и обстоятельно доказывает, что религия не выдумка хитрых людей, как то утверждают некоторые, а врожденная потребность человечества, врожденная в той же мере, как врождена нам самая идея Бога. В другом масонском сочинении, написанном в защиту швейцарских масонов, доказывалось, что масонство — только «сладкий союз братства», соединяющий людей для духовного совершенствования и что масоны никогда не позволяли себе сопротивляться ни светским властям, ни церкви. Все это показывает, как безобидно и далеко от каких-либо поползновений к политическому и церковному реформаторству было тогдашнее немецкое масонство; но это же в достаточной степени и объясняет, почему трезвая и незатейливая мысль тогдашних бюргеров, не привыкших к рафинированной утонченности аристократических кругов, в общем довольно решительно отвернулась от масонства. Замечательно, что эта реакция нетерпимого мещанского здравомыслия коснулась даже и такого города, как Гамбург, бывшего колыбелью немецкого масонства и подвергавшегося перекрестным масонским влияниям, и бюргерский сенат этого города уже в 1738 г. издал декрет об уничтожении «общества масонов». Но здесь масонские влияния уже успели пустить довольно глубокие корни, и этот декрет был в скором времени взят обратно.

Одной из самых характерных особенностей первоначального немецкого масонства было то, что первые ложи в Германии носили французские названия, и работы их производились на французском языке. Этого нельзя также не поставить в связь с аристократическим характером масонства того времени. Писатели, удовлетворявшие средним кругам немецкого общества, создатели сентиментальной и бюргерской поэзии XVIII века от Галлера до Клопштока, писали на родном немецком языке; ученая литература, творцами которой были по большей части тоже люди из бюргерской среды, писалась тогда по преимуществу на латинском языке. Но высшие слои немецкого общества, дворянская аристократия предпочитала говорить по-французски. И немецкое масонство также довольно быстро подверглось французскому влиянию, — и притом не только внешнему влиянию в отношении языка и терминологии, но и влиянию внутреннему, усвоив себе в очень

короткий срок главнейшие особенности и своеобразные черты французских масонских лож. Англия дала в сущности только внешний толчок немецкому масонству, и хотя в основу первых немецких лож была положена английская «Книга конституций», составленная Андерсеном, и ритуал Прихарда, но простота этой конституции, ясность поставленных целей, отсутствие сложной иерархии (признание только 3 ступеней), дворянской исключительности и фантастических обещаний открыты на высших ступенях сверхчеловеческую мудрость, уже рано перестали удовлетворять немецких масонов. В дальнейшем же они, как мы увидим ниже, быстро прониклись духом французского масонства, его аристократическими притязаниями, его исканиям высшей мудрости, недоступной для простых смертных; его дворянским тщеславием; и только в немногих местах и среди не пользовавшихся большим влиянием немецких масонов сохранялся первоначально простой и чуждый каких-либо особых притязаний английских тип масонских лож. Но, конечно, главную роль в этом быстром изменении и вырождении немецкого масонства сыграли не чужеземные французские влияния, а внутренние предрасположения к ним в самом немецком обществе,— те мистические настроения, те поиски таинственного знания, которыми так обильна была умственная жизнь в Германии в XVIII веке и тот дух сословной исключительности, который доминировал в общественной жизни того времени; мы говорили о них уже выше и в дальнейшем нам придется еще не раз коснуться их.

Первоначальное масонство,— такое, каким оно зародилось в Англии,— не было тайным обществом; это был в сущности открытый для всех союз людей, связанных стремлением к внутреннему самосовершенствованию, к жизни в духе братской любви и внутренней свободы; доступ в него был открыт всем желающим, и его уставы и цели не были окружены покровом тайны: они были опубликованы во всеобщее сведение путем печати, и только обрядность ордена, его интимный ритуал до некоторой степени был закрыт для непосвященных. Внутри ордена господствовало равенство между его членами, и всякий мог быть выбран на любую орденскую должность — вплоть до гротсмейстера; члены ордена подчинялись только тем уставам и правилам, которые они себе сами делали. Иерархия внутри ордена была крайне несложна и в ложах существовало только три ступени (ученика, товарища и мастера), причем переход из одной ступени в другую был всем доступен и не сопряжен ни с какими особыми трудностями.

Эта простота в организации ордена и ясность его целей с самого начала перестали удовлетворять те круги немецкого общества,

в которых масонство получило наибольшее распространение и популярность. Среди молодежи XVIII столетия было очень много маленьких Фаустов, стремившихся подняться выше чувств и мыслей обыкновенных людей, прервать все традиционные способы познания, сразу проникнуть в сущность мироздания и познать все тайны бытия. Это были своего рода «сверхчеловеки», считавшие себя избранною ратью и с аристократическим презрением смотревшие на прочее человечество.

В литературе XVIII века был в моде тип такого «сверхчеловека» с печатью никогда не исчезающей серьезности на челе, со скрытым огнем в очах. Эта демоническая фигура, окруженная постоянной атмосферой чудес, наделенная каким-то высшим знанием и вызывающая к себе величайшее почтение и страх во всех окружающих, была особенно предметом культа со стороны образованной аристократической молодежи, в которой далеко еще не заглохло чисто дворянское стремление чем-нибудь выделиться из толпы обыкновенных людей. Образование и воспитание уже мешали представителям этой молодежи кичиться происхождением, как это делали их предки, но они еще не могли отделаться от привычки сверху вниз смотреть на остальное общество, и стремились обособиться от него в замкнутых кружках, в таинственных обществах. И мы увидим ниже, как гармонировала с этими стремлениями организация позднейших немецких масонских лож с их замкнутостью и таинственностью, с их претензиями на высшую, доступную только немногим мудрость, как льстила дворянскому тщеславию та сложная иерархическая лестница масонских чинов и званий, которую завели у себя немецкие масоны по образцу французских.

Но маленьким Фаустам XVIII века не хватало очень многого для того, чтобы стать подлинными Фаустами,— и прежде всего способности к самостоятельной мысли и энергии в работе. Век просвещенного абсолютизма наложил на них вполне определенную печать и привил им прочные привычки к пассивному подчинению и к опеке сверху. Поэтому-то в поисках высшей мудрости они больше полагались на откровения, которые им будут сообщены другими, по большей части неизвестными, таинственными лицами, хранящими с незапамятных времен сокровища всеобъемлющего знания и передающими их под покровом величайшей тайны немногим избранным, чем на собственные усилия. Отсюда обилие среди масонов XVIII века всякого рода самозванных начальств, объявлявших себя обладателями кладезей масонской премудрости и, несмотря на вполне очевидное шарлатанство, добивавшихся к себе полного доверия. Никогда ни раньше, ни позже в Германии не появлялось столько шарлатанов и обманщиков, никогда самая

вздорная похвальба своей чудодейственной силой и чудесным знанием не встречала к себе такого легкого доверия, как именно в этот век причудливо пережившихся мистических исканий и рационалистического просвещения. И эта вера в существование где-то скрывающихся в тиши и от времени до времени объявляющихся чудесников знания, высших жрецов масонства, должна была с самого начала разрушить простую организацию первоначального масонства, при которой всякий член ордена знал и других членов, и свое начальство; появились многочисленные легенды о существовании «неизвестных начальников», которые стоят по своим знаниям выше избранных мастеров и гроттмейстеров; им охотнее подчинялись, чем выборным властям, за ними признали право назначения на масонские должности, и уже благодаря этому принцип братства и равенства был совершенно извращен даже во внутренней организации самых масонских лож.

Обратимся теперь к фактической истории немецкого масонства,— истории, наглядно демонстрирующей быстрое разрушение первоначальных принципов масонства.

Стремление немецких масонов выделить себя из среды простых смертных и подняться на недостижимую ступень «откровенных» знаний выразилось прежде всего в желании окутать прошлое масонства покровом непроницаемой тайны и отодвинуть его возникновение к возможно далеким временам, к средневековью или, возможно, еще дальше — в глубь веков. Конституция Андерсеца и вся первоначальная литература масонства, зародившаяся в Англии, не давала ни высшего знания, ни особенно высокого положения для масонов; следовательно, рассуждали немецкие мистики, английское масонство — не истинное и подлинных масонских источников надо искать в других местах. На этой почве началось настоящее мифотворчество, создание самых причудливых легенд и фантазий как о возникновении масонства, так и о существовании его в некоторых местах в подлинном виде. Удобная почва для этих легенд и фантазий создавалась тем, что уже творцы масонства в Англии постарались окутать его таинственным туманом, а французские его последователи пошли в этом отношении еще дальше; но немецкие масоны далеко превзошли в создании масонской легенды даже и французов и самые неукротимые фантазии на этот счет родились именно на немецкой почве. Указаний на настоящее, подлинное масонство искали и в трудах средневековых алхимиков, и в европейской каббалистике, и в мистических вдохновениях Парацельса, Якова Бема и Ам. Коменского, и даже у неоплатоников и мистиков первых веков христианской веры; некоторые не останавливались и на этом и относили масонство еще дальше — ко времени античного мира или древних монархий Во-

стока. Не было; в сущности, ни одного мистического или просто непонятного движения в самых далеких временах, которого немецкие масоны не попытались бы связать со своим орденом.

Эти поиски масонов таинственной, скрывающейся в глубине веков мудрости повлекли за собой прежде всего появление так называемых «шотландских лож» в Германии. В предыдущих статьях уже выяснено, что эти «шотландские ложи» не имели никакого отношения к Шотландии, и возникли во Франции; их самой характерной особенностью было то, что, помимо трех обычных масонских ступеней, они признавали еще другие, высшие ступени, причем считалось; что масоны, стоящие на этих высших ступенях, обладают и высшим знанием, которое сохранилось в шотландских ложах со времен незапамятной древности путем передачи от разных таинственных учреждений и лиц. Мысль о создании таких высших ступеней появилась в Германии очевидно под французским влиянием, но «шотландское» масонство здесь получило другую организацию, чем во Франции. Во Франции шотландские ложи представляли из себя только высшую надстройку над обыкновенными масонскими ложами; они стояли с ними в тесной связи и были по отношению к ним только высшей ступенью. В Германии же шотландские ложи с самого начала образовали особый, совершенно независимый от других лож орден; члены его назывались «шотландскими мастерами». Первая такая шотландская ложа возникла в 1741 г. в Берлине из членов ложи «На трех шарах», под названием Юнион. Вторая шотландская ложа возникла в 1744 г. в Гамбурге под названием Джудика. Ее основателем был граф фон Шметтау. Вслед за тем такие же ложи возникли и в других местах Германии: в Лейпциге (1747) и во Франкфурте-на-Майне (1753). Все эти ложи выражали вполне определенное притязание на высшее начальствование над всеми немецкими масонами, но их влияние, очевидно, было первое время ничтожно и подкрепить свои права на особенное, высшее положение среди немецких масонов им не удавалось. Они пустили в ход легенду, изобретенную в начале XVIII в. англичанином Рамеем о том, что масонский орден возник еще во время крестовых походов, когда некоторые благородные князья, рыцари и горожане дали священный обет восстановить христианские церкви в святой земле и соединились для этой цели с рыцарским орденом Иоаннитов; себя они выдавали за прямых преемников этих средневековых масонов. Но и это, по видимому, не особенно подняло их вес среди остальных немецких масонов, не имевших претензий на такое древнее происхождение. Искателям исключительных почестей и таинственных прав пришлось обратиться к другим средствам.

Во время Семилетней войны в прусский плен попал французский офицер маркиз де-Лерней. Это был масон, хорошо знакомый с той системой высших ступеней, которая развилась во Франции при гроссмейстере французской великой ложи графе Клермонте и которая была насквозь пропитана духом дворянской исключительности. Он вступил в дружбу с бароном фон-Принценом, мастером берлинской великой ложи «На трех земных шарах» (прежняя ложа Ау троис Глобес), который пользовался в то время большим влиянием среди масонов, и они вместе, с согласия самого графа Клермонта, основали новую масонскую организацию в Германии «Капитул избранных братьев Иерусалимского рыцарского ордена». По уставу этого капитула в нем над тремя обыкновенными степенями поднимались еще четыре высших степени, носившие разные претециозные названия. Французская легенда о происхождении истинного масонства от средневековых тамплиеров была усвоена и этим капитулом, и его члены выставляли себя в противовес всем другим масонам настоящими наследниками таинственного знания средних веков, которым якобы обладали тамплиеры. У иерусалимского капитула оказался в распоряжении очень деятельный член; это был ангалт-готский советник консистории Самуил Роза, лишенный своей должности за развратный образ жизни. Он объездил половину Германии и всюду основывал филиальные отделения капитула, всюду разглашая слух о таинственных волшебных силах, которые заключены в нем; при этом, как только его начинали разгадывать, он быстро менял место своей пропаганды и обнаружил в этом отношении большую ловкость.

Деятельность Розы была сигналом к целому ряду подобных же шарлатанских выступлений. В последний год Семилетней войны в Иене появился неизвестный человек, называвший себя фальшивым именем Джонсона; он выдавал себя за какого-то Великого Приора, посланного начальством Шотландского масонства в Германию за тем, чтобы реформировать немецкое масонство, «Он утверждал», рассказывает о нем Финдель,¹ «что масонский орден есть ни что иное, как продолжение тайне скрытого ордена тамплиеров». Одним этим, однако, было еще трудно привлечь к себе внимание. Поэтому Джонсон пустился на самые фантастические выдумки. Он рассказывал про себя, что он — величайший человек под солнцем; «величайший государь не обладает таким могуществом, как он; ангел Гавриил не может похвалиться обладанием такой прозорливости и такими знаниями, какими владеет он»; он обещал, что истинный масон умрет не прежде, чем утомится от жизни и сам захочет смерти; он распускал слухи о несметных богат-

¹ Финдель. История масонства со времени его возникновения до современности,

ствах ордена, кассы которого находятся в трех местах мира, и утверждал, что весь английский флот находится под управлением ордена; к тому же он намекал, что умеет превращать неблагородные металлы в золото. Стремление к таинственному знанию было так велико среди масонов, что эта фантастическая риторика нашла себе доверие среди серьезных масонов. По всем немецким ложам было дано знать о появлении Джонсона и, чтобы выслушать его, на 15 мая 1764 г. был назначен всеобщий съезд немецких масонов в Альтенберге (у Иены). Явились депутаты почти от всех масонских лож. Джонсон к этому времени сумел собрать от своих приверженцев очень значительные денежные суммы и устроил для приезжих очень богатый и пышный прием. На съезде он держал себя необычайно застенчиво, потребовал, чтобы ему представили патенты и акты всех масонских лож, и объявил их все недействительными и ложными. От явившихся на съезд масонов он требовал безусловной покорности и повиновения. Чтобы поддержать свой авторитет, он устраивал собрание своих приверженцев в глубокую полночь и требовал, чтобы они являлись на них в полном рыцарском вооружении, в панцырях, в высоких сапогах и шпорах; средневековый характер этих собраний поддерживался пышными церемониями и барабанным боем, которыми сопровождалась все выходы Джонсона. Этот шарлатан оказался довольно тонким психологом и умел удовлетворить двум главным стремлениям тогдашних масонов — их мистическому чувству таинственного и воспитанной на феодальных воспоминаниях любви к рыцарской романтике. Чтобы увеличить этот рыцарско-романтический характер всего, связанного со своей особой, Джонсон окружил себя чисто средневековой стражей и заставлял собравшихся на съезде почтенных баронов, камергеров и профессоров теологии разъезжать верхами с пиками и алебардами по ночам кругом Альтенберга.

Вся эта средневековая бутафория устраивалась на средства многочисленных приверженцев Джонсона, которых он не стеснялся грабить под разными благовидными предложениями. В самое короткое время он прожил 15 тысяч талеров; но планы его шли еще дальше: он хотел обязать всякого нового приверженца обещать пожертвовать все свое состояние после смерти ордену, т. е. фактически самому Джонсону. Это неумеренное корыстолюбие и погубило Джонсона: против него возникли подозрения, питавшиеся еще и тем, что он медлил сообщить свои таинственные знания и проявить свое сверхъестественное могущество. От него потребовали доказательств его права на власть. Джонсон растерялся, попросил суточного срока для оправдания и — воспользовался им, чтобы убежать. Позднее его арестовали и посадили в замок

Вартбург, где он провел целых 10 лет — до самой смерти. (1775 г.).

В разоблачении Джонсона очень деятельное участие принимал барон Гунд. Но, несмотря на это, на развитие немецкого масонства он повлиял в том же направлении, как и Джонсон, хотя лично был на него совершенно не похож. Это был совершенно средневековый человек по характеру и по привычкам. Придворный аристократ, обладавший большим состоянием, он чувствовал непреодолимое влечение к рыцарской жизни средневековых дворян и к феодальной обстановке; его любимыми развлечениями были конная езда и охота, его главной слабостью — любовь к торжественным церемониям. Романтически настроенный, он не выносил никакого правильного труда и часто целыми месяцами не мог заставить себя взяться за перо, чтобы написать самое простое письмо. Такой человек и в масонстве должен был искать прежде всего возрождения феодально-рыцарских идеалов. Он стал масоном уже 20 лет от роду; побывав в 40-х гг. в Париже, он увлекся ходившей там в то время легендой, что на шотландских островах уцелел тамплиерский орден. Вернувшись на родину, он основал при своем родовом замке ложу «Zu den 3 Säulen», ввел в ней «шотландскую» систему высших ступеней, принял титул «военного мастера» и носился с мыслью создать кругом себя особое воинство, наподобие средневековых крестоносцев. Но за отсутствием объекта для крестового похода, он стал пока думать об устройстве благотворительных учреждений, сиротских домов и т. п. Чтобы добыть денег на это, он погрузился в изучение алхимии и каббалистики. Он мечтал подчинить себе все другие масонские организации, и от всех примыкавших к нему требовал безусловного повиновения.

По-видимому, это требование безусловной покорности находило живой отклик в тогдашней полуфеодальной Германии. Нам уже приходилось говорить по поводу де-ля-Мот-Гийон, каким успехом пользовалась в XVIII веке проповедь квиэтизма. В то время, когда произвол маленьких местных князьков доходил до самодурства и когда общественная жизнь была совершенно подавлена, нельзя было и ожидать ничего другого, и не одно масонство, но и значительная часть литературы XVIII в. культивировала идеалы самоотречения и пассивности. Идею судьбы, полного отказа от личной деятельности, пассивного подчинения высшим силам, господствующим над человеческой жизнью мы найдем в очень многих романах XVIII века, но масоны пошли в этом отношении дальше других, выставив отказ от личной деятельности и служение высшим орденским целям этическим постулатом, непререкаемым условием праведной жизни. В этом отношении требование Гундом безусловной покорности от всех его приверженцев вполне гармонировало

как с преобладающим направлением умов в тогдашней Германии. так и с общим духовным обликом этого полуфеодала. Но совершенно неожиданно на его пути ему встретилось препятствие в лице появившегося тогда в Иене Джонсона, и оказалось, что ничем не стесняющийся шарлатан больше успел среди тогдашних масонов, чем идеолог средневековых идеалов. Успех Джонсона был, однако, как мы видели, очень непродолжительным, и барон Гунд был одним из ближайших виновников его падения: сначала он уверовал было в него, но потом, убедившись в его шарлатанстве, решительно отвернулся от него. Тогда же он стал утверждать, что в бытность его в Париже, начальники шотландских тамплиеров назначили его главою всех немецких масонов нижней Германии (т. н. VII-ой провинции) и что никто, кроме него, не уполномочен шотландскими тамплиерами посвящать в высшие масонские ложи. В этом он встретил к себе всеобщее доверие, и все те, которые только что группировались кругом Джонсона, теперь признали своим начальником Гунда. Введенная им система получила название «Строгого Чина», так как она требовала безусловной покорности от всех принявших ее.

В новой организации была введена еще более сложная градация степеней, чем в Клермонтском Капитуле. Над первыми тремя степенями обыкновенных лож были учреждены степени шотландских мастеров, новичиев, тамплиеров, в свою очередь разбивающихся на три класса (всадники, оруженосцы и союзники); над всеми этими степенями поднималась учрежденная в 1770 г. высшая степень, так называемая «Егус профессус». Усложнен был также и ритуал ордена и приближен к обычаям средневековых рыцарских орденов. Эта игра в средневековье имела необычайный успех. В короткое время орден «Строгого Чина» приобрел господствующее положение по всей Германии и другие масонские ложи стали переходить в этот орден, подписывая «какты повиновения» неизвестным орденским властям. Тайнственность ордена была настолько велика, что от членов ордена скрывались даже и его цели, которые были будто бы известны только втайне пребывающему начальству.

Особенно деятельную пропаганду в пользу «Строгого Чина» вел некий Шубарт, который заявлял, что действует по уполномочению высших шотландских властей ордена и считал себя по положению в ордене выше самого Гунда. Он ездил по Германии, вербовал себе сторонников, а те ложи, которые не хотели признать «Строгого Чина», он просто объявлял недействительными. Масон Боде, сопровождавший Шубарта во время его путешествий, рассказывает, что Шубарт в тайнственных, аллегорических выражениях вещал о силе и могуществе ордена и о том блаженстве, которое

ожидает всех вступивших в него членов. Сам Шубарт усердно занимался алхимией, и по собственному признанию истратил более тысячи дукатов на свою лабораторию, в которой занимался отысканием философского камня. Но, отчаявшись обогатиться таким образом, он развил план обложения всех членов ордена необыкновенно высокими налогами, с тем, чтобы образовавшийся таким образом фонд употребить на разного рода торговые предприятия; таким путем он обещал увеличить капитал общества в тысячи раз. Но большинство лож хотело удержать свои деньги при себе, и план Шубарта вызвал поэтому большое неудовольствие. С другой стороны, Шубартом были недовольны из-за его авторитарных замашек. Франкфуртская ложа «К согласию» не захотела вступать в сношения с Шубартом, а подчиненная ей ложа в Нюрнберге объяснила, что немецкие масоны не хотят ни от кого зависеть, кроме как от великой ложи в Лондоне; она заявила при этом, что не следует принимать таинственных новостей, которые не могут быть объяснены,— особенно тех детских рассказов, за которые жадно хватаются французы; немецкое масонство, по словам этой ложи, не нуждается ни в какой реформации.

Под влиянием этих неудач Шубарт упал духом и скоро после этого отказался от роли пропагандиста, уединившись в своем родовом поместье. «Строгий Чин» лишился очень деятельного агитатора, а между тем энергичные члены для него были очень нужны, потому что у него появилось как раз в это время очень много соперников. Пример Джонсона и Гунда, приобретших в очень короткий срок необычайную популярность, не мог не возбудить подражания, и в Германии стали, как грибы, расти различные масонские организации, окутывавшие свое происхождение покровом таинственности, претендовавшие на высшее знание, которое они будто бы почерпнули из каких-то древних манускриптов, и объявлявшие себя верховным начальством над всеми масонами. Таковы были общества «африканских строителей», ссылавшихся на знания, переданные им преемственно от египетских жрецов, «азиатских братьев» и т. п., быстро возникавшие и так же быстро сходявшие со сцены. Даже общества, возникшие и раньше, теперь заражались духом «Строгого Чина». Такого было «Аркадское общество человеколюбия», основанное в 1759 г. изенбургским советником фон-Бури. Познакомившись с системой «Строгого Чина», фон-Бури, провозгласивший себя «архонтом» этого общества, ввел в нем высшие степени и потребовал от его членов, чтобы они жертвовали для него всем, вплоть до последней капли крови. С этими авторитарными замашками главы общества как нельзя более гармонировал тот дворянский кастовый дух, и та вероисповедная нетерпимость, которая была вообще характерна для ма-

сонских организаций, претендовавших на связь со средневековыми рыцарскими орденами. В обществе была проведена резкая граница между «простыми членами» и «благороднорожденными», причем в оправдание приводилось такое соображение: «должно же делать в этом отношении различие. Было бы в высшей степени неудобно, если бы мы захотели наполнить общество евреями и турками, а также крестьянами и нищими». Даже и старые масонские ложи в это время стали под влиянием «Строгого Чина» совершенно открыто выражать вероисповедную исключительность: так в 1766 г. вновь избранный мастер берлинской ложи Крюгер провел изменения ритуала этой ложи, по которому в масонство «может быть принят только христианин, но не еврей, магометанин или язычник»; ибо, говорилось там, «только христианская религия имеет исключительную власть делать злое сердце добрым».

Из всех этих соперников «Строгого Чина», претендовавших подобно ему на высшую мудрость, одно время едва ли не самым серьезным был основанный Штарком в 1767 г. «тамплиерский клерикат». Целью Штарка было приблизить масонство к католицизму и сам Штарк, как можно думать, позднее перешел в католицизм. В противоположность Гунду Штарк проповедывал, что высокие тайны тамплиерского ордена были унаследованы не светскими рыцарями, а духовными людьми. Если в деятельности Гунда до некоторой степени можно видеть попытку возродить идеалы феодального рыцарства, то Штарк возрождал притязания католического духовенства на господство над мирянами. Его упрекали даже в скрытом иезуитизме и этот упрек остался неопровергнутым. Образ действия Штарка действительно сильно напоминал иезуитские приемы: он всегда стремился втереться в доверие владельцев домов Германии, был учителем у нескольких принцев и умер на придворной должности дармштадского обер-проповедника. Одно время он вступил было в формальный союз с орденом «Строгого Чина». Гунд надеялся услышать от него про какие-нибудь тайны масонского ордена; позднее Штарк даже дал насмешливое описание «Строгого Чина» в написанном им сатирическом романе.

Недостатка в соперниках, таким образом, у «Строгого Чина» не было. Авторитет Гунда оказался недостаточно велик для того, чтобы соединить под его властью все масонские организации, связывавшие себя с средневековым орденом тамплиеров. Среди самих членов «Строгого Чина» возникло сомнение в законности его полномочий и от него стали требовать, чтобы он назвал тех неизвестных шотландских начальников, на которых он ссылался. Чтобы подкрепить авторитет «Строгого Чина», было собрано несколько

ко конгрессов из представителей от отдельных лож, примыкавших к этому ордену. На конгрессе в Коло (замке графа фон-Брюль) члены ордена потребовали для себя выборных властей, и гроссмейстером всех шотландских лож был избран герцог Фердинанд Брауншвейгский с титулом «Великий начальник ордена»; за Гундом была оставлена только часть его бывшей власти. (Он остался провинциальным гроссмейстером Саксонии, Дании и Курляндии. В 1775 г. был устроен новый конгресс в Брауншвейге; он состоялся в необычайно торжественной обстановке, и в нем участвовали представители от 23-х лож, в состав которых входили тогда 26 князей. На этом конгрессе уже сказалось нерасположение к тайным властям. От Гунда потребовали, чтобы он представил доказательства своей связи с шотландскими неизвестными властями, но объяснения, которые он предоставил, уже не могли удовлетворить членов ордена, и Гунд, глубоко огорченный этим недоверием, скоро после этого умер. (8 ноября 1776 г.).

На Брауншвейгском конгрессе орден попробовал организовать до некоторой степени демократически. Во главе всего ордена была поставлена Великая Ложа, которая в большинстве своих членов должна была состоять из выборных уполномоченных от отдельных лож. Чтобы резче подчеркнуть разрыв ордена с его прошлым, самое название «Строгого Чина» было изменено, и он стал зваться «Соединенными немецкими ложами». Но отказаться от своих прежних исканий таинственного начальства орден уже не мог, развенчав своего вождя-романтика, орден остался верен заложенным им традициям и с необычайным легковерием встречал всякие, даже очевидно шарлатанские претензии на высшую власть и высшую мудрость. В 1776 г. член одной из высших степеней ордена камерюнкер фон-Гугомос разослал окружное послание к властям ордена с приглашением приехать на конвент в Висбаден и выслушать там переданные через него приказания высших неизвестных начальников, причем обещал сообщить никому еще неизвестные таинственные знания. Эта заново возрожденная легенда о неизвестных властях и таинственных знаниях нашла в себе, как и всегда, сначала почти полное доверие среди масонов, и к Гугомосу съехалось довольно много братьев (между ними принц Гессенский и герцог Готский). Вся история, однако, довольно скоро закончилась так же, как кончались и другие, ей подобные: от Гугомоса потребовали доказательств его особенных прав; он сначала оттягивал ответ, а затем, когда требования стали особенно настойчивыми, бежал из Висбадена. Позднее свое шарлатанство он объяснил тем, что его подучили иезуиты, которым хотелось погубить масонский орден. Но это едва ли было так: в то время было вообще в ходу обвинять иезуитов в тайных происках

и возлагать на них ответственность за то, в чем они не были повинны.

После этого «Строгий Чин» быстрыми шагами пошел к упадку. Все более и более выяснялся невысокий состав его членов. Еще в 1772 г. братья франкфуртской ложи довольно точно определили, что привлекало к «Строгому Чину» его приверженцев; «слишком известно», писали они в одном послании к принцу Гессен-Дармштадскому, «что побудительными причинами к вступлению в наш достопочтенный орден так часто служит простое любопытство, искание выгод, преувеличенное представление о тайнах, в действительности не находящихся в нашем ордене, ожидание всякого рода удовольствий и забав и т. п. ... Общество свободорожденных людей, состоящее из всех наций, распространившихся по всем частям света, не может долго существовать согласно с правилами «Строгого Чина», точно так же, как поименованное общество, в котором господствуют беспорядок, распутство, ссоры, расточительность и своекорыстные цели, не может надеяться, чтобы в нем долго оставались разумные люди». Для всех тех, кто не ждал от «Строгого Чина» сверхестественных откровений, пребывание в нем не могло представлять ничего привлекательного. Заседания лож происходили редко, никаких серьезных работ в них не было, доклады читались только в торжественных случаях, новых членов принимали больше за знатность и деньги, чем за действительные заслуги. Масон Книгге (иллюминат) писал в 1779 г. о «Строгом Чине»: «над моральным развитием больше уже не работают, и так как нас не оживляет внутренняя теплота и общий дух, так как редко собираются..., членов не знают и нет никакой власти над их сердцами. Всякий в низших степенях чувствует, что он играет небольшую роль, стремится дальше и вечно недоволен, — пока не продвинется выше, а там приходят новые желания к почету и высшим местам».

Орден падал, и чтобы поправить свои дела, он стал искать опоры уже не внутри самого себя, а извне. В 1777 г. «Строгий Чин» вступил в переговоры о союзе со шведскими братьями, которые тоже хвалились, что стоят в сношениях с высшими властями и обладают тайными знаниями. Формально 2 года спустя этот союз был заключен, а шведский принц, герцог Карл Зюдерманландский (позднее король Швеции Карл XIII) был избран провинциальным гроссмейстером тех же провинций, в которых раньше провинциальным гроссмейстером был Гунд. Но союз оказался очень непрочным. Шведские братья не открыли немецким масонам ничего нового, не показали им никаких документов, удостоверяющих их исключительные знания и притязания. Члены «Строгого Чина» быстро разобрали, что кроме новых церемоний и частных

вариаций орденой историй, они ничего другого в шведской системе не найдут. Союз распался, и «Строгий Чин», лишившись этой последней опоры, скоро совсем прекратил свое существование. Самый серьезный удар он получил в 1782 г. на конгрессе в Вильгельмсбаде (Кургессене). Его созвал герцог Фердинанд Брауншвейгский, и по его мысли это должен был быть общемасонский конгресс, который бы выяснил сущность масонства в его отношении к тамплиерам и к неизвестным шотландским начальникам. На конгресс, однако, съехались представители далеко не ото всех масонских лож; между прочим, не было представителей от шведских лож; но все-таки съехались депутаты от Германии, Франции, Италии и России. На этом конгрессе поднялись очень сильные возражения против попыток связать масонство со средневековыми духовно-рыцарскими орденами. Член конгресса Диттфурт (из Вецлара) заявил, что «целью ордена не должно быть возрождение системы тамплиеров, что было бы смешно и ребячески в то время, когда просвещенный монарх занят уничтожением еще существующих орденов (здесь имелась в виду борьба Иосифа II против иезуитов); точно так же было бы пустой мечтой надеяться достигнуть через тамплиерство обладания сверхъестественными силами. В конце концов, однако, решено было сохранить связь с орденом тамплиеров, но только на высшей ступени масонской иерархии, в последнем «классе» масонства, которому было передано управление низшими орденовыми степенями и который получил название «рыцарей благотворительности», но при этом «всем префектурам и провинциям было предоставлено не делать из этой степени никакого употребления, нисколько не вредя этим своим связям с целым».

Система высших степеней была таким образом сохранена на Вильгельмсбадском конгрессе, и во главе преобразованного ордена был поставлен прежний начальник—герцог Фердинанд Брауншвейгский, но связь с тамплиерами уже не навязывалась так энергично, как это делалось прежде; трезвые голоса некоторых членов Вильгельмсбадского конгресса (главным образом Диттфурта) возымели свое действие. Во всяком случае, этот конгресс был первым шагом к очищению ордена от погони за высшими степенями и тайными знаниями. «Строгий Чин» после этого был распущен (его заменили «рыцари благотворительности»), и только жалкие остатки его продолжали кое-где прозябать до смерти герцога Фердинанда (1792 г.). После его смерти и они исчезли.

«Строгий Чин» был далеко не единственной масонской организацией, в которой получили полное извращение масонские принципы равенства и свободы. Ему в этом отношении не уступала т. н. шведская система. В Швеции система высших степеней зароди-

лась в середине XVIII века под французским влиянием, но шведскому масонству первоначально была совершенно чужда мысль о связи масонов с тамплиерами; здесь первоначально получила распространение идея Рамзея о происхождении масонства от другого средневекового ордена, именно иоаннитского, и только позднее (около 1760 г.) в качестве надстройки над степенями появились и тамплиерские степени. В сущности, в этом шведском масонстве не было ничего оригинального, и оно само несколько позднее подверглось очень сильному влиянию немецкого «Строгого Чина»; но в Германии тогда было в большой моде искать «истинного и подлинного» масонства за границей; по привычке всех мистиков немецкие масоны думали, что настоящее знание может прийти к ним только издалека и что хранителями истинной мудрости могут быть только иноземцы. Не удивительно поэтому, что «шведская система» в скором времени легла в Германии в основу одной из наиболее распространенных масонских организаций, хотя, конечно, на германской почве эта «шведская система» заключала в себе очень много чисто немецкой примеси.

Зарождение и развитие этой «шведской системы» в Германии связано с именем Иоганна-Вильгельма Элленбергера, который позднее принял имя фон-Циннендорфа и известен в истории масонства именно под этим именем. По образованию он был медиком и обнаружил в этой области такие успехи, что в 1765 году 34-х лет отроду был поставлен во главе всего медицинского дела в Пруссии. Еще в очень молодых годах он обнаружил влечение к масонству, причем его особенно привлекали такие системы, как клермонтский Капитул, шотландские ложи и «Строгий Чин». Он примыкал к этим системам поочередно, но быстро из них уходил, потому что не получал от них тех высших, таинственных знаний, которые ожидал получить. Прочнее оказались его связи со шведским масонством. Он вступил в сношения с одним из самых деятельных шведских масонов Эклефом, и последний прислал в Германию через масона Баумана разрешительный патент и инструкцию для открытия там новой масонской организации по образцу шведской. Впоследствии великая ложа Швеции в лице своего главы герцога Зюдерманландского признала, что патент Эклефа был выдан им без ее разрешения и согласия, и отказалась признать за ним законную силу. Но Циннендорф был глубоко убежден (по крайней мере сначала) в правомочиях Эклефа, равно как и в том, что в Швеции сохранилась самая древняя и самая истинная форма масонства; поэтому он не пожалел издержек, чтобы получить в свои руки переданные Эклефом Бауману бумаги. Когда они, наконец, попали в его руки (после целого ряда трудностей), он энергично принялся за основание в Германии масонских лож по

шведскому образцу; благодаря его стараниям в Германии уже к 1770 г. было около 12-ти таких лож; в том же году Циннендорф основал для объединения всех этих лож «Великую Земскую ложу всех каменщиков Германии». Циннендорф обладал большой энергией и настойчивостью, но был крайне властолюбив и неразборчив в средствах: он не терпел соперников и ему хотелось, чтобы под его властью объединились все масонские организации Германии. «Строгий Чин» был одним из его самых серьезных конкурентов во влиянии на немецких масонов и поэтому Циннендорф, который одно время дружил с Гундом, теперь обрушился на него с величайшим ожесточением и объявил «Строгий Чин» за «пустой обман» и за «бессмысленное фантазерство, не имеющее ничего общего с масонством». Циннендорф добивался того, чтобы Великая Ложа Англии признала «Великую Земскую ложу» единственной великой ложей в Германии, благодаря чему все масонские организации Германии должны бы были подчиниться ей; на короткое время ему действительно удалось добиться этого признания от английских властей масонства, но уже в скором времени Великая Ложа Англии, убедившись, что далеко не все германские ложи признают над собой главенство «Великой Земской Ложи», взяла свой патент обратно (1768 г.). Властолюбие Циннендорфа как нельзя лучше характеризуется возбужденным им перед прусским правительством ходатайством, чтобы «Великой Земской ложе» было предоставлено право цензурировать все масонские сочинения и даже газетные статьи, появляющиеся в Пруссии. Но на это не пошло даже правительство Фридриха II, который вообще относился к «Великой Земской ложе» очень сочувственно и даже принял звание покровителя этой ложи. В управлении подчиненными ей ложами «Великая Земская ложа» обнаружила еще более авторитарные тенденции, требовала к себе еще более слепого подчинения, чем «Строгий Чин». Обязанность учеников, напр., заключалась только в том, чтобы «повиноваться и молчать». Но Циннендорф умел возбудить к себе доверие и убедить других, что основанная им система действительно обладает высшими знаниями, которые открываются на высших орденских степенях. Та система, которая была заимствована Циннендорфом от Эклефа из Швеции, была как нельзя более рассчитана на поддержание таких честолюбивых иллюзий. По количеству орденских степеней, каждая из которых должна была открывать ее обладателям все новые и высшие знания, она далеко превышала другие немецкие степени. За обыкновенными ложами (С. Иоанна) с 3-мя степенями (ученика, товарища и мастера) следовали шотландские ложи с 2-мя степенями (ученика-товарища св. Андрея и мастера св. Андрея) и капитул с 4-мя степенями (рыцарей Востока, рыцарей Запада, дове-

рённых св. Иоанна и доверенных св. Андрея. Над этими девятью ступенями поднимались еще 3 степени «архитектов» или «рыцарей и командоров красного креста», которым было вверено управление орденом. Во главе же всего ордена стоял Орденсмейстер с титулом Викария Соломона, который был высшей инстанцией в делах веры и ритуала и обладал решающим голосом по этим делам, и гротсмейстер, который ведал делами внешнего управления орденом.

В основе орденского учения лежала своего рода христианская мистерия, которая являлась тайной не только для лиц посторонних масонству, но и для низших степеней ордена и открывалась только тем, кто вступил уже в члены шотландских лож. Мистерия эта заключалась в том, что Христос, помимо известного всем учения, изложенного в евангелиях, сообщил избранным из своих апостолов некоторые тайные знания, которые затем, передаваясь преемственно, перешли к Клирикам тамплиерского ордена, а от них и к современным масонам шведской системы. Начатки этих таинственных знаний идут еще из дохристианского времени; ими обладала иудейская секта ессеев, в кругу которых воспитывался и провел большую часть своей жизни Христос. Он заимствовал отчасти свою мудрость от этой секты, но, конечно, значительно углубил и расширил ее своею божественной мыслью. Придавая такое огромное значение самой личности Христа в выработке масонской мудрости, Циннендорф и его последователи считали возможным сообщать ее только христианам; только христиане, думали они, достойны воспринять тайные заветы Великого учителя, и только христианский дух способен развить их во всей их сокровенной силе.

Одно время было в большой моде возлагать ответственность за все извращения масонства на иезуитов; этот орден считали всемогущим и думали, что иезуиты, втираясь в среду масонов, заражали этот орден своим духом честолюбия и нетерпимости, своими авторитарными замашками, своею неразборчивостью в средствах. Теперь можно считать доказанным, что роль иезуитов в этом отношении была более чем преувеличена, потому что все эти отличительные черты немецкого масонства развились без участия иезуитов в силу тех внутренних условий возникновения и развития немецкого масонства, о которых мы говорили в начале нашей статьи. Но тем не менее невольно напрашиваются некоторые черты сходства в организации и духе немецкого, протестантского масонства и католической церкви, а особенно иезуитского ордена. В отношении к шведской системе на это сходство указал даже и такой защитник просветительного и филантропического значения масонства, как Финдель. «Эта система,— пишет Финдель,— по духу, привычкам, приемам языка, учреждением, истории и преданию представляет из себя совершенное отражение католической церк-

ви. Общим с последней у нее является дух исключительности (она хочет быть единственной обладательницей истинного масонства) и дух властолюбия... С иезуитским орденом ее сближает деление всего земного шара на орденские провинции; с католической церковью — иерархия рангов и достоинств (низшее духовенство — ложи св. Иоанна, деканат — шотландские ложи, епископы — капитул, папа — Орденмейстер) и духовная титулатура... С католической церковью у нее общая слепая вера в авторитет и цензурные предписания, отвращение от прессы и от свободного исследования, духовное рабство и оупление ее членов... Подобно католической церкви и иезуитскому ордену шведская система желает добиться повсюду политического влияния и стремится к тому, чтобы подчинить себе высшую государственную власть».

В этом последнем отношении, однако, нужно внести очень существенную поправку: последователи шведской системы, как и другие масоны, стремились проникнуть ко дворам владетельных особ, но при них они играли не господствующую и направляющую роль, а служебную и подчиненную. Руководителями государственной политики им никогда и нигде не удавалось быть. Их успех всегда был связан с расширением и покровительством какой-нибудь владетельной особы. Так, деятельность Циннендорфа только тогда стала на твердую почву, когда ему удалось приобрести расположение принца Людвиг-Георга Карла Гессен-Дармштадского, принявшего в начале 70-х гг. выбор в гроссмейстеры «Великой Земской ложи». В самой Швеции эта масонская система получила особенное распространение только с тех пор, как во главе Великой шведской ложи стал герцог Зюдерманландский (с 1774 г.); когда же этот герцог усомнился в законности полномочий Циннендорфа, то для последнего это оказалось чрезвычайно опасным ударом, от которого он не мог оправиться до самой своей смерти. Так влияние «Великой Земской ложи» колебалось в зависимости от милости и расположения сильных мира сего, не оказывая в то же время хоть сколько-нибудь заметного воздействия на практическую политику и на государственную власть того времени.

С католической церковью шведскую систему сближает и сложная символика, соединенная с торжественным ритуалом, которая была в ней принята. В качестве символов в «Великой Земской ложе» и в ее отделениях были приняты корона, которая указывала на высшую мудрость ее членов («корона является украшением мудрости»), меч, который символизировал высшую власть руководителей ложи в сравнении с другими масонами, крест св. Андрея, потому что Христос призвал Андрея первым в свои ученики, шпory, знамя и т. п. Эти символические знаки вручались членам ордена с необычайно торжественными и напыщенными церемо-

ниями, которые, в конце концов, стали противны им самим. «Во мне возбуждают досаду все эти бесполезные и отчасти смешные церемонии, которые запутывают разум, губят время и приводят к ошибкам», — писал в 1802 г. Як. Мумсен, занимавший в конце 70-х годов XVIII века очень видное положение среди масонов шведской системы. К тому же в очень скором времени для многих из членов стало ясно, что никакими особенными знаниями шведская система не располагает и что все ее обещания открыть какие-то высшие тайны — лишь недостойная игра. «Меня обманули», — писал к Мумсену другой масон, тоже привыкавший к шведской системе, — за одиннадцать лет я мог бы получить ближайшие знания о том месте, где должна находиться тайна, и узнать о его неизвестных стражах; но и теперь я знаю только то, что (наши) акты... были не чем иным, как шутовской игрою. Да как может оказаться добрая тайна в руках стражей, которые прячутся сами, скрывают свое происхождение, а еще больше свое учение?...»

Несмотря на все это, искания мистических знаний в тогдашней Германии были настолько распространены, что круг влияния «Великой Земской ложи» до самой смерти Циннендорфа, последовавшей в 1782 г., все более расширялся. Подчиненные ей ложи возникли в Австрии, Силезии, Померании, Саксонии, даже России. В 1778 г. под ее управлением находилось уже 34 ложи. Но ее притязания шли дальше ее действительного влияния. В согласии со своим громким титулом «Великой Земской ложи всех каменщиков Германии», она хотела быть единственной великой ложей в немецких землях; но на ее пути стояли две других ложи, которые также носили название великих; это были, во-первых, уже известная нам берлинская ложа «На трех земных шарах» и «Великая земская ложа Пруссии», сначала находившаяся в подчинении у ложи «На трех земных шарах», но потом отделившаяся от нее; в честь своего гроссмейстера герцога Эдуарда Августа Йоркского (брата английского короля Георга III) она звалась иначе «Роил Йорк». «Роил Йорк» одно время (правда, очень короткое, 1774—76) признавала над собой власть «Великой Земской ложи», но потом отделилась от нее, подобно тому, как раньше она сделала это по отношению к ложе «На трех земных шарах». Эти две ложи стояли на пути к могуществу для «Великой Земской ложи», и она повела с ними решительную войну. Она отказалась признать «Роил Йорк» за великую ложу, потому что «было бы несогласно с конституцией древнего и достопочтенного ордена в стране, где уже существует «Великая Земская ложа», — учреждать другую». Несмотря на то, что берлинская ложа «На трех земных шарах» была старше ее, она объявляла себя самой древней из масонских лож в Германии и требовала безусловного повиновения себе со стороны других лож.

После смерти Циннендорфа история шведской системы в Германии представляет из себя недостойных спор из-за первенства с другими ложами, полный скандальными взаимными разоблачениями. Когда после Вильгельмсбадского конгресса в немецком масонстве появились реформаторские стремления и оно обнаружило стремление хоть отчасти освободиться от прежнего духа властолюбия и погони за мистическим знанием, то эти реформаторские попытки совершенно не коснулись «Великой Земской ложи» и она даже обрушилась с жестоким осуждением на те ложи, которые разразились «реформационным духом нового столетия». Только уже в XIX веке, когда во главе «Великой Земской ложи» стал фон Кастильон, она отказалась от своих исключительных притязаний на главенство и в 1810 г. заключила с двумя другими великими ложами ферейн «для поддержания законности в немецком масонстве» Этот ферейн заключал в себе гроссмейстеров всех трех великих лож.

Ни в одном из вышеизложенных масонских направлений мистицизм не доходил, однако, до таких крайностей и до столь резко выраженного обскурантизма, как в розенкрейцестве. Создателем ордена розенкрейцеров считается (в настоящее время трудно сказать — справедливо или нет) Иог. Вал. Андрес, автор основной легенды розенкрейцества, появившейся в 1614 г. под названием «Слава братства». В этой красиво составленной легенде рассказывается про жившего в XIV и XV вв. рыцаря Христиана Розенкрейца; он много путешествовал по Востоку, побывал в Дамаске, и в Египте, и в Испании и по возвращении в Германию основал там «братство Розенкрейца». Братство это, состоявшее из немногих членов, стремилось к церковной реформе и члены ее должны были жить по заветам библии; они являлись хранителями тайных знаний, переданных Адаму после его падения и применявшихся Моисеем и Соломоном; к деланию золота они относились с пренебрежением, потому что знали «тысячи лучших вещей».

В XVII веке, в сущности, ордена розенкрейцеров еще не образовалось. Желавших вступить в него, правда, было довольно много, и они объявляли о своем желании, но не получали никакого ответа. Тех, кто считал себя членами братства, было очень немного; один из них (Джулианус а Кампис) сознается (1615 г.), что ему удалось во время его путешествия найти только трех розенкрейцеров. Это показывает, что ордена в то время еще не было, а были только отдельные лица, признававшие себя розенкрейцерами, жившие в разных местах Европы, и никогда не сходившиеся вместе. Лейбниц, которому хотелось напасть на след розенкрейцества, в конце концов, стал прямо отрицать его существование. Из-за своей неуловимости розенкрейцеры даже получили в XVII

веке насмешливое прозвище «невидимых». Это, конечно, создавало большой простор для шарлатанских проделок разного рода авантюристов, которые называли себя розенкрейцерами и пользовались таинственной репутацией этого ордена для того, чтобы мочить публику (напр., Иреней Агност). Это не мешало, однако, тому, что в течение всего XVIII века братство розенкрейцеров по существу оставалось фикцией.

Розенкрейцеры оживают только в XVIII веке. В 1710 г. появляется сочинение силезского пастора Самуила Рихтера: «Теоретико-практическая тео-философия — истинное и совершенное приготовление философов камня братства из ордена Злато-Розового Креста». В этом сочинении уже дается довольно детально разработанный (в 52 пунктах) статус братства, причем, как позднее в масонском ордене, от членов братства требуется безусловное послушание. Тем не менее до самых 50-х годов XVIII века о розенкрейцестве, как о действительно существующем ордене, еще ничего не слышно, и впервые оно дает себя знать заметным образом только в начале второй половины этого века, когда общества розенкрейцеров возникают во Фрункфурте-на-Майне (1757 г.) и в Праге (1761 г.). По-видимому, интерес к розенкрейцеству увеличился в это время в Германии под влиянием незадолго появившегося там масонства. По крайней мере оно распространяется параллельно с успехами масонства и в скором времени сливается с ними, превращаясь в одно из его подразделений. Во второй половине XVIII века розенкрейцеровские кружки быстро распространяются по всей Германии: они появляются в Силезии, Оберлаузице, Вене, Берлине, Гамбурге, Потсдаме, Лейпциге, Нюрнберге, Мюнхене, Аугсбурге, Штуттгарте и др. местах. Особенно большое значение как центр розенкрейцества получила с 1775 г. Вена: она стала средоточием для розенкрейцеров Австрии, Венгрии, Баварии, Виттенберга и Польши. Интерес к розенкрейцеству был настолько велик, и оно распространялось настолько быстро, что одно время можно было опасаться поглощения им других масонских организаций. Этот исключительный успех объяснялся не одним только покровом тайны, который окутывал происхождение и управление этого ордена (его вожди, конечно, скрывались в неизвестности и не объявлялись даже для самих членов ордена), игрою в таинственность в XVIII веке было уже трудно кого-либо удивить, и на таинственной древности происхождения уже в достаточной степени сыграли такие системы, как шведская и «Строгий Чин». Розенкрейцеры больше всего привлекали к себе теми обещаниями чудес, той алхимической и каббалистической фантазмагорией, на которые так падки люди XVIII века. Большинство розенкрейцеровских сочинений XVIII века наполнены алхимическими бреднями о фи-

лософском камне и о жизненном эликсире, который поддерживал бы вечную молодость и оккультистскими мечтами об искусстве вызывать души умерших и вступать в сношения с чертями и духами и даже практическими наставлениями по части чудес,— в роде того, как можно делать крабов из падающей дождевой воды и как готовить цыплят из вареных яиц. Розенкрейцеры с величайшим усердием рылись в сочинениях Парацельса, Я. Бема, в еврейской каббале, в философии гностиков и неоплатоников, в пифагорействе и со скупулезной тщательностью выискивали во всем этом частицы оккультных знаний. Получалась бессмысленная теософическая смесь, которую сами они выдавали за величайшую мудрость, но которая возбуждала насмешки даже со стороны самих розенкрейцеров. Один из них, Гиппель, говорил насмешливо: «гностика, каббала, восточная философия, иудейство и христианство нам сродни и использованы нами на все лады». Перегрузив свои мозги оккультной мудростью, розенкрейцеры подняли протест против всех точных наук во имя высшего сверхчувственного знания и заняли прямо враждебное положение по отношению к тогдашнему просвещению. Коперник, Ньютон, Лавуазье, Пристли — были в их глазах жалкими наблюдателями над ничего не стоящими мелочами жизни, низменными кропателями, отвращавшими свои взоры от тех великих лучей истины, в которых Божество ниспосылает людям свое откровение. С этим презрением к точному знанию соединилось отвращение и к свободной мысли. Когда саксонский министр Вурмб, недавно вступивший в орден, выразил сомнение в полезности розенкрейцерских знаний, то он получил такой ответ: «от младшего брата ждут не сомнений и рассуждений, но отвержения светских наук и почтения к изречениям мудрых мастеров». При таком настроении просветительная философия XVIII века не могла вызвать у розенкрейцеров ничего другого, кроме самого горячего осуждения. Розенкрейцер Плюменок, напр., писал: «Кто внимательно изучает сочинения Бейля, Вольтера и многих других такого же рода, тот вполне убедится, что их цель — ничто иное, как ниспровержение всякой религии, являющейся сильнейшей опорой тронов государей и, бесспорно, важнейшим элементом нравственного состояния подданных... Чего полезного может ожидать от них государство, если они когда-нибудь займут места на военной или гражданской службе?..»

Нетерпимость розенкрейцеров заслужила им репутацию не только открытых обскурантов, но даже скрытых папистов. Вождь тогдашних берлинских просветителей, известный издатель журналов Николай прямо упрекал их в близости к католической церкви и даже к иезуитам. И хотя сама папская курья всегда откращивалась от всякой близости к масонству в какой бы то ни было его фор-

ме, сами розенкрейцеры, по-видимому, были не прочь протянуть некоторые связывающие нити между собой и иезуитским орденом. В одном розенкрейцерском сочинении, пользовавшемся большим распространением в конце XVIII века,—именно «Пасторском послании к истинным и подлинным каменщикам старой системы» (1785 г.), розенкрейцерство называется «истинным орденом Иисуса», а его вожди — духовными отцами. Ниже, при характеристике Бишоффсвердера и Велльнера, мы еще будем иметь случай указать, каким чисто католическим мракобесием и нетерпимостью отличалась практическая деятельность розенкрейцеров, когда им представлялась возможность развить ее в более или менее широких размерах.

Помимо мистических систем, розенкрейцеры всегда искали сближения и с современными им мистико-теософскими направлениями. Среди них большим уважением пользовался Сведенборг (1688—1772), который утверждал, что Бог и его ангелы находятся с ним в непосредственных сношениях и дали ему дар предсказания. Этот провидец и духовидец никогда сам не был ни розенкрейцером, ни масоном вообще, но розенкрейцеры и другие масоны мистического пошиба считали его родным им по духу, а себя—его последователями. Также большое внимание уделяли они и учению о животном магнетизме Мессмера (1733—1815), который исцелял все болезни — и физические и психические — магнетическими токами, соединяемыми особыми проводами с заболевшими частями тела и похвальбе знаменитого проповедника Иоганна Гасснера (1727—1779), уверявшего, что он имеет силу изгонять демонов из людей и шарлатанским проделкам не менее знаменитого «графа» Калиостро.

На деятельности этого последнего, столь характерной для мистических направлений в немецком масонстве, стоит остановиться более подробно. Этот «граф» родился в бедной итальянской семье (1773 г.), и его настоящее имя было Джузеппе Бальзамо. В молодых годах он много путешествовал, побывал в Египте, Сирии, Греции и Италии, объездил Испанию, Португалию, Англию и Францию. Это дало ему поход хвалиться, что ему теперь стали доступны все тайны восточной и европейской мудрости. Вернувшись на родину, он стал продавать воду красоты, превращать серебро в золото, увеличивать бриллианты и указывать счастливые номера в лотереях. Но скоро он убедился, что все это шарлатанство не принесет ему особенно большой выгоды и не введет в круг высшего общества, если он будет действовать под своим прежним демократическим именем. Поэтому, уже в 1776 г. он принимает аристократическое имя графа (иногда маркиза) Калиостро, а в следующем году, поняв, какую удобную почву для разного рода проделок

представляют собой мистические построения масонов, вступил в одну масонскую ложу, примыкавшую к системе «Строгого Чина». Изучив эту систему и начитавшись розенкрейцерских сочинений, он в скором времени стал выдавать себя за основателя новой масонской системы,—именно египетской. Он назвал себя посланником пророков Илии и Еноха, которые будто бы изучили тайны египетских жрецов, и даже приписывал себе божественное происхождение. Приняв титул Великого Копта, он ввел в своей системе целых 90 ступеней, за посвящение в которые требовал денег и возбуждал в падких на чудеса масонских кругах величайшее ожидание и любопытство. Действительно, обещания, которые он давал своим последователям, были конгломератом всех тех чудесных знаний и сил, которыми хвалились все объявлявшиеся до сих пор шарлатаны и мистики. В них не было ничего оригинального, и Калиостро брал свое оружие из накопившегося уже до него мистико-теософского арсенала, но он умел импонировать и ему верили очень многие. Он обещал продление жизни, господство над духами, физическое и моральное возрождение; конечно, он обладал философским камнем и волшебным зеркалом; он мог перевоплощаться и жил на свете уже не одну сотню лет.

Калиостро побывал и в Голландии, и в Германии, и в России; но особенный успех он имел во Франции. По-княжески расточительный, появлявшийся на улицах и в общественных местах не иначе как в сопровождении многих слуг, в великолепной одежде, украшенной бриллиантами и орденами, он всюду возбуждал удивление к себе и обращал на себя внимание. Даже Гете признавал, что «Калиостро, во всяком случае, замечательный человек» и что «подобные ему люди позволяют видеть те стороны человечества, которые в обычном ходе остаются незамеченными», а Клинггер и Шиллер изобразили Калиостро в своих романах: первый в «Дервише», а второй в «Духовидцах» (под видом армянина). По внешнему виду это был настоящий «сверхчеловек», во вкусе тех демонических героев, которых так любила изображать романтическая литература второй половины XVIII века. «Он был», пишет в своих мемуарах баронесса Оберкирх, «не то, чтобы красив, но я никогда не видала более выразительной физиономии. Он обладал взглядом почти сверхъестественной глубины. Выражение его глаз было то как пламя, то как лед; он привлекал к себе и отталкивал; он то внушал боязнь, то казался непреодолимо привлекательным». На время Калиостро стал героем; его называли божественным, его бюсты ставились в домах знати, его изображения выбивались на кольцах и браслетах. Кругом основанной им в Лионе «Ложы матери египетского обряда» в скором времени возникло очень значительное количество подчиненных ей лож-доче-

рей. Но Калиостро не удовлетворялся этим: он требовал, чтобы его признали верховным жрецом всего масонства и чтобы его система считалась единственно истинной. Скоро, однако, всем этим триумфам пришел конец. На Калиостро пало подозрение в краже ожерелья Марии-Антуанетты. Хотя суд его и оправдал, но ему было предложено покинуть Францию. Он переехал в Лондон, оттуда в Швейцарию и, наконец, в Рим. Но там он попал прямо в пасть льву: инквизиция уже давно смотрела с величайшим неудовольствием на все развивавшиеся успехи масонства; в Калиостро она видела одного из его вождей, и против знаменитого авантюриста был начат процесс. Его арестовали и вскоре приговорили к смерти, которая была заменена ему пожизненным тюремным заключением. Последние шесть лет своей жизни он провел в темницах итальянской инквизиции, в одной из которых и умер в 1795 г.

Калиостро был слишком честолюбив, чтобы вступить в орден, который развивался и приобретал влияние помимо него. Но его погоня за бьющими в глаза эффектами, за чудесами и за прочей блестящей бутафорией оккультизма была очень родственна розенкрейцерству; сам Калиостро в первые годы своей деятельности усердно изучал литературу розенкрейцеров, и многое из нее заимствовал. В Германии среди близких к розенкрейцерству людей можно указать одно лицо, которое очень напоминало собою Калиостро по приемам деятельности, но далеко уступавшее ему по широте размаха, по энергии и по способностям. Это был содержатель кафе в Лейпциге Шрепфер, человек без всякого образования, но с большой практической сметкой, понимавший, что в мутной воде мистицизма можно выудить много рыбы. Ему был очень хорошо известен ритуал розенкрейцеров, и он умел пустить пыль в глаза легковерным людям. Он утверждал, что обладает такими тайнами и знаниями, которые неведомы никому, кроме него; в короткое сравнительно время у него образовалась довольно значительная кучка приверженцев. В бильярдной комнате своего кафе он устроил по розенкрейцерскому образцу ложу, ни от кого не зависевшую и претендовавшую на звание единственной истинно-масонской организации; занятия в ней заключались по преимуществу в вызывании духов и вообще в общении с загробным миром. По отношению к существовавшей до него в Лейпциге масонской ложе «Минерва» он вел себя грубо, позволяя себе насилия над ее членами и раз даже ворвался со шпагой и пистолетом в заседание ложи. Члены ложи принуждены были обратиться за защитой к властям, и по распоряжению протектора всех саксонских лож, герцога курляндского Карла, Шрепфера даже наказали розгами. После этого Шрепфер принужден был покинуть Лейпциг, побывал

во Фрункфурте-на-Майне и в Брауншвейге. Он сумел там найти себе поклонников и защитников, примирился с ложей «Минерва» и, вернувшись в 1774 г. в Лейпциг, принялся за свою прежнюю деятельность, присоединив к вызыванию духов еще и приготовление эликсира молодости и жизненной силы. Его влияние поднялось еще больше, и приключение с розгами было быстро забыто. Сам герцог курляндский теперь готов был уверовать в него и послал к нему своего шталмейстера Бишоффсвердера, чтобы узнать от него высшие орденские тайны, и вызывал его к себе. Теперь Шрепфер стал называть себя бароном Штейнбахом, незаконнорожденным сыном одного принца, и надел на себя форму французского офицера. Но скоро он запутался в денежных делах и, привлеченный сверх того к ответственности французским посланником за незаконное ношение формы, покончил с собой во время одной утренней прогулки, всего 35 лет от роду (1774 г.).

Этот человек с неуравновешенным характером и явно шарлатанскими замашками умел, однако, настолько сильно импонировать, что после него осталась чуть не целая школа учеников. Наиболее замечательным из них был уже известный нам Бишоффсвердер (1741—1803), объявивший себя наследником всех таинственных знаний Шрепфера. В противоположность Шрепферу, который только хотел втереться в высшие круги, Бишоффсвердер по рождению принадлежал к немецкой аристократии; по характеру это был не мистик, а искатель удовольствий и наслаждений; к Шрепферу его привлекала больше всего надежда научиться готовить золото и тинктуру молодости; характерно, что Шрепфер по завещанию оставил ему в наследство какой-то аппарат для вызывания духов. Довольно рано он вступил в орден розенкрейцеров и благодаря своим талантам кавалера и придворного человека, получил там довольно большое значение. Но особенное влияние Бишоффсвердер приобрел с тех пор, как стал в близкие отношения к прусскому кронпринцу Фридриху Вильгельму (с 1778 г.). Вместе с другим розенкрейцером, Велльнером, ему удалось совершенно запутать этого недалекого принца в сети самого необузданного мистицизма. Велльнер (1732—1800), сын пастора, был человек на все руки. Сначала ярый просветитель, сотрудник «Всеобщей Немецкой Библиотеки» Николаи, затем член «Строгого Чина», потом розенкрейцер — он бросался из стороны в сторону — и, не разбирая средств, искал связей в самых противоположных по духу кругах, чтобы с помощью их выдвинуться на вид. В 1782 г. Велльнер выпустил книгу под заглавием «Обязанности членов Злато-розового Креста старой системы», где в тоне величайшей нетерпимости по отношению ко всем другим разветвлениям масонства он объявлял розенкрейцество за высшую его ступень, по отношению к ко-

торой тамплиерство и обыкновенное масонство является только «преддверием» и «воспитательной школой»; на другие системы, не признававшие розенкрейцерства, он обрушивался здесь с проклятиями совершенно в стиле католических анафематствований: «горе, горе,— восклицал он,— всем ложным светильникам, всем посланникам сатаны, которые губят вас временно и вечно!» Предвидя, что это шарлатанство должно вызвать сомнения, Велльнер ко всем сомневающимся обращается с такими словами: «только молитвы высших властей (розенкрейцерства) склонили Вечного Милостивца ниспослать нам этот орден; но свет может внезапно потухнуть и погрузить нас в крошечную тьму, если мы хоть на один момент позволим себя убедить, что высокий орден не то, за что он выдается, и что мы можем быть таким образом обмануты».

Обещаниями высших знаний и угрозами лишиться их при малейшем сомнении Бишоффсвердеру и Велльнеру удалось соединить вокруг себя высшее общество, и в розенкрейцерство широкой вольной потекли князья, графы, министры и генералы. Кронпринц совершенно подчинился их влиянию, тем более что Велльнер умел потакать его амурным склонностям, не отступая даже перед ролью обыкновенного сводника. Когда в 1786 г. Фридрих Вильгельм стал прусским королем, они постарались развить до последних пределов возможного его природные склонности к мистицизму. Целая банда шарлатанов, духовидцев и алхимиков устремилась теперь ко двору короля. Его потсдамская библиотека была составлена из книг исключительно мистического содержания. В доме Велльнера, который часто посещал король, была даже устроена арена для духов, между которыми появлялись все великие люди прошлого. В скором времени Бишоффсвердер и Велльнер были назначены на высшие должности в государстве: первый — генерал-адъютантом, второй — министром юстиции, народного просвещения и духовных дел. Началась эпоха самого крайнего обскурантизма и гонения на просветителей. В особенности прославился в это время своею обскурантною деятельностью Велльнер.

19 декабря 1788 г. он издал указ о цензуре, которым все политические и религиозные сочинения подвергались самому мелочному надзору; другой указ того же года (9 июня) ставил религиозное преподавание под строгий надзор бюрократии. Народное образование при нем прониклось духом ханжества и обскурантизма. Мирабо, который посетил в то время Берлин и написал «Историю берлинского двора», почти с отчаянием восклицал, имея в виду Бишоффсвердера и Велльнера: «чем станет судьба страны, которой будут руководить жрецы и визионеры?!» Он сразу понял, что эти попавшие в случай дельцы, при всех своих розенкрейцерских

претензиях, только «бессовестные интриганы, жалкие посредственности и пустые искатели наслаждений» и пророчески предсказывал, что Пруссии в недалеком будущем придется пережить критическую эпоху. «Заблуждение пошло так далеко», говорит об этом времени историк масонства Воос, что «масонство, которое первоначально совершенно изгоняло из своего храма политику и религию, теперь стало основанием политической и церковной системы».

Розенкрейцерство, не заключающее в себе ничего оригинального по сравнению с другими системами, не могло рассчитывать на длительный успех. Его расцвет был связан с царствованием Фридриха Вильгельма II. Когда же последний умер (1797), оно умерло вместе с ним, и только жалкие остатки его еще продолжали кое-где существовать.

Таким образом, немецкое масонство к концу первого пятидесятилетия своего существования подверглось полному извращению. В нем все более погасали провозглашенные английскими основателями масонства принципы гуманности, терпимости, свободы, всеобщего братства. По духу, по организации, по приемам своих деятелей оно все более превращалось в чисто средневековую организацию; средние века оживали во всех проявлениях мысли и деятельности тогдашних масонов, во всех их скрытых и открытых симпатиях: как средневековые мистики, они погружались в каббалистические и алхимические премудрости, занимались чародейством и верили в возможность непосредственного общения с загробным миром; как католические монахи, они с проклятиями и угрозами набрасывались на всех инакомыслящих, мечтали об исключительном предоставлении им цензуры по религиозным вопросам и с чисто средневековым изуверством предавали анафеме не только тех, кто отрицал их тайные знания и высшую силу, но и членов масонских же систем, в чем-либо несогласных с ними; представление о еретиках, появляющихся в лоне масонской же церкви, обладало в их душах очень большою жизненностью; как настоящие паписты, они разработали очень сложную иерархию духовных степеней и всеми мерами поддерживали чисто католическое представление о делении всех верующих на стадо пасомых овец, лучшею добродетелью которых является слепое послушание, и избранных, облеченных божественной благодатью пастырей с непогрешимыми властями во главе; как ученые схоластики, они стремились познать Бога и его тайные свойства с помощью разума; наконец, как феодальные рыцари, они хотели замкнуться в чисто аристократическую касту и усвоили себе все феодальные предрассудки, всю сословную исключительность средневекового дворянства.

Такое положение дел не могло не вызвать протеста. К масонским ложам Германии принадлежали многие великие люди XVIII века,— между ними Гете, Лессинг, Гердер. Они, конечно, держались в стороне от той мистико-шарлатанской шумихи, которую подняло большинство немецких лож; они стояли далеко и от их работ и, кроме Гете, редко посещали даже их заседания. К масонству их привлекали те просветительные и гуманитарные идеалы, которые в принципе признавались основателями масонства, и защищая эти идеалы в своих произведениях, они видели в них чисто масонские понятия, на что прямо и указывали. Лессинг, напр., в своих «Масонских беседах» доказывает, что сущность масонства заключается не в «обрядах, знаках, рисунках и словах», даже не в делах благотворения, а в воспитании людей согласно с идеалами гуманности. Масонство, в глазах Лессинга, это — не историческое, а отвлеченно-идеальное понятие; оно существовало всюду, где люди были проникнуты чувством любви друг к другу и уважения к великим началам свободы и общественности. В этом смысле Лессинг утверждает, что «можно исполнять высокие обязанности масонства, не называясь масоном». При этом Лессинг совсем не закрывал глаз на недостатки современного ему немецкого масонства. «Я ничего не вижу иного, ни о чем больше не слышу, как только о детских забавах», говорит в «Масонских беседах» Эрнст своему собеседнику Фальку, который настаивает его в высоком значении масонства, «и никто не хочет знать ничего о том, ожидание чего ты во мне возбуждаешь». В колких, полных язвительной насмешки словах Эрнст характеризует нетерпимость масонов: «Пусть», говорит он, «придет просвещенный еврей и пусть он назовет себя! Да, говорят, еврей? Масон, конечно, должен быть по крайней мере христианином. Какой христианин — все равно, без различия религии, т. е. только без различия трех исповеданий, публично дозволенных в Священной Римской Империи. Пусть честный сапожник, который при своей колодке находит досуг иметь много хороших мыслей, хоть бы это был Яков Бем или Ганс Сакс,— пусть он придет и назовет себя! Да, говорят, сапожник?.. А у нас в своей компании такое хорошее общество!» И Фальк признает справедливость слов Эрнста и сам в резких выражениях говорит об извращенности масонских лож, отличая, однако, от них настоящее масонство.

Также и Гердера, когда он юношей вступал в 1776 г. в Риге в масонскую ложу (Цум Шверте), привлекая туда тот идеал «гуманности», под которым он разумел «чистую любовь к людям и великодушие», и который он надеялся найти в масонстве. И в последние годы своей жизни, когда он познакомился уже с тем, во что превратилось немецкое масонство в конце XVIII века, он все-

Таки держался мнения, что истинное масонство есть то, «к чему во все времена стремились все добрые, без отношения к религии и государственному устройству,— око и сердце человечности; оно возвращает свободным душам, принадлежащим к нему, золотое время, живущее во всех наших сердцах,— поднимаясь над всеми сословными различиями, над всяким сектантским духом». Это высокое представление об идеальном масонстве не мешало Гердеру относиться с резким осуждением к действительно существовавшему в XVIII веке в Германии масонству. По его мнению, масонству незачем было объявлять себя тайным обществом, и он мечтал о превращении его в открытое общество всех мыслящих людей во всех частях света, которое принципами своей деятельности поставило бы «три светоча, освещающие нации, партии и роды»,— поэзию, философию и историю. Ему была глубоко отвратительна та мистическая бутафория, которую окружили себя Джонсон, Гунд и им подобные; в письме к знаменитому филологу Гейне (1786 г.) он писал: «я смертельно ненавижу все тайные общества и посылаю их к черту после наблюдений, которые я сделал в их среде и вне ее; под их покровом скрывается только властолюбивый обман и дух коварства». «Тайные общества», писал он в диалоге «Главкон и Никий»,— «это темные углы замкнувшиеся от света солнца... То тайное общество, которое честно мыслит о религии и истине, тотчас же перестает быть тайным, потому что только открытая истина есть Божие дитя...»

Что касается Гете, то он не удовлетворялся только представлением об отвлеченном от действительности типа идеального масонства, и хотел оказать и реальное влияние на немецкое масонство. Он хотел быть масоном не только вне масонских лож, но внутри их. Принятый в 1770 г. в число масонов, Гете оставался им до своей смерти и в противоположность Лессингу и Гердеру очень часто посещал заседания масонских лож; однако и он держался в стороне от тех лож, которые приняли систему высших ступеней. Поэтому-то практически Гете принял наибольшее участие в масонстве только в более позднее время своей жизни, когда среди масонов появилось стремление упростить ритуал и организацию лож и оздоровить их деятельность. В его глазах масонство было союзом чистейшего братства, в котором все члены равны, и в то же время средством для развития общественности «в том смысле, что оно призывает людей к объединенной деятельности, направляя мысль отдельных людей сначала на них самих, а потом и на целое». В масонстве, по его мнению, «теряют значение необходимые в обычной жизни знаки различия между людьми; там не затрагивают ничего такого, что в другое время принимают ближе к сердцу, о чем с наибольшею любовью слушают и говорят; ничего

не спрашивают о происхождении человека, о том, женат ли он или холост, имеет ли родителей и детей, счастлив или несчастлив дома; ни о чем этом ничего не упоминают, но всякий в сознании высших, всеобщих целей исполнен решимости отречься от всего частного». В натуре Гете была склонность к таинственности и к символическим (она отразилась, между прочим, в его двух самых замечательных произведениях — Вильгельме Мейстере и Фаусте) и поэту Гете довольно мягко отнесся к мистическим крайностям пемецкого масонства; но, несмотря на это, несмотря на его практическое участие в работах масонских лож (более позднего периода), его определение задач подлинного масонства в общем то же, что и у Лессинга и Гердера: оно должно воспитывать людей в понятиях гуманности, деятельной любви к ближним и всеобщего братства. От исторического масонства Гете в своих мечтах ушел так же далеко, как и два его великих современника; в одном отношении он ушел даже и дальше их, так как в конце своей жизни стал мечтать о том времени, когда масонский союз охватит весь человеческий род, и все люди сольются в общей работе на благо человечества.

Отчасти под влиянием высоких представлений о задачах масонства, высказанных великими поэтами, отчасти под общим воздействием просветительной философии XVIII века, в восьмидесяти годах этого столетия в немецком масонстве началось движение в сторону освобождения от крайностей фантастики, мистицизма, от чрезмерно властолюбивых притязаний и от прямого шарлатанства. Среди самих масонов и ранее были люди, глубоко недовольные преобладающим направлением в современном им масонстве (философ Рейнгольт, историк Шпиттлер и др.), но пока они представляли из себя еще довольно редкие исключения. Были и отдельные ложи, которые не подчинялись общему духу и старались в чистоте сохранить первоначальные принципы масонства. К таким ложам принадлежала франкфуртская ложа «Единение», которая ставила своей целью способствовать братскому единению разумных людей на началах нравственности, была чужда всякого властолюбия и не допускала в свою среду никаких искателей приключений и шарлатанов. Такого же характера была и ложа в Вецларе. После Вильгельмсбадского конгресса (1783) обе эти ложи согласились выпустить окружное послание ко всем германским ложам, в котором они, указывая на то, что дух деспотизма, корыстолюбия и сумасбродной мечтательности проник в среду масонов, призывали всех желающих вступить в основываемый ими на началах братства, свободы и терпимости новый масонский союз; они называли его «эклектическим», потому что он должен был подражать эклектическим философам древности и «не привязывая

себя ни к какой отдельной системе, брать из всех лучшее и наиболее убедительное». В «эклектическом союзе» считались обязательными для всех только 3 степени (хотя отдельным ломам, примыкавшим к нему, и разрешалось вводить у себя и дальнейшие степени) и признавались равенство и полная независимость отдельных лож друг от друга. Инициатором этого союза был ассессор императорского камергерихта в Вецларе Дитфурт, который и на Вильгельмсбарском конгрессе требовал реформы масонства в духе простоты и равенства. «Эклектический союз» имел очень большой успех. Уже в 1789 г., через шесть лет после его основания, в нем насчитывалось 30 лож. Но в скором времени он сам изменил провозглашенному им принципу независимости и равенства всех лож. В 1788 г. он подчинился Великой ложе Англии, признав себя ее провинциальным отделением и дав ей право утверждать избранного союзом гроссмейстера.

Это вызвало раздоры в среде «Эклектического союза». Готская ложа «Компас» признала, что подчинением Англии нарушены основные принципы «Союза». Она вышла из него (1790 г.) и пригласила всех согласных с нею основать новую масонскую организацию под названием «Национальной ложи Германии» на началах полной независимости. Все ложи, вступающие в эту организацию, обладали совершенно равными правами, и ими управляла свободной избранная директория с меняющимся местом пребывания. Чтобы воспрепятствовать развитию властолюбия у директоров Национальной ложи, было постановлено, что в нее могут вступать не более 27 отдельных лож; когда же это число будет превзойдено, то организуется новая Национальная ложа, равная по правам первой. Организатором этого нового масонского союза был один из наиболее здравомыслящих масонов гофрат Боде. Но «Национальная ложа» не имела большого успеха. К ней примкнуло только 13 лож, и после смерти Боде (1793 г.) организованный им союз распался.

«Эклектический союз» продолжал еще существовать в течение первых десятилетий XIX века. Но уже после революции и последовавших за ней войн, — времени, которое вообще было неблагоприятно для масонских организаций, он постепенно стал угасать. Позднее его упадку особенно содействовала враждебная позиция, занятая им по отношению к евреям, многие из которых играли большую роль именно во Франкфурте-на-Майне, где находилась дирекция «Эклектического союза». В этом отношении «Эклектический союз» стоял не выше других масонских лож, и решительно высказался против допущения евреев в свою среду. Тогда франкфуртские евреи основали там свою собственную ложу под названием «К восходящей утренней заре»; к этой ложе принадлежали

Многие из очень видных писателей Германии (между прочим Берне, позднее Ауэрбах). Из Англии новая ложа получила патент на свою масонскую деятельность. Этим поступком английских властей масонства «Эклектический союз» был чрезвычайно обижен и разорвал свою связь с Англией (1823 г.). Своею конфессиональною терпимостью он оттолкнул от себя передовые круги Германии, а представители старого направления масонства давно уже сами отошли от него. Лишенный всякой поддержки «Эклектический союз» мало-помалу угас.

Наряду с Франкфуртом попытка оздоровить немецкое масонство была предпринята и в Гамбурге. Она исходила от известного в тогдашней Германии актера, друга Бодде, Фридриха Людвига Шрёдера. В противоположность большинству немецких масонов, он был очень демократического происхождения и родился (1744 г.) в семье бедного немецкого органиста. Принятый в 1774 г. (через посредство Бодде) в гамбургскую ложу «Эмануэль», он через 13 лет стал уже руководителем этой ложи; хотя к этому времени он уже успел разбогатеть на театральной антрепризе, подобное возвышение для человека плебейского происхождения было тогда очень большою редкостью в кругах немецкого масонства. Став во главе гамбургской ложи, Шрёдер с ревностью принялся за реформы. Он хотел упростить сложный ритуал масонских лож, уничтожить шотландские ложи, и вообще приблизить его к тому виду, какой оно имело в момент своего зарождения в Англии. «Книга Конституций» Андерсена для него была главным первоисточником масонства. Чтобы рассеять мистический туман, окутывавший происхождение масонства, он учредил в 1802 г. «Тесный исторический союз», одной из ближайших целей которого было доказать, что все высшие шотландские, розенкрейцерские и др. степени — ни что иное, как выдумка позднейшего времени, не имеющая никаких корней в истории масонства. «Я надеюсь,— писал он,— с пользою послужить масонству, если я открою тем, которые стоят у руля, все предшествовавшие заблуждения и предохраню их от новых; это — моя главная цель». «Тесный союз» должен был познакомить «честных, любознательных братьев» со «всеми глупостями, которые называли и называют еще масонством», и «образовать из массы каменщиков более тесный круг достойных братьев, который бы... не вмешиваясь в управление ложами, стремился осуществить благородные цели масонства и послужить делом и учением примером для других братьев». Высшим из всех доступных для людей понятий для Шрёдера было понятие гуманности. Гуманность он определяет совершенно в духе просветительной философии XVIII века; она,— говорит он,— «просвещенный враг всяких предрассудков»; она «устраняет перегородки, которые воздвигли

между людьми религиозные, государственные и сословные различия»; она — «драгоценное наследие первоначальных прав человечества,— объединяет чуждых людей в братский союз»; она «впервые научила людей истинной терпимости».

Шредер находился в близких отношениях с Гердером, и, очевидно, влиянием Гердера надо объяснять доминирующее значение понятия гуманизма в его мировоззрении; но и Гердер получал иногда импульс в своих работах от знакомства с Шредером. Так «Масонские разговоры» Гердера (в Адрастее) навеяны беседами со Шредером. Кроме того, Шредер во время своей поездки в Веймар вел беседы с Гете и с другими выдающимися людьми веймарского кружка. Идеи Шредера находили себе сочувствие среди очень многих масонов, и разработанный им в 1800 г. упрощенный ритуал был принят довольно большим числом масонских лож. Некоторые ложи даже прямо подчинились гамбургской ложе, признали себя ее дочерями. В 1811 г. эта ложа провозгласила себя независимой от Англии и стала называться Великой ложей. Шредер умер в 1816 г.; последние годы жизни он был гросмейстером этой ложи.

Не меньшую ревность, чем Шредер, в реформировании немецкого масонства обнаружил Фесслер (род. 1756). Это был тоже человек демократического происхождения,— сын трактирщика. Еще юношей он постригся в монахи и вскоре получил священническое звание. Но в скором времени он, однако, перешел в лютеранство и женился. Известность в Германии он приобрел благодаря ряду философских и исторических работ («Марк Аврелий», «Аристид и Фемистокл», «Матвей Корвин» и др.). Он обладал довольно широким образованием, но его работам не хватало глубины. По натуре он представлял почти полную противоположность Шредеру. Последний был настроен рационалистически и по духу своих воззрений был очень близок к немецкому просвещению XVIII века; в натуре Фесслера брали верх склонности к поэзии и фантазии, и его протест против крайностей немецкого масонства вытекал не столько из рационалистических рассуждений, сколько из требований оскорбленного чувства. Несмотря на различие настроений, оба они сходились в своих конечных целях, хотя поэтическая натура Фесслера была гораздо менее решительна и настойчива, чем прямолинейно-рассудочный характер Шредера. Фесслер так же, как Шредер, питал глубокое отвращение к той шарлатанской погоне за сверхъестественными знаниями, которая была связана с системой высших ступеней; но он не решался приняться за немедленное уничтожение этой системы и надеялся путем разумного толкования высших ступеней снять с них их мистико-шарлатанский налет. Заняв в середине 90-х годов влиятельное положение в

берлинской ложе Роял Йорк, он, как человек с ученой репутацией, получил поручения пересмотреть и исправить ее ритуал и в короткое время закончил свою работу. В выработанном им ритуале он сохранил и высшие степени, и старый ритуал, но стремился придать им другой характер, чем тот, который они имели раньше: высшие степени должны были стать только «ступенями познания» в том смысле, что те, кто обладал ими, признавались более опытными, сведущими и разумными, чем другие. Массонский ритуал, по словам Фесслера, должен был стать «не средством поддерживать и раздражать любопытство братьев..., не торжественным обещанием сообщить с течением времени таинственные знания, но только поучительными образами, рассчитанными на благороднейшие чувства людей, образами, через посредство которых познанная разумом сущность масонства делается ближе к сердцу, согревает и одушевляет его». Выработанный Фесслером ритуал получил довольно широкое распространение, и уже к 1801 г. его признало 16 лож. Все эти ложи были вполне независимы в своих действиях, сохраняли внутреннюю свободу, и в то же время в их деятельность был внесен порядок, гарантировавший их от обманых проделок разного рода авантюристов.

Но дело Фесслера, несмотря на его внешний успех, было все-таки далеко не прочно. Старое и новое, мистическая обрядность и поиски трезвых знаний, неясные аллегории и разумные мысли так странно и тесно переплетались во вновь созданном им ритуале, что он не удовлетворил никого, и против Фесслера очень рано поднялись нападки с двух сторон, — со стороны и старых, и новых масонских направлений. Сам Фесслер остался глубоко неудовлетворенным своим делом, и уже в 1802 г. вышел из ложи «Роял Йорк», и вскоре вслед за этим уехал в Россию. Ему стали противны те мелочные счеты, те личные интриги, та атмосфера недоверия и скрытых честолюбивых притязаний, которыми были полны масонские ложи. «Каждый отдельный просвещенный и совершенный каменщик», — писал он, — делает лучше, если он удаляется от всякой служебной деятельности в ложах и вместо этого просвещает отдельных достойных братьев дружеским сообщением своих знаний, опыта и взглядов». Таким образом, в противоречии с сущностью всех масонских организаций, которые прежде всего были организациями общества для известных целей, Фесслер теперь стал ставить индивидуальные отношения между людьми выше общественных! В духе этих новых своих взглядов в конце 1802 г. он основал «Союз ученых каменщиков», состоявший сперва всего из семи членов. Он ставил своею целью то же, что и «Исторический союз» Шредера, — а именно изучение истории масонства и освобождение его от всяких позднейших выдумок. В этом союзе

не было никакого ритуала, никаких знаков, никаких особенных одежд для его членов. Все члены его были равны по своим правам и обязанностям, и внутри союза не было никакой иерархии. Но даже и в этот союз, как только он стал расширяться, проникли обычные недостатки масонских организаций,— интриги и личная зависть; и он довольно скоро распался.

К новым представителям немецкого масонства принадлежал и Шнейдер (1742—1816), член альтенбургской ложи, отличавшийся всегда большою трезвостью направления. Это был ревностный противник всякой таинственности и ревностный защитник свободы суждений, не преклонявшийся ни перед какими авторитетами. Ему удалось привлечь в альтенбургскую ложу известного философа Краузе (1781—1832), который отстаивал наряду с Кантом свободу философского исследования. Высшим принципом для Краузе была свобода самоопределения. «Человек должен твердо укрепиться в самом себе»,— писал он,— и иметь силу отвлечься от всякого шума света к тихому святилищу духа, чтобы в нем очистить и укрепить все пережитое». Он носился с мыслью основать «союз человечности», который должен был вырвать людей из состояния изолированного равнодушия к судьбам других, укрепить в них сознание ответственности за «положение целого» и направить их к солидарной работе. Но это единение людей должно исходить из свободного желания, а не из принуждения. Ядром такого свободного союза людей должно стать, по мнению Краузе, масонство. В выпущенном им в 1810 г. большом сочинении он жестоко напал на пристрастие масонов ко всему таинственному. «Все то,— писал он, что касается человечества и является собственностью человечества, должно быть свободно от всякой тайны». Он указывал для масонства задачу, вполне согласную со взглядами Лессинга, Гердера и Гете,— служить союзом истины, свободы и братской любви и браться только за доступные человеческим силам и разрешимые человеческим разумом задачи. Вместе с тем рядом историческим ссылок и отвлеченных доводов он доказал фантастичность той истории масонства, которая была создана розенкрейцерами, тамплиерами и другими мистиками. Это сочинение Краузе вызвало против себя ярость масонских обскурантов. Все три великие ложи Берлина, несмотря на то, что первая еще недавно стремилась к полной реорганизации под руководством Фесслера, а в последней в конце 90-х годов было заметно также довольно сильное реформатское движение в сторону упрощения ритуала и большей демократизации управления — теперь решительно высказались против Краузе и потребовали, чтобы цензура запретила его сочинение. Дрезденская ложа, членом которой был в это время Краузе, исключила его из своих членов. Характерно, что защитни-

ками Краузе выступили в этом деле просветители, особенно Николай, который раньше неослабно боролся против мистического духа масонства.

На этом мы закончим историю немецкого масонства XVIII века. Случай с Краузе показал, что, несмотря на все реформаторские стремления, возникшие в его среде в конце века, оно в большинстве случаев, в массе своих членов оставалось верно тому духу средневекового обскурантизма и той нетерпимости, которой оно отличалось в XVIII веке. На его чахлой почве не расцвело тех цветов, которые надеялись увидеть здесь великие мыслители XVIII века. Прусское правительство Фридриха Вильгельма III, испуганное теми одиноко прозвучавшими в конце века голосами в защиту терпимости, свободы мысли и гуманности, запретило (эдиктом 20 окт. 1798 г.) все масонские ложи, кроме тех, которые входили в состав трех великих лож Берлина, и поставило работу даже и в этих ложах под строгий надзор правительства,— но это была совершенно напрасная боязнь: немецкое масонство не угрожало прусской госдарственности и в тех передовых движениях, которые возникали в это время и позднее в Германии, было повинно не оно.

В. ПЕРЦЕВ

СОВРЕМЕННОЕ МАСОНСТВО НА ЗАПАДЕ

Общая характеристика всего современного масонства едва ли представляется возможной. Масонства, как единого учения, как единого миросозерцания, в наше время не существует.

Развитие демократических учреждений, организация и борьба политических партий не прошли бесследно для масонства. В среде его адептов они породили новые настроения, выдвинули новые идеалы, подсказали новые средства их осуществления. Определены различные национальные типы масонства, нередко враждебные один другому.

Только в самое последнее время произошло примирение германских и французских масонов, а текущие события, вероятно, откроют вновь надолго пропасть между масонами враждующих народов. Конфликты между французскими и англо-американскими масонами не прекращаются доселе. Даже в пределах отдельных национальностей, между отдельными масонскими ложами, разногласия по принципиальным вопросам нередко принимают чрезвычайно острый характер.

Наконец, и самый интерес, представляемый различными типами масонства,— далеко неодинаков. Рядом с масонством — старым консервативным, продолжающим жить по букве традиционного учения, выросли новые масонские формы, подвижные, гибкие, выбросившие из своих кодексов и из своей практики все несоответствующее новым запросам жизни.

И это новое в масонстве представляет сейчас особенно острый интерес. В нем своеобразно переплетаются пережитки старого учения, напитанного мистическим содержанием, с политическими устремлениями новейшей эпохи. Знакомство с ним дает ключ к пониманию многих крупных явлений в жизни современной демократии. Масонство французское, например, играет бесспорно выдающуюся роль в истории французской демократии.

Начнем, поэтому, наше знакомство с современным западным масонством, с характеристики французского масонства.

Фран-масонство — гласит § 1-й Конституции «Великого Востока Франции» (1884 г.) — есть учреждение филантропическое, философическое и прогрессивное. Оно имеет задачей искание истины, исследование нравственности, упражнение в солидарности. Фран-масонство работает над материальным и моральным прогрессом, над умственным и общественным совершенствованием человечества. Принципы фран-масонства — взаимная терпимость, уважение своего и чужого достоинства, абсолютная свобода совести. Фран-масонство, полагая, что метафизические понятия есть лич-

ное дело каждого, отказывается от догматических утверждений. Его девиз — свобода, равенство, братство.

И в следующих параграфах Конституция вновь подтверждает эти принципы: Фран-масонство должно связать все человечество узами братства... Масоны свободны высказывать свои убеждения по всем масоническим вопросам (§ 2). Масоны должны помогать своим братьям, просвещать их, защищать против несправедливостей, хотя бы с опасностью для своей жизни (§ 3). Труд масона считает первой обязанностью человека. И в глазах масона одинаково ценны как умственный, так и ручной труд (§ 4).

То же исповедание веры, те же лозунги мы находим и в Конституции «Великой Ложи Франции» (1899—1901).

В первом ее капитуле мы читаем, что масонство есть вселенский союз, покоящийся на солидарности; что масоны во всех обстоятельствах жизни должны помогать друг другу, хотя бы с опасностью для жизни; что они должны вечно помнить, что всякий человек, и не масон, им брат. Цели масонства — нравственное совершенствование человечества. Его девиз — свобода, равенство, братство. В глазах масонства все последователи его равноправны, невзирая на различия национальные, расовые, вероисповедные, на различия в состоянии, звании, положении. Двери масонского храма открыты для всех, искренно ищущих истину, отдающих себя на служение себе подобным... Масонство утверждает принципы всеобщей морали, одинаково приемлемой для всех народов во всех условиях. Оно не ставит никаких границ в искании истины. Поэтому, оно — против установления каких-либо догматов или требований принадлежности к определенному верованию. Оно чуждается сект и партийных школ... Каждый масон свободен и руководится только велениями своей совести. Масоны практикуют самую широкую терпимость так же в философской и религиозной области, как в политической и социальной. На труд масоны взирают как на непреложный закон человечества и преследуют добровольную праздность.

Таковы принципы современного масонства. В своих философско-психологических основаниях оно является истинным культом братства, гуманности, терпимости.

И adeptы его поют ему восторженные дифирамбы.

«Масонство, — пишет один из них, — возгласило ту форму солидаристической морали, которой позже вдохновлялся Кант, которая неизмеримо выше и нравственности, созданной религиозными учениями, и нравственности стоиков — гордости античного мира... Масонство так формулирует свой закон нравственности: «Делай все, что содействует благу человечества, воздерживайся от всего, что приносит ему ущерб или страдание»... Обращаясь к че-

ловеку, масонство говорит: «Ты — часть человечества. Его благоденствие — твое. Его страдания — твои. То, что благо или зло для него, должно быть таковым и для тебя. Цветущее человечество — твой рай; гибнущее — твой ад».

И в официальных заявлениях различных органов масонства усиленно подчеркивается возвышенный характер масонского учения.

В одном из своих циркуляров Совет Великого Востока напоминает ложам, что масонство питает притязание создать новую мораль, превосходящую мораль и христианства и стоицизма... Эта новая нравственность заключается в проповеди альтруизма или, как любят говорить масоны, солидаризма...

«Масонство—пишет тот же Совет в своей Декларации 1904—знает только истины, добытые разумом и научным исследованием... Его первый принцип есть терпимость... Оно не навязывает своим адептам никакой догмы... Оно не связано ни с определенным религиозным верованием, ни с определенной философской теорией. Мораль масонства вышла из того общего фонда предписаний, которые учат человека быть лучше, чтобы стать более счастливым... Эти предписания можно найти во всех религиозных и философских системах, но все эпохи, у всех народов...»

Наконец, когда в 1904 г. одна социалистическая ложа (L'Union Socialiste) обратилась к Совету Ордена с предложением—вычеркнуть из Конституции принцип «абсолютной свободы совести», Совет ответил циркуляром, в котором указывал, что «...свобода совести есть основная мысль масонства. Масонский орден, по существу, есть Противо-Церковь. Церковь навязывает свои догматы и преследует доктрины, чуждые ее верованию. Церковь, действительно, утверждает и отрицает. Она нетерпима по самой своей природе. Масонство, наоборот, принимает в свое лоно людей самых разнообразных убеждений... С исчезновением принципа свободы совести масонство станет сектой. Оно может быть материалистическим, атеистическим, позитивистским, но оно утратит свой вселенский характер, а, следовательно, и основной смысл своего существования. Оно станет церковью и все свободные умы уйдут от него...»

Однако, подобные принципы было легче высказывать и вотировать, чем осуществлять. Масонство могло быть и оставалось терпимо там, где оно стояло далеко от запросов политической жизни. Там же, где, как во Франции, оно решило неуклонно проводить свою правду в жизнь, открыто искать прозелитов и даже защищать определенную политическую платформу, оно, разумеется, не могло остаться на высоте своих теоретических построений и должно было само отринуть свои принципы для вящего их торжест-

ва. Вопреки своей проповеди терпимости, французское масонство должно было вступить в ожесточенную борьбу с своими идейными противниками, вопреки отрицанию догматов должно было выставить доктрину и защищать ее всякими, хотя бы и не масоническими средствами. И авторитетнейшие вожди французского масонства должны были признать это.

«Масонская доктрина,— пишет один из них,— немислима вне исповедания свободы совести. А это исповедание воспитывает в масонстве вражду к клерикализму, так как клерикализм, по существу, есть отрицание свободы совести...».

Еще ярче выражена эта мысль автором в его другой статье⁶).

Общество всегда делилось на «два лагеря, две церкви, две группы». Одна — более обширная, доминировавшая в прошлом, доминирующая еще и сейчас, состоит из «верующих людей» (*fidéistes ou croyants*), другая, менее значительная, из «рационалистов». Первые слепо веруют, вторые все подвергают критике разума. Первые высказываются за единоличную-власть, олигархию, авторитарное начало в политике и социальной экономике, вторые за демократию и либеральную реформу в политической области, прогресс в области социальной экономики. Вся история цивилизованных европейских народов проникнута этой борьбой; ей мир обязан идейным прогрессом.

Отсюда масонский вождь делает решительный вывод.

Масонство, чуждое мистицизму, отрицающее авторитарное начало, глубоко рационалистичное, не есть только определенная общественная ассоциация. Масонство есть **противоцерковь** (*contre-église, la contre partie de l'église catholique*), **противокатолицизм**, **церковь еретиков, скептиков, церковь свободной мысли**... Католическая церковь есть прибежище догматизма и ортодоксии... Смысл существования новой масонской церкви — в войне с нетерпимой, тиранической и привилегированной католической церковью. «Если бы не было тиранической церкви в XVIII веке, масонство не родилось бы во Франции или скоро бы потухло. Если бы клерикальная партия не была в наше время могущественной, масонству грозила бы гибель...». И Нигамп кончает заявлением, совершенно парализующим традиционные масонские утверждения мира, братства и терпимости. «Борьба против церкви кончится, когда отделение церкви от государства станет совершившимся фактом, когда церковь станет частной ассоциацией. Тогда масонство направит свои главные усилия на воспитание философское, политическое и экономическое своих членов, находящееся в пренебрежении сейчас, когда борьба отодвинула на задний план все другие заботы...».

После подобных заявлений, вопреки трафаретным заверениям масонов, что в ложах их могут встречаться люди самых разнообразных и даже враждебных религиозных и философских убеждений, что сама масонская доктрина есть мудрый синтез всего ценного, созданного когда-либо человеческим гением, представляется бесспорным, что французское масонство — не созерцатель, не холодный, объективный аналитик, не мистик, пылающий огнем духовности, а страстный политический борец, так же умеющий ненавидеть, как и любить.

В плоскости отвлеченного умозрения масонство есть борьба за рационализм, в плоскости практической политики — борьба за демократию.

Одна из выдающихся поборниц французского масонства, Маделена Пельтье в горячей статье о «Масонском идеале» заявляет, например, что масон должен быть над народной массой — «...Правда, масоны принимают в свою среду людей из народа, но раз вступивший — перестает быть «из народа» (*cesse d'être peuple*). Принадлежать к «народу» — значит быть невежественным, неспособным к размышлению и к властвованию над самим собой... Став масоном, рабочий должен победить свои инстинкты... **Только разум должен управлять его словами и действиями...**»

Однако, современное мировоззрение нового французского масонства представляет довольно противоречивую смесь рационалистических построений с мистическими и метафизическими пережитками старого масонства.

С одной стороны, антирелигиозное направление активного масонства побудило его покончить с традиционным масонским символом — «Великого Зодчего Вселенной» (*Grand Architecte de l'Univers*), в котором современные масоны усмотрели глубоко вредную «парафразу Бога». Конвент «Великого Востока» в 1865 г. упразднил отжившую формулу и, хотя она сохранилась еще в ложах Шотландского ритуала (*Rite Ecossais*), и там масоны пытаются влить в мистический образ рационалистическое содержание. «Великий Зодчий, — пишет, например, масон Артиссата, — основателями масонства поставленный в угол нашей Конституции... не символический старец с струящейся бородой, ни символический юноша с золотой бородой, ни тем более символический голубь... Словом, он — не антропоморфическая концепция, не христианский бог, с которым его смешали, чтобы стереть его образ. Он — принцип мировой жизни, существующий в себе, в абсолютном (*sic!!*); в мире же относительном он — право; справедливость, добро, красота: абстракции, взятые из всех наиболее благородных устремлений человеческой души».

Но некоторые, притом весьма авторитетные масоны, идут на своеобразный компромисс с старыми течениями масонства, создавая любопытные градации «бессмысленного» и «разумного» атеизма.

Гирам обрушивается, например, на участников конвента 1865 г. за упразднение старой масонской формулы: «Подобное решение обнаруживает в участниках конвента решительную неспособность возвыситься над антропоморфическим представлением о Боге... Масонство всегда стремилось внушить своим членам одну общую идею — не быть «бессмысленным безбожником» (*athée stupide*)... Обычный «атеист», отрицающий Бога, признает, однако, необходимость принципа, закона, идеи, властвующих над Вселенной. «Бессмысленный» же атеист не может возвыситься до подобной концепции».

Сторонники подобных воззрений протестуют против обожествления «разума», «совести», «метафизического догматизма», характерного для современного масонства, и настаивают на плодотворности скептицизма. Идеальный масон, — говорят они, — должен быть скептиком.

Гораздо более единения у масонов в области политической.

Общая политическая платформа, объединяющая масонов, — борьба за демократию.

По существу, политическая деятельность воспрещена масонам их же собственной Конституцией. Один из параграфов Конституции «Великого Востока» формально воспрещает масонским ложам дебатировать правительственные акты и принимать участие в борьбе политических партий.

Но, вопреки формальным запрещениям, современное французское масонство, прежде всего, — политическая ассоциация.

«Нам воспрещают дебаты о политике и о религии, — пишет масон Камилл Дрейфус, — но чем иным мы можем заниматься?..» «Против нас, — говорил на конвенте 1886 г. масон Гоннар, — обычно выставляют то, что масонство слишком много занимается политикой, или даже, что оно только и занято политикой. Но что еще оно могло бы делать?..» Гирам, отвечая на вопрос — политическое ли общество — масонство? говорит: Да! И в этом нет ничего преступного. Масоны — граждане, а в демократической стране занятие политикой не только право, но долг гражданина. И есть немало городов во Франции, где трудно было бы даже сказать, чем могли бы заниматься масоны, если не политикой».

По признанию наиболее авторитетных представителей масонства — современное французское масонство есть влиятельная политическая группа, «организованная фракция прогрессистов», «ядро республиканской партии».

На банкете 1902 г. Блатен, подымая тост за фран-масонство, говорит, что он одновременно приветствует республику, ибо республика есть масонство, вышедшее из храмов, как масонство есть закрытая республика, живущая под эгидой масонских традиций и символов.

И можно без преувеличения сказать, что эволюция современного республиканизма во Франции есть одновременно и эволюция политических настроений масонства. Социально-политическая философия современного масонства вполне исчерпывается демократическими заявлениями республиканской партии.

Содержание политической программы масонства сводится к защите демократии светского государства и прежде всего и более всего к борьбе с клерикализмом.

Фран-масоны,— торжественно заявляет Декларация Совета «Великого Востока» 1904 г.,— подготовили Великую революцию..., на их долю выпала высокая честь дать этому незабвенному событию формулу, в которой воплотились ее принципы: свобода, равенство, братство...

И задача современного масонства заключается в последовательном утверждении этих начал.

«Весь смысл существования масонства,— читаем мы у Гирама,— в борьбе против тиранического общества прошлого... Для этого масоны борются в первых рядах, для этого более 250 масонов, облеченных доверием республиканской партии, заседают в Сенате и Палате Депутатов... Ибо масонство есть только организованная фракция республиканской партии, борющаяся против католической церкви — организованной фракции партии Старого Порядка...»

И что бы ни исповедывали масоны — «разумный ли атеизм», рационализм, «метафизический догматизм», «скептицизм» — они обнаруживают совершенную нетерпимость к церкви и духовенству. И свою нетерпимость, идущую вразрез с их основными заявлениями братства и терпимости, они пытаются защитить уничтожающими характеристиками католицизма.

Вот — одна из таких характеристик, принадлежащая перу правого масона:

«Духовенству нужны темнота и невежество, масонство жаждет света и просвещения. Духовенство глядит назад и вздыхает о времени, когда оно было настолько могущественно, чтобы запрягать, под страхом тягчайших наказаний, рассуждать об его предписаниях..., духовенство проповедует смирение, а само хочет господствовать, оно восхваляет бедность и никто более его не любит богатства, религия священников делает труд позорным..., духовенство благословляет леность и человеческие пороки..., ду-

ховенство возглашает анафему инакомыслящим..., оно проповедует о прощении обид и никого не прощает — не только тех, которые его обидели, но и тех, кто не желает ему подчиниться..., духовенство стремится задушить разум..., духовенство смотрит на брак, как на падение, а женщину полагает нечистым, низшим существом... Духовенство зовет фран-масонов безбожниками... Но мы, масоны, отвечаем: да, мы гордимся быть безбожниками, если благочестие, на ваш взгляд, состоит в препятствии знанию, в ограничении и извращении разума, осуждении природы, подчинении себе подобных... На нетерпимость духовенства масоны отвечают: свободы! Его жажде господствовать масоны противопоставляют чувство равенства. Там, где духовенство возглашает анафему, масонство говорит о братстве. Эгоистическим теориям масоны противопоставляют солидарность... Таковы лозунги масонства: свобода, равенство, братство, солидарность».

Оставляя в стороне некоторую неумеренность самовосхвалений, продиктованную чувствами прозелитского энтузиазма, и страстные упреки в нетерпимости, которые с равным успехом могут быть обращены против самого масонства, характеристику эту надо признать верным выражением взглядов, господствующих среди масонов.

Борьба против церкви — ее догматизма, ее нетерпимости, ее сектантского характера — боевой клич всего французского масонства.

И дни католицизма, по убеждению масонов, сочтены. Он не сумеет устоять перед сокрушительными ударами его врагов, перед могучим ростом просвещения, успехом демократических идей.

Однако, и погибающий противник представляется масонам все еще слишком опасным и влиятельным, чтобы можно было его игнорировать. Долгие годы отделение церкви от государства занимало первое место в боевой программе масонства. И сейчас масоны борются за искоренение последних остатков религиозных конгрегаций, против участия духовенства в народном образовании, в составлении и выборе школьных пособий и пр.

Конвент 1892 г. выработал целую систему обязательств для масонов, занимающихся политической деятельностью. На масона, члена муниципального совета, Конвент возложил обязанность всячески бороться против казенных пособий духовенству, препятствовать всяким внешним оказательствам католического культа, поддерживать светскую школу. Масон, член генерального совета, должен был вотировать против отпуска средств на содержание епископских кафедр, семинарий, конгрегаций и возобновлять каждую сессию предложение об отделении церкви от государства и закрытии религиозных конгрегаций. Наконец, масон, член парла-

мента, должен был вотировать упразднение бюджета культов и всех соответствующих расходных статей, внесенных в сметы разных министерств требовать упразднения посольства при Ватикане и т. п.

Так масонство организовало могучий аппарат, которым оно должно было неустанно терзать своего противника.

Борьба с кларикализмом объединила масонов-республиканцев с республиканским правительством. Золотым временем масонского политиканства были конец 90-х годов и начало XX столетия, особенно годы министерства масона Комба, наиболее популярного из всех республиканских деятелей в эпоху отделения церкви от государства.

Влияние масонов в эту пору было очень велико.

В 1904 г. Гирам сочиняет саркастическую масонскую энциклопедию к французским епископам по вопросу об отделении церкви и государства. Он рекомендует епископам, если не с открытым сердцем принять эту реформу — что, едва ли возможно — то, по крайней мере, принять ее, как некую суровую необходимость. Он предлагал Ватикану обсудить реформу, обсудить миролюбиво, давая понять, что в случае отказа папы, реформа все же будет проведена, но уже одним парламентом. Желание большее уязвить могущественного некогда противника диктует автору довольно фантастическую мысль — предложить Ватикану в этом сложном и деликатном деле посредничество масонов. Для масонов — резонирует, в предвкушении близкой победы, торжествующий автор — будет своеобразным удовольствием встретиться с гордой католической церковью, отлучавшей масонов пять раз в течение двух столетий. Затем масоны, как добрые граждане и патриоты, желали бы, чтобы реформа была проведена возможно быстро и спокойно. Наконец, Гирам рисует католической церкви призрак даже какого-то союза с масонами против их общего врага — «государственников» (*les étatistes*). Верный масонскому катехизису он, впрочем, тут же добавляет, что церковь и масонство будут вечными врагами; церковь борется за веру, масонство за рационализм...

В эту пору масоны чувствовали твердую почву под ногами. Их влияние не ограничивалось поддержкой в палатах депутатов и министров. Они осуществляли настоящий контроль за деятельностью всей администрации. «Великий Восток» неоднократно рассылал ложам циркуляры, в которых усиленно рекомендовал следить за деятельностью каждого, вновь назначенного чиновника, зондировать прочность его республиканских убеждений, выведывать об его отношении к масонству. «Великий Восток» нередко считал нужным подчеркнуть, что подобный контроль необходим не только

в интересах масонства, но и в интересах самой республики. После выборов 1902 г. «Великий Восток» устроил особую анкету, в которой поручил ложам выяснить истинную роль префектов, супрефектов, комиссаров полиции и других чиновных лиц во время последней избирательной кампании. Ложи, между прочим, должны были переименовать всех чиновных лиц, независимо от характера их должностей, отдавших своих детей в заведение, руководимые духовенством. Депутаты и чиновники, сумевшие быть на высоте масонских требований, удостоивались одобрений и поздравлений. Общие собрания 1902 и 1903 гг. вотировали, например, поздравления Комбу за его борьбу против конгрегаций во имя оздоровления французской демократии. Конгресс 1903 г. преподал правительству ряд руководящих указаний и наметил общие линии масонской и республиканской политики. И Комб с признательностью отвечал на все масонские приветствия. Закрывая съезд 1903 г., Лаферр, президент совета ордена, мог с полным правом говорить: нам в высшей степени отрадно приветствовать результаты, добытые при помощи масонов (отделение церкви от государства); приветствовать торжествующую республику, посылать министерству свои порядки дня (sic!), иметь от правительства известия, свидетельствующие о значительной роли, которую масоны играют в наши дни в республике... «Мы — огромная нравственная сила... И не следует допускать, чтобы клерикалы гневались на нас по пустякам... Мы должны дать им действительно законные поводы для жалоб... Помните, — заключил Лаферр, — что политика полумер (le système des petits raquets) — также пагубна в политике, как и в военном деле. С врагом необходимо кончать одним ударом!..»

Как далеки подобные заявления воинствующего масонства от проповеди терпимости, приглашений братства и других украшений официальной масонской философии. В крестовом походе, открытом масонами против политических инноваторов, были попораны все основы их учения.

В интерpellации 17 июня 1904 г. депутат Праш говорил, обращаясь к масонам: «...Ваша солидарность — скорее политическая, чем человеческая... Члены вашей ассоциации, если и могут свободно диспутировать, свободно действовать не могут». И для вящей убедительности Праш цитировал любопытный документ — циркуляр «Великого Востока» от 1894 г. «Масонство — гласил циркуляр — не имеет ни малейшей претензии применять в своей собственной среде некоторые из тех принципов свободы и личной независимости, которые она требует для мира непосвященных. **Масонство есть организация борьбы** и, в качестве таковой, оно вынуждено подчинять своих членов требованиям дисциплины,

необходимой для борьбы». И с точки зрения последовательного республиканца, Праш был прав, протестуя против этой декларации. Он считал недопустимым, чтобы в республике демократическим правительствам было разрешено какой бы то ни было ассоциации ставить своим членам — избирателям и избираемым — каким-либо ограничения в личной свободе. Это было бы вопиющим нарушением Декларации прав.

Между тем, активные масоны охотно подчеркивают педагогический характер «нетерпимости». «Терпимость, — рассуждает, например, один из них, — не есть природное качество человека; она — продукт воспитания. И, если мы стоим за терпимость ко всякой искренней мысли, мы должны требовать самой неумолимой дисциплины в отношении людей друг к другу».

Но что же эта дисциплина, как не отказ от терпимости! Масоны старого толка, чуждые политическому фанатизму, давно уже толкуют о ложном направлении, которое приняло масонство, по их мнению, в последние годы. Масон Франколен писал еще в середине восьмидесятых годов, что «Великий Восток» оставляет традиции всемирного масонства. Он идет к культуре атеизма и материализма (sic!), культу столь же нетерпимому, как и самый нетерпимый религиозный культ. Он все более и более отдаляется от масонства всего мира, заменяя широту идей и братскую терпимость фанатизмом отрицания».

Намеренное, сознательное попрание прав личной свободы в масонских организациях повело к таким приемам политической борьбы, которые идут вразрез не только с какими-либо республиканскими принципами, но и с самой элементарной порядочностью. Стремление организовать контроль над бюрократией привело к настоящей организации шпионажа.

Грязное, скандальное дело, известное под именем дела «военных фиш», всплывшее благодаря разоблачению масона — ренегата Бидгена, является печальной иллюстрацией этой стороны деятельности масонов. Дело это произвело громкий шум, было чревато политическими последствиями и на нем небезинтересно остановиться.

Бидген стал масоном в 1892 году. В 1894 г. он вступил в секретариат «Великого Востока» и присутствовал на заседаниях Совета Ордена, где концентрировались, по его словам, «все усилия, упования и амбиции партии, стоящей у власти, и аппетиты того парламентского сброда (*la gauche parlementaire*), который группировался под общим именем «республиканского блока». Став на путь активной политики и решив бороться с клерикализмом во всех его видах, масонство, по соглашению с военным министерством, во главе которого тогда стоял Андре, стало тайно через своих

единомышленников, по преимуществу провинциальных, собирать сведения о характере религиозных и политических убеждений офицеров французской армии. При этом наводились справки и чрезвычайно интимного характера — об отношениях между супругами, о воспитании детей, круге знакомств и т. п. Все эти сведения заносятся на особые фиши и правительство, таким образом, получало возможность принимать соответствующие меры относительно передвижений, повышений, увольнений офицеров. Вскоре возникло еще общество офицеров-масонов, бывшее уже настоящей организацией шпионажа и доставившее министерству, через посредство «Великого Востока», сведения не менее чем о трех тысячах офицерах. Правда, президент Совета Ордена, в ответ на последовавшие в 1904 г. разоблачения, писал, что многим фишам вовсе не было дано хода, в других было использовано лишь то, что определенно характеризовало данного офицера, как клерикально и антиправительственно настроенного. Но Бидген категорически заверяет, что все фиши без исключения передавались непосредственно в министерство. При этом вся эта организация уловления из армии антиреспубликанских элементов не подлежала ничьему контролю. Главный секретарь самолично выбирал корреспондентов и состоял с ними в переписке, не подлежавшей ничьему просмотру.

Этот шпионаж, представлявший вопиющее нарушение принципа свободы совести и изобиловавший скандальными подробностями, практиковался с 1901 по 1904 год и коснулся не менее 25 тысяч офицеров.

Бидген, по его собственным словам, неспособный продолжать долее преступные махинации масонства, а по словам его антагонистов, просто продавший масонские секреты врагам масонства, изложил все дело депутату Guyot de Villeneuve'у. Последний интерpellировал правительство в заседании 28 октября 1904 года. Нападение было неожиданным. По признанию самих масонов, депутаты-масоны и правительство, солидарное с ними, растерялись. Защита была слабой и неудачной, оппозиция торжествовала. Только социалисты, поддерживавшие тогда радикальный кабинет *quand mème*, спасли положение. Жорес пытался унять поднимающуюся негодование лестными аттестациями правительства. «Настоящее министерство,— говорил он,— единственное, которое может осуществить отделение церкви от государства, главную реформу, от которой зависят все остальные. Вот — причина, почему противники этой реформы хотят ее опрокинуть. Именно, поэтому, мы должны его поддерживать, несмотря на тяжкие его ошибки, только что разоблаченные перед нами и заслуживающие порицания...».

Палата приняла единогласно формулу, предложенную Можаном: «Палата порицая, если они установлены точно, совершенно недопустимые факты, изложенные с трибуны, и убежденная, что военное министерство прибегнет к необходимым санкциям... переходит к порядку дня»... В вотировании этой резолюции принял участие и ряд членов Совета Ордена.

4 ноября 1904 г. Г. де Вилленев возобновил нападение на министерство, считая недопустимым, чтобы Андре, покровительствующий шпионажу, оставался во главе армии. При голосовании правительство восторжествовало всего двумя голосами.

Замечательно, что Лаферр, президент Совета Ордена, на другой день после этих разоблачений имел мужество заявить, что политика, инкриминируемая масонству вообще и офицерам-масонам в частности, не нуждается в оправдании и станет понятна, если, не останавливаясь на внешних условностях и не принимая вида оскорбленной добродетели, пожелать вникнуть в действительное положение дел, постараться проникнуться реальными нуждами текущего момента. Политика эта — ответ того офицерства, которое давно страдает от клерикализации армии. И иронизируя над вердиктом палаты, осудившей поведение министра, он замечает: Таким образом одним префектам дозволительно осведомлять министра. Только под прикрытием служебной иерархии, можно заниматься, следовательно, «предательством»? И нарочито играя своей наивностью, он заявляет — «только, следовательно, совесть префекта может быть гарантией правильной защиты интересов республики, а свободный гражданин не обладает надлежащими качествами, чтобы сообщать правительству свое мнение о чиновниках республики...» Как-будто Лаферр не чувствует принципиальной разницы между юридически ответственным положением республиканского чиновника и совершенной неуловимостью могущественного ордена, занимающегося, хотя бы и в интересах государства, келейным шпионажем.

Любопытно отметить, что как Лаферр, так и другие защитники масонского шпионажа, оперируя якобинской фразеологией, выступают обычно чистыми апологетами государственности, столь страстно ими вообще отрицаемой. Ни одна мера и никакая позиция не кажутся им чрезмерными или принципиально недопустимыми, если они могут послужить посрамлению ненавистного им клерикализма.

Некоторые масоны пытались защищать шпионаж тем, что у духовенства есть также, якобы, подобная организация. Не говоря уже о сомнительной чистоте подобной позиции, масонам не удалось доказать, чтобы «Tiers Ordre de S. François» пользовался каким-либо реальным влиянием в правительственных сферах.

Другие указывали, что доносами занимались, главным образом, не военные, что представляется еще менее допустимым в виду решительной некомпетентности последних в военном смысле. Наиболее откровенен был Гирам, этот выдающийся теоретический вождь масонства, заявивший, что, конечно, с этической точки зрения; система тайных фиш давно должна была быть прекращена. Но... подобное требование — теория. Между тем, **надо жить; надо уметь приспособляться к существующему порядку вещей, надо поступать практически.** И было бы гнусной изменой — патетически кончать он — дезорганизовать службу республиканского оздоровления.

Итак, вот цели современного масонства — политическое оздоровление республики, точнее — очищение ее от клерикальных элементов. Для этой цели можно поступиться морально, можно оправдать философию террора.

Передовые масонские круги уже давно не удовлетворяются тем, что антиклерикализм продолжает все еще определять содержание масонской политики. Они говорят, что, после отделения церкви от государства, борьба с клерикализмом должна потерять остроту и что необходимо влить новое вино в масонские мехи. Разумеется, это не должна быть борьба с государством, как таковым, о чем охотно говорят многие масоны. Гирам, в своей энциклике предлагавший Ватикану иронический союз против общего врага — «государственников», позже, в эпоху проведения в жизнь закона об отделении церкви от государства, протестовал против насильственных мероприятий еще «более страшного тирана, чем церковь, государства». Однако, все подобные заявления нисколько не мешают масонам доселе жить в полном мире с «государством», блюсти его интересы, защищать его учреждения, и масоны не раз протестовали против обвинения их в враждебности к самому принципу власти.

Новые задания масонства должны быть иными. Мадлена Пельтье, принадлежащая к партии объединенных социалистов, резонно отмечает, что антиклерикализм слишком одряхлел (писано в 1905 г.), чтобы продолжать давать жизнь такой боевой организации (*Société de combat*), как масонская. Масонство должно поставить себе новые цели, способные волновать и подымать. И у Пельтье вырывается страшное еще для многих масонов слово: социализм. Социалисты, по ее мнению, охотно идут в масонские ложи, желая использовать их в своих специфических целях. Пусть они несколько «радикализируются» в ложах, но они, в свою очередь, «социализируют» и радикалов. Таким образом, масонству открываются новые обширные горизонты для работы. Наконец, масонские ложи могут оказывать глубокое воспитательное влияние на вошедших в них социалистов и, в частности, рабочих.

Однако, сочувствуя проникновению социалистов в ложи, Пельтье, как масонка, не закрывает глаз на опасности, которые грозят, по ее мнению, масонству, благодаря его растущей политической роли. От масонства в его чистой форме — остается очень мало. Масонский ритуал изгоняется из лож с каждым годом; строгость и осмотрительность в выборе прозелитов исчезли, вступление в ложу стало общедоступным, легким делом, масонские собрания принимают все более открытый и шумный характер, даже возведение в высшие масонские степени стало делом простой выслуги лет или даже личных связей. Прежде масонство было местом воспитания; школой. Теперь эта цель отодвинута назад. Ложи стали школами для политиков. Здесь встречаются, создают и упрочивают связи, здесь пробуют первые шаги политической карьеры.

И Пельтье приходит к решительному выводу: роль масонства, как такового, кончилась. В сущности, то же самое говорит и Блатен — «Можно быть хорошим гражданином, свободомыслящим, убежденным республиканцем, но из этого еще не следует, что ты — хороший масон».

Социализм играет еще очень скромную роль. Прежде всего самое вступление рабочего в ложу обставлено известными трудностями, так как от вновь вступающего члена современная масонская практика требует некоторой материальной обеспеченности. Особенно красноречивым и вразумительным на этот счет является циркуляр 2 июня 1903 г. Он гласит следующее: «Хотя в определенных случаях масон обязан помогать своим братьям, терпящим нужду или задетым в своих правах, не следует однако упускать из виду основной цели масонства. Масоны образуют общество добровольцев, из которых каждый жертвует товариществу частью своей деятельности. Следовательно, масоны вправе требовать, чтобы каждый масон — во-первых, обладал определенными моральными и интеллектуальными качествами, чтобы осуществлять национальные и человеческие идеалы; во-вторых, чтобы он располагал соответствующими материальными ресурсами для участия в расходах общества, которое требует пожертвований и не обещает ничего, кроме чести... Исключение могло бы быть сделано только в пользу таких граждан, которые бы недостаток своих материальных средств могли бы возместить качествами высшего порядка. Но последнее требует каждый раз специального и тщательного расследования в заинтересованной ложе. Одним словом, всякий гражданин, желающий войти в масонские ряды, должен быть признан способным нести все тяготы, сопряженные с его миссией...».

Слишком очевидно, таким образом, что рабочий далеко не всегда является желанным гостем в масонской ложе. Последняя боится, чтобы, с одной стороны, ложа при свободном доступе в нее

рабочих не оказалась бы в руках политических групп с слишком крайним для нее направлением, с другой, чтобы ложа не была обременена чрезмерным количеством нуждающихся членов, что могло бы невыгодно отразиться на ее кассе.

Наконец, Бидген, хотя и тенденциозный свидетель, приводит в своей книге пикантный циркуляр, направленный специально против коллективистской ложи, председателем которой состоял Люсьен-Делиньер. В этом циркуляре — слишком длинном, чтобы цитировать его целиком — Совет Великого Востока протестует против деления масонов на какие-либо политические группы и напоминает всем масонам, что Совет, имеющий в своем составе представителей всех политических партий республиканского оттенка, не может заниматься осуждением или пропагандой какой-либо определенной доктрины. С великой наивностью или великим лицемерием Совет говорит, что масонская ложа, как целое, должна оставаться чуждой политической борьбе и партийной группировке и что ст. 15-я конституции воспрещает отдельным мастерским примыкать к каким бы то ни было политическим группам или организациям.

Последнее может уже просто фактически быть опровергнуто тем, что в 1903 г., например, почти все ложи Великого Востока действовали солидарно с радикально-социалистическими комитетами, а в провинции масонские ложи очень долго были попросту радикальными комитетами.

Таким образом, отношение правящих кругов масонства к социализму и рабочим, если и не может быть названо недоброжелательным, во всяком случае, далеко от «политики открытых дверей».

И Грам старательно доказывает в одной из своих статей, что, вопреки частным слухам, социализм вовсе не овладевает масонским движением. Если бы это было так — рассуждает он — это было бы равносильно смерти для масонства или породило бы опасное сектанство. На самом деле **опасаться нечего** (sic!). Обращение всех масонов в социализм — невозможно. Социалисты рекутируются, по преимуществу, в рабочем классе. Состав же масонских лож — буржуазный. Рабочие не так-то охотно идут в масонство — вступительные взносы высоки, собрания слишком поздно кончаются, дисциплина масонских лож несравненно суровее дисциплины рабочих синдикатов. Масоны социалисты — заключает он: — в сущности, социалисты (socialites-bourgeois), и масонство не может стать ни чисто коллективистским, ни чисто индивидуалистическим.

Однако, из социалистического лагеря все чаще и чаще раздаются голоса — или приглашающие масонство проникнуться социа-

листическими идеалами, или рекомендуящие рабочему классу и социалистам обратить внимание на масонские ложи, как на готовый популярный аппарат, который было бы выгодно использовать в пролетарских целях.

Мы только-что слышали на этот счет мнение М. Пельтье. Более определенно в этом смысле высказывается социалист Делиньер, председатель одной из масонских лож и деятельный сотрудник «Асасия».

В одной из своих статей он энергично призывает масонство на службу социалистическим идеалам. По его мнению, в современной жизни все способствует сближению масонства с социализмом: и цели масонства, заключающиеся в практике солидарности, в работах над материальным, моральным, интеллектуальным и социальным совершенствованием человечества; и формальное присоединение уже многих масонов к социализму; и — наконец — равно проникающие масонство и социализм альтруистические чувства, отсутствие какой-либо предвзятости в искании истины. Наконец, масонству следует пойти в главе движения, а не тащиться на буксире; все равно торжество социализма — неизбежно. Масонство, подготовившее политическую революцию 89 года, должно теперь подготовить социальную.

И Делиньер заканчивает свои рассуждения горячим призывом к масонам идти рука об руку с пролетариатом. На стороне первых — интеллектуальные силы и творческие способности, у второго — численное превосходство и разрушительные средства. Единение их осуществило бы социальную революцию.

Отношение социализма к масонству было дважды предметом обсуждения на социалистических конгрессах.

Первый раз это было на Конгрессе объединенной социалистической партии в Лиможе в 1906 г.

Мнения разделились. Одни, и с ними Гед, во избежание напрасных попреков и недоразумений, высказались против того, чтобы социалисты примыкали к масонам; другие, между прочим Самба, защищали право социалиста быть масоном, ссылаясь на основные положения международного социализма, полагающие религиозные убеждения делом личной совести. В результате, незначительным большинством голосов (152 гол. против 127, при 1 воздержавшемся), был принят простой переход к очередным делам.

Второй раз вопрос о социализме и масонстве был поставлен на национальном конгрессе социалистической партии в Лионе в 1912 г. В ответ на запрос Браке, член партии Ж. Юри произнес большую речь. Масонские ложи представляются Юри великолепной почвой для пропаганды социалистических идей среди «мелких демократов», «мелких чиновников», «мелких буржуа». К масонству при-

мыкали Ж. Валлес, Феликс Пиа и было бы тактической ошибкой отказаться от социалистического воздействия на передовую демократию. Под влиянием социализма масонство — в представлениях оптимистически настроенного Юри — очищается от политических элементов и преобразуется в свободное независимое философское общество. Юри основательно возражали, что в избирательной борьбе масоны нередко вступают в союзы с реакционерами против социалистов, что решения масонских конвентов идут вразрез с резолюциями социалистических конгрессов, что правительство Клемансо, Бриана, Кайо и др., в которых участвовало немало масонов, организовали беспощадные преследования рабочего класса и пр. и пр. Конгресс и на этот раз оставил вопрос открытым, признав принадлежность к масонству личным делом каждого.

Таким образом, говорить о социалистическом нашествии на масонство пока — преждевременно. Никакими социалистическими актами масонство себя еще не заявило. Оно остается наиболее прогрессивной фракцией республиканской партии и в качестве таковой оказало и продолжает оказывать крупные услуги французской демократии. И за последние годы не было ни одной, хоть сколько-нибудь значительной политической реформы, от которой масоны остались в стороне.

Разумеется, и в сфере чисто политических воззрений масонство далеко от единства. Так, например, до конца 80-х годов республиканская партия, а вместе с ней и масонство, высказывались против двухпалатной системы. Услуги, оказанные сенатом, и опасности, грозившие республике в эпоху буланжизма, поколебали на этот счет убеждения многих республиканцев. На конвенте Великого Востока в 1913 г. дебаты о двухпалатной системе носили весьма страстный характер. На предварительной анкете большинство масонских лож высказались за сохранение *statu quo*. На конвенте ораторы социалистического оттенка стремились склонить конвент к однопалатной системе; в конце-концов, было решено поставить еще раз этот вопрос на суждение масонских лож.

Масонство всегда с глубоким сочувствием относилось к пропорциональному представительству. Эта система в глазах масонов наиболее отвечает чувству справедливости и идее народного суверенитета.

Протестуя против шовинистических устремлений националистов и охотно называя себя пацифистами, масоны любят, однако, заявлять себя патриотами. «Масоны,— пишет Лимузен,— за любовь к братьям, но не за химеры. Они отлично понимают, что при современном положении в Европе было бы безумием со стороны какого-нибудь одного народа, и особенно французского, упразднить армию и разоружиться. «Все масоны,— гласит цир-

куляр Великого Востока 1894 г.,— ценят свою личную свободу. Но масоны должны быть готовы сразиться с врагом по ту сторону Рейна; они потерпят несколько лет военной дисциплины, чтобы подготовить успех в борьбе, в которой будут поставлены на карту самые важные интересы нации». «Отказаться поднять оружие против завоевателей,— читаем мы в резолюции масонского конвента,— склонять к неповиновению военным законам, отвечать военными забастовками на зов отечества, находящегося в опасности — все это несогласно с гражданским долгом... Защищая отечество, французские масоны работают на все человечество...» Все эти и подобные резолюции на тему о патриотизме, разумеется, не оставляют никаких сомнений в том, что масоны так же реально представляют себе свой патриотический долг, как и самые отъявленные националисты. Антимилитаристическая проповедь Г. Эрве вызывала в свое время самое страстное негодование среди масонов.

Но и при своем бесспорном патриотизме масоны не закрывают глаз на опасности роста военного бюджета. В 1913 г. на конвенте наиболее влиятельные масоны протестовали против трехлетней военной службы и требовали возложения всех расходов, связанных с реформой, на состоятельные классы.

Выразителем этой точки зрения является особенно Гирам.

«Патриотизм,— пишет он,— есть расширение естественной любви к себе... Отечество — выросшее я... Но из того, что я питаю особенное чувство к моей семье, моей деревне, моей провинции, моему народу, моей расе — не следует еще, что я должен ненавидеть другие народы...» «Постоянная армия,— рассуждает он в другом месте,— представляет постоянную опасность для свободы и демократии. Говорят — ныне невозможен *Сoup d'Etat*. Но чем можно это доказать? Армия во время Дрейфусиады показала, на что она способна. И современные националисты очень уповают на какой-нибудь *pronunciamento*. При этом ни один режим не сделал столько — ни с моральной, ни с денежной стороны — для армии, как 3-я республика. Чему приписать это ненормальное положение? Церкви! После кампании 1870—1871 гг. церковь стала так же господствовать в армии, как повсюду. В настоящее время вся армия, сверху донизу — за редкими исключениями — набита монахами. Даже в эпоху старого порядка армия не была так завоевана попами.

Здесь, впрочем, как и везде, недоверие масона к постоянной армии есть прежде всего боязнь клерикализма, якобы опутавшего всю армию.

Во всяком случае, и самая история масонства,— вражда, делившая столько лет французское и немецкое масонство—есть луч-

шее доказательство патриотического одушевления, на которое способны масоны.

Чуждое шовинизму, масонство чуждо и антисемитизму. Евреи свободно вступают в ложи и становятся равноправными их членами. Однако, вопреки заверениям клерикалов, масонские ложи очень далеки от переполнения их евреями. Фактически в каждой ложе не более 2—3 евреев.

Из отраслей государственной политики наибольшее внимание масонов издавна привлекало народное образование. В основу государственной системы образования, по убеждению масонов, должны быть положены два руководящих принципа; воспитание инстинкта общественности и борьба с догматизмом. При всей своей теоретической враждебности к государственности, масоны высказываются, однако, за государственную монополию начального образования (охрана свободы детского мышления от родительского и воспитательского деспотизма) и за строгий контроль над средним образованием. Только высшее образование может быть признано свободным. Общее собрание Великого Востока в 1902 г. вотировало следующие резолюции по вопросам воспитания: народное обучение должно быть интегральным, бесплатным и светским; оно должно быть построено на началах разума и свободы; должно дать действительные гарантии материальной и интеллектуальной независимости педагогического персонала. Свобода школы есть свобода клерикальной школы, и масоны, оставаясь верными своей ненависти к клерикализму, требуют отмены закона Falloux и на всех конвентах вотируют государственную монополию обучения.

Существуют и специальные образовательные курсы, организованные масонами. Народный университет Великого Востока функционирует уже более 12 лет, но, подобно всем вообще французским народным университетом, он не может похвастать особой посещаемостью. Наконец, огромную роль играют масоны и в замечательной «Французской Лиге обучения» (*Ligue française de l'enseignement*), защищающей с 1866 г. светскую школу против церкви. И сейчас Лига является выдающимся центром республиканской и демократической пропаганды.

Состав масонов. Установить точное число французских масонов чрезвычайно трудно, так как до последнего времени большинство масонов из своей принадлежности к ложам делали тайну. Но состав масонов — необычайно пестрый. В масонских ложах сидят политические деятели, чиновники, коммерсанты, представители либеральных профессий и т. д. и т. д. Слабо пока представлены только крестьяне и рабочие. В магистратуре масонов немного; зато изобилует ими педагогический мир, особенно народная школа. Из масонов, игравших видную политическую роль в новейшей истории

Франции, можно указать на президентов республики: Тьера, Ж. Гриви, Сади Карно (подобно деду и отцу); Ф. Фора. В совете министров, начиная с 1880 г., большинство — обычно масонское. Из наиболее известных можно назвать: Ж. Ферри, Вальдека-Руссо, Локкруа, Думэ, Комба (наиболее популярного из масонских политиков и наиболее полно представляющего масонскую психологию), Мезюрера, Делькассе, Мониса, Мильерана, Л. Буржуа, Рамбо, Рувье, Ланессана, Пельтана и мн. др. В обеих палатах масоны насчитывали в 1908 г. не менее 11 % своих единомышленников. Разумеется, очень часто масоны-депутаты оказываются и в антагонистических политических комбинациях.

Организация французского масонства. Современное французское масонство представляет совокупность нескольких национальных обществ, не образующих между собою федерации и абсолютно автономных. В настоящее время Франция считает у себя две Великих Лож: а) «Великий Восток» (Grand Orient de France. Suprême Conseil pour la France et les possessions françaises. Rite français) и б) «Шотландский Ритуал» (Rite Ecossais ancien accepté), состоящий из двух автономных лож: 1) Suprême Conseil de France и 2) Grande Loge de France или Grande Loge Symbolique Ecossaise. «Grande Loge» отпала от «Rite Ecossais» в 1881 г. и между «Grande Loge» и «Suprême Conseil» долгое время существовали натянутые и даже враждебные отношения. «Великий Восток» также считал Grande Loge «неправовым послушанием» и не хотел признать ее. Сближение началось с появлением Учредительного акта «Grande Loge» 7 ноября 1894 г., рассеявшего опасения обеих Великих Лож. Декретом «Suprême Conseil» от 26 июня 1904 г. Grande Loge была признана братской и автономной федерацией. Ныне между французской и шотландской ложами царит полное согласие. Все чаще высказываются пожелания о слиянии обоих «ритуалов».

В настоящее время в обеих Великих Ложках считается всего около 600 лож с 30—40 тысячами членов.

Организация масонства, согласно конституции «Великого Востока» — такова. Масоны соединяются в группы, называемые «мастерскими» (ateliers). Мастерские первых трех степеней — всех степеней 33 — называются ложами. Остальные до 30-й включительно, капитулами (chapitres) и советами (conseils). Мастерская, открывающая доступ к высшим ступеням масонства, называется «Великой коллегией ритуалов» (Grand Collège des rites).

Мастерские образуют между собой федерацию — Великие Ложки. Член одной масонской федерации может принимать участие и в другой, но не может одновременно в двух федерациях участвовать в выработке масонского законодательства.

Делегаты всех лож федерации и члены совета ордена образуют общее собрание, которому принадлежат учредительские и законодательные функции. Чрезвычайные собрания собираются по требованию большинства лож. Ежегодно, в определенный срок, общее собрание преобразуется в конвент, решения которого не имеют формально обязательного значения для всех лож, но совокупность которых представляет как бы идеальную программу ордена.

Исполнительная власть принадлежит совету ордена, состоящему из 33 членов, избираемых на три года общим собранием абсолютным большинством. Совет должен блюсти неприкосновенность масонской конституции, следить за точным применением масонских регламентов, решений общих собраний и постановлений масонских судебных инстанций. На совете лежит подготовка ежегодного бюджета, ему принадлежит право издания обязательных распоряжений, а в исключительных случаях совет имеет право, под своей личной ответственностью перед общим собранием, — закрыть мастерскую или исключить из ложи недостойного члена.

Судебная власть в масонском ордене принадлежит: а) ложам, которые судят своих членов за проступки дисциплинарного характера, б) жюри из делегатов лож, которые судят мастерские, с) апелляционным палатам и d) кассационной палате, избираемой на три года общим собранием. Звание члена кассационного суда несовместимо ни с каким иным занятием.

Всякое предложение общего или частичного пересмотра конституции идет первоначально на обсуждение лож (или по Rite Ecossais в федерацию совета), затем поступает на решение общего собрания и, наконец, ратифицируется ложами.

В масонстве уже давно раздаются голоса о чрезмерно централизованном характере масонской организации. Фактически вся власть находится в руках совета и, так как большинство его членов или манкируют своими обязанностями или не проявляет достаточной энергии, все нити управления сосредоточиваются в руках секретаря совета. Влияние последнего усиливается еще и тем, что в сущности, он только один и знает хорошо масонскую практику, в виду постоянной смены членов совета (ежегодное переизбрание трети).

Бидген в своих разоблачениях указывал — и на это не последовало никаких возражений — что в бытность свою секретарем в канцелярии Совета он видел изредка председателя и более никого. Бидген не только сам вскрывал всю корреспонденцию, но и отвечал совершенно бесконтрольно на все запросы, обращенные в совет. Абсентеизм членов совета принимал такие размеры (были члены не посетившие ни одного заседания), что приходилось в

специальных циркулярах увещевать их. Комиссии, избравшиеся советом, также не собирались и не работали.

Гамон, энергично отстаивающий идею демократизации Великого Востока, подтверждает все выводы Бидгена. Он указывает, что президент или вице-президент совета, подписывающие бумаги, не имеют ни малейшей возможности ознакомиться с их содержанием. Во всех делах они слепо полагаются на главного секретаря и весь совет идет по его указке. В сущности, весь «Великий Восток» управляется одним человеком — секретарем.

Такой порядок вещей, разумеется, не может быть признан нормальным. О необходимости реформы говорят все: нужно — или найти лицо, пользующееся в глазах всего масонского мира исключительным авторитетом, и вручить ему всю полноту власти, назначить его своего рода диктатором, ответственным лишь перед общим собранием, но все масоны признают, что найти такое лицо сейчас невозможно; или следует предоставить большие полномочия ложам. По-видимому, реформа и пойдет в этом направлении. По крайней мере, ложи, вопреки формальному запрещению конституции, пытаются в последнее время группироваться по районам и даже собирают конгрессы для обсуждения не только частных, но и общих вопросов (Монтобанский конгресс 1905 г.).

Поэтому, авторитетные масоны все чаще высказываются за децентрализацию. Она диктуется жизнью. Масонская конституция устарела; постоянные нарушения ее опасны; настаивать же сейчас на ее неприкосновенности, значило бы разрушить самую организацию. Работы конвентов также не удовлетворяют масонов. Что такое конвент? Огромное собрание из 400 лиц, собирающихся со всех концов Франции и не знающих друг друга. Связывает их только общность их республиканских и антиклерикальных убеждений. В 10 или 12 заседаний эти люди должны решить массу самых серьезных и значительных вопросов. Очевидно, что такой порядок работы не может дать удовлетворительных результатов. Парламент начинает серьезно работать только через несколько месяцев, когда наметятся партийные группы, лидеры, начнут заседать комиссии. Также необходима и предварительная подготовка к конвенту. А это возможно только путем децентрализации — образования местных советов или даже местных «Великих Лож».

Говоря о современной масонской организации, нельзя не коснуться вопроса и о роли женщин в масонстве.

До 1904 г. оба «правоверных послушания» (*obédiences régulières*) — «Grand Orient ou Rite Français» и «Rite Ecossais Ancien Accepté» не допускали в свои ложи женщин. Женщины принимались только «Великой Ложей», отделившейся от «Шотландско-

го ритуала». В одной ложе женщина была даже президентом. Но «Великая Ложа» обоими «послушаниями» отвергалась, как неправовая и в ряду причин подобного отношения к ней указывали на прием ею женщин.

Для «Suprême Conseil» вопрос о допущении женщин, в сущности, не мог быть даже и поставлен, так как последнее было формально воспрещено его собственной конституцией. Феминисты же этой ложе не пошли бы на полный раскол, так как ложа эта и без того — чрезвычайно малочисленна.

Великий Восток — не связан Конституцией и очень многие члены его высказываются за допущение женщин по мотивам эгалитарным и политическим. Масоны-феминисты находят, что женщины заражены католическим фанатизмом и вырвать их из рук католического духовенства, путем приобщения к масонству, было бы огромным завоеванием с точки зрения ланцизации общества.

Мадлена Пельтье по поводу решения Конвента 1902 г., на котором 120 из 300 присутствовавших масонов высказались за допущение женщин, писала: «Какой смысл современной женщине становиться свободомыслящей? Ей все еще упорно не доверяют. Она — все еще раба. Между тем, женщине в семье принадлежит доминирующая роль и масонки энергичной работой могли бы добиться полной «дехристианизации» Франции.

Наоборот, противники женщин выдвигают следующие аргументы: 1) десятилетний опыт «Droit Humain» и пятилетний опыт «Grande Loge» — недостаточны — первый потому, что имел место только в одной Парижской ложе, второй — своей краткостью; 2) женский характер, слишком экспансивный, мешает хранить тайны, обязательные для масона; 3) вступление женщин в масонскую среду может извратить братские чувства, связывающие членов масонских лож. Установление же высокой возрастной нормы было бы нецелесообразно, так как масонское воспитание наиболее продуктивно в возрасте от 25 до 40 лет; 4) посещение женщинами смешанных лож могло бы вызвать недоброжелательные чувства в их супругах и таким образом послужило бы к порче или даже гибели брачных отношений; 5) обычные аналогии с церковью не выдерживают критики, так как в церкви женщина играет скромную, вспомогательную, далеко неравную с мужчиной роль, в масонстве же она становится равноправной с мужчиной и может стать в иерархическом отношении даже выше его; 6) опыт многочисленных американских общин был безусловно отрицательным. Женщины всегда были в них элементом раздора; 7) специально женские ложи не удовлетворяют женщину, так как в таких ложах женщина видит отказ в равноправии; 8) трудности предварительной анкеты еще вырастают при приеме в ложу женщин. Отказ в

приеме может быть оскорбительным для мужа, брата и родственников, если они состоят членами масонских лож и т. д. и т. д.

Однако, несмотря на обилие подобных аргументов, нет сомнения, что при современном темпе политического развития масонства, допущение женщин в масонские ложи — дело недалекого будущего. И, бесспорно, политическое масонство от этого только выиграет.

Крупным событием в жизни французского масонства является решение конвента «Великого Востока» 1913 г. превратиться в гласное сообщество. Правда, тайна, окружавшая «Великий Восток», как и другие масонские ложи, в наше время стала, в значительной мере, тайной полишинеля. Все, интересовавшиеся ложами, могли иметь их уставы, читать их журналы, по ежегодникам следить за изменениями в их личном составе, наконец, выдержав соответствующее нетрудное испытание, и самим сделаться членом той или другой ложи, но все же некоторая внешняя таинственность окружала масонский орден и давала обильную пищу для нелепых предположений и инсинуаций со стороны реакционных и клерикальных элементов общества.

И «Великий Восток» постановил, наконец, сделать декларацию о своей ассоциации, согласно закону 1901 г. о союзах. И, как ни смотреть на этот акт, в сущности, санкционирующий то, что уже давно назрело, необходимо признать, что он является своеобразным разрывом с исконными масонскими традициями, о чем и говорили в своих протестах некоторые делегаты. Несомненно также, что этим своим актом масоны еще далее отошли от своих религиозно-мистических и моральных исканий и все более сближаются с типом современных политических организаций.

Критики масонства. Масонство породило огромную литературу, и по преимуществу, критическую. В то время как масоны и их апологеты долгое время из конспиративных соображений сокращали свою литературную деятельность, довольствуясь келейным общением, противники ордена свободно печатали всякие небылицы про масонское учение и методы масонской пропаганды. Литература эта, в большей ее части, тенденциозна и невежественна, и в настоящем обзоре едва ли была бы уместно останавливаться на ней. Некоторый интерес представляет разве лишь характеристика, данная масонству главой католической церкви — Львом XIII, в его энциклике «Humanum Genus» от 20 апреля 1884 года.

Существуют два мира,— писал папа. Один — царство Божие на земле, другой — владычество Сатаны... И все злонамеренное в наше время, как бы объединилось в одном огромном усилии под руководством и с постоянной помощью широко раскинувшегося и сильно организованного общества франк-масонов... На глазах

всех, открыто стремятся масоны разрушить святую церковь. Против преступного сообщества давно идет борьба. Но масонство, на протяжении полутора столетий, сделало невероятные успехи, завоевав все ряды социальной иерархии и стало, наконец, грозной опасностью — не для Церкви, которая не может быть поколеблена человеческими усилиями, но для государства.

И папство объявляет беспощадную войну тайному обществу.

Характеристика масонства в энциклике преисполнена наивности.

Задача масонства заключается в «разрушении до конца всякой религиозной дисциплины» и стремлении поставить на ее место «новую, основные принципы которой заимствованы у натурализма». «Натурализмом» папа называет мирозерцание, в котором суверенное значение придается «природе или человеческому разуму» (sic!). Масоны, стремящиеся поколебать самые основы справедливости и честности, проектируют и государство, чуждое религии. Нетрудно — замечает папа — в подобном безумном и преступном плане почувствовать непримиримую ненависть, которую питает Сатана к Христу, его жажду мести. Масоны слепо, беспрекословно повинуются своим вождям. Малейшее неподчинение влечет суровые наказания, вплоть до смерти. И подобные наказания обставляются так ловко, что истинные виновные остаются обычно не открытыми.

Масонам, разумеется, было нетрудно отвечать победоносно на папские полемические перлы. Нигам, в вышецитированной статье, подверг энциклику беспощадному разбору, иронизируя по адресу философской беспомощности и социальной простоты Ватикана.

Несравненно больший интерес представляет для нас критика масонства, идущая из его собственных рядов. Верные заветам старого масонства, критики, в усиленной политической деятельности нового масонства, видят уклонение от его прямых задач, с грустью констатируют, что масонство, боровшееся против догматических, сектантских учений, обращается само в страстную нетерпимую церковь, устанавливает непреложные «символы веры», усваивает, казалось, столь ненавистную ему католическую фразеологию.

Чрезвычайно интересные прения по вопросу об общем содержании французского масонства происходили на Конвенте «Великого Востока» 1913 г. Профессор Лаги, видный и энергичный масон, выступавший на всех последних конвентах, констатирует некоторое понижение масонской жизнедеятельности, видя причину этого в отсталости масонского мирозерцания. По его мнению, необходимо было бы обновить масонскую мораль, построить новый строго-рационалистический идеал, используя для этого новые факты культурной и нравственной жизни. Это предложение

вызвало горячий отпор. Социалист Марсель Самба, отвечая Лаги, усматривал истинную причину понижения масонской жизнедеятельности в падении веры в свое дело, в отсутствии энтузиазма. Антиклерикализм не может определять всего содержания социальной философии завоеваниям науки, необходимо вдохнуть в себя энтузиазм, подымающий творца. Тогда психическое одушевление сумеет помочь масонству — начертать новые идеалы и открыть новые пути для их осуществления.

Едва ли достигнут цели призывы заразить энтузиазмом масонские ряды. Отсутствие энтузиазма является само знаменательным фактом, указующим, что геронческий период истории масонства кончился. Слишком большим соблазном стала в глазах вождей масонства возможность политического влияния; и непосредственное участие в избирательной борьбе, в закулисных политических интригах заслонили в глазах масонства его основную цель — нравственное совершенствование человека, стремление насадить терпимость и свободу.

Из-за глухих дверей и темных таинственных драпировок вышло масонство на торную дорогу политической борьбы. Умерло тайное общество с его мистическими устремлениями; оно преобразовалось в ловкий, живой политический механизм, работающий в защиту республиканских и светских идеалов.

Естественно, масонство приобрело и все печальные стороны политической ассоциации. На масонские собрания приходят не для того, чтобы учиться живому нравственному или религиозному опыту, а собираются для обдывания своих делишек, устройства карьеры и пр. Маккиавелизм самой дурной марки пустил в ложах глубокие корни. Забота о нравственном совершенствовании стала пустой фразой. Масоны стали слишком занятыми людьми, чтобы предаваться утопиям. Насущные практические задачи поглотили внимание масонства и для благочестивых упражнений не осталось больше времени. Вступление в масонскую ложу стало делом простым. О прежней строгости по отношению к аспирантам нет и помин. Предварительная анкета — пустая формальность. Рекомендации получить легко. Экзамены, устроенные при вступлении в орден и при получении высших ступеней, когда, по масонской терминологии, от аспиранта требуются так наз. «*тотгеаух д'архитектуре*» — ничего не гарантируют. Самые дурные масоны, с точки зрения правоверного масонства, блестяще выдерживают эти испытания. Это и понятно. Масонство, став боевой политической организацией, заинтересовано не только в качестве, но и в численности своей армии. По расчетам одного масона — во Франции активных масонов от 25—30 тыс. человек. Активных избирателей во Франции 8.200.000 чел. Таким образом, один масон приходится почти на

300 активных избирателей и при пропорциональном представительстве масоны имели бы двух, трех депутатов. Между тем, из 600 депутатов до 300 масоны. На 300 сенаторов не менее 100 ма-
сонов.

Внешнее могущество ордена обусловило проникновение в его среду всякого сброда — индифферентов, даже шпионов и провокаторов. Ложи заваливаются беззастенчивыми ходатайствами о денежной субсидии. В одном из своих циркуляров (28 янв. 1901 г.) «Великий Восток» счел нужным дать отпор слишком бесцеремонным попрошайкам.

Несомненно, дальнейшие успехи демократии будут еще более способствовать укреплению политической окраски масонства и обесцвечению его философского и морального смысла. Масонство сливается с передовыми слоями демократии. Но победы его — Пирровы победы. Новые политические завоевания масонства — новые жертвы, приносимые им на политический алтарь. Эти жертвы обескровливают самое масонство.

Немецкое масонство. Немецкому масонству чужды боевые клики французского масонства. Доселе оно пытается следовать традициям старых «мастеров», осуществлять их заветы гуманности и терпимости. И то определение масонства, которое дал Лессинг в своем «Ernst und Falk», остается, в сущности, руководящим еще и до сих пор среди немецких масонов: «Масонство — необходимо; оно коренится в самой сущности человеческой природы и гражданского общества...» В этом смысле не было ни одной эпохи, как не было ни одного исторического общества, не знавших масонства — не как учреждения, но как высокого духовного настроения. Поэтому, задачи, стоящие перед масонством — задачи универсальные. Они не могут быть сведены к определенной реальной деятельности ни в религиозной, ни в социально-политической области. Они заключаются в объединении всего человечества, в построении всемирного человеческого союза на почве братской любви и постоянного мира. Даже и признавая историческую неизбежность разнообразных общественных антагонизмов (расовых, сословных, классовых и пр.), масонство должно способствовать всякими мерами к их возможному примирению и окончательному устранению.

Из этой всеобъемлющей и расплывчатой формулы масонского миропонимания вытекают и ближайшие масонские задачи — борьба с кастовым духом сословными привилегиями), религиозным фанатизмом, национальным самоослеплением и т. д.

Но главные усилия правовежного масона должны быть направлены на нравственное самоусовершенствование. «Erkenne Dich! Beherrsche Dich! Veredle Dich!» — таковы основные жизненные правила, которым должен следовать просвещенный масон. И в ду-

хе этих правил, вдохновлявших Лессинга, Гердера, Фихте, Виланда, Гете; воспитывается еще и современная немецкая масонская мысль.

Виднейший из современных теоретиков немецкого масонства — Бишоф, полагает сущность масонской деятельности в «творческом труде на достижение гармонического устройства человеческого общежития». Эта деятельность равно доступна всем: и представителям свободной независимой мысли и догматических, сектантских толков. Все могут содействовать созданию нового совершенного общества, ибо масонство не есть «духовное состояние», «но «деятельное искусство», работа. Это то — «великое искусство само-совершенствования», построения нравственной личности, которое французские масоны называют «*grand Art*», или, на более старом масонском языке, «*Art royal*», немецкие масоны — «*Königlicher Weg*» и «*Königlicher Kunst*», а Бишоф — «искусством человеческого строительства» (*Menschheitsbau*). Масонская же этика есть упражнение, направленное на «преобразование личности в целях приспособления ее к требованиям более совершенной социальной жизни». Основным требованием, предъявляемым к масону, является, таким образом, постоянная работа над собой, постоянное самонаблюдение. Гуманность, полная терпимость к чужим убеждениям являются неперенными условиями масонского искусства». Но именно потому, что масонство — искусство, в нем не может быть и речи о каких-либо универсальных и вечных рецептах; в отдельном случае, полагаясь на силу собственных размышлений, масон должен избрать путь, представляющийся ему наиболее целесообразным для достижения добра. Так понимаемое масонство становится свободной нравственной деятельностью, упражнением в братстве, в общечеловеческой солидарности.

Немецкий масон Вирт особенно подчеркивает при достижении этого «Царствия Божия на земле» значение личного начала. Еще Гете заметил, — пишет он, — что организация является тем менее совершенной, чем больше сходство наблюдается между ее составными частями и для достижения совершенного социального порядка необходимо, поэтому, выявлять возможно полнее значение отдельной индивидуальности.

Нельзя не признать высокой этической ценности за подобными построениями немецкого масонства. Его учение обращается в гимн свободному личному творчеству, не знающему внешних велений в области морали, творчеству, опирающемуся на совершенное уважение свободы других. Именно в подобном понимании масонского труда, как непрерывного индивидуального творчества над достижением высших целей, сообщается и самому масонству непрерываемая моральная ценность. Масонство — по словам масона

А. Reinhardt'a — становится культом чистой любви к человечеству (Die Pflege des reinen Menschentums), по словам Блунчли, «школой гуманности» (Schule des Humanität).

Но при таком всеобъемлющем понимании масонских задач, масонство утрачивает подлинную связь с данным историческим моментом. Масонство, родившееся, по словам Лессинга, с гражданским обществом, становится старым, как мир. Чтобы стать масоном, как-будто нет необходимости примкнуть непременно к какой-либо масонской ложе. Довольно в себе нести веру в нужность и возможность бесконечного нравственного прогресса. Но такие масоны, по остроумному выражению самого Бишофа, масоны без «передника». Бишоф же постоянно предостерегает от смещения масонства, как совокупности масонских лож (Logentum), с масонством, как оригинальным устремлением личности к добру, социальному идеалу, не замыкающейся в сравнительно тесные пределы масонских организаций (Maurertum).

Основная задача масонских организаций — воспитание масона. Ложа должна воспитать в своем члене способность к непредубежденному исследованию действительности, сделать его свободным интеллектуально и нравственно автономным. Она не должна довольствоваться критической работой своих членов, но должна будить в них стремления к положительному творчеству в духе масонских идеалов.

В противоположность рационалистическим построениям французского масонства, немецкие масоны не только не высказываются против религиозности, но, наоборот, утверждают, что религиозное исповедание не препятствует свободному исканию истины и последнее не стоит, не может стоять ни в каком противоречии ни с одним христианским культом. Только религиозный человек может быть истинно счастливым человеком. Немецкий авторитетный масон Findel утверждает, что немецкое масонство традиционно развивается, на религиозной почве. Даже с ультрамонтанством оно борется лишь тогда, когда последнее нападает. Вообще же, по отношению к любой церкви, масонство стремится блюсти нейтралитет. Оно не только не сражается против христианства, но, наоборот, стремится реставрировать его во всей его цельности и чистоте, чтобы оно стало естественной и абсолютной религией, свободной от юдаизма, языческих влияний, мифологических извращений. Вместе с тем, немецкое масонство строго стремится блюсти свои старые традиции, свою «книгу конституции» 1723 г., воспрепятствующую вводить в ложи дискуссии политического или религиозного характера. Масонство — не партия, но космополитический, нравственный, религиозный и философский союз.

Бишоф, полагая, что религиозное чувство стимулирует масонскую мысль, осуждает практику масонских лож, исключаящих, например, евреев. Совершенно неправильно, — пишет он, — считают последних неспособными к «масоническому идеализму» или в борьбе против духа стяжательности (маммонизм). Принадлежность к христианскому верованию в этом смысле еще ничего не доказывает; участие же в христианской церкви, как условие допущения в масонскую ложу, несогласно с духом истинного масонства. Масоном может быть всякий, кто докажет свою способность к масонскому труду. Вопросы же расовые, религиозные или социальные не должны быть вовсе поднимаемы при приеме кого-либо в масоны. Только предварительный искус должен быть строгим, чтобы открыть дорогу достойным.

Ритуалы в немецком масонстве до сих пор не утратили значения. Подобно Лессингу и современные крупные масоны полагают, что масонство не в словах и знаках, но тем не менее они признают высокую ценность за масонской символикой, толкающей на размышления, возвращающей масона к основным истокам масонских верований. Такая символика далека от схоластической обрядности. Но немецкое масонство всегда протестовало, в отличие от французского, против чрезмерного количества масонских степеней. Слишком сложная иерархия, по убеждению немецких масонов, разрушает гармонию, координацию масонских сил.

Ни в одном пункте разногласие между французским и немецким масонством не вылилось в такую яркую форму, как в вопросе об отношении масонства к политике.

Истинное масонство, — пишет Бишоф, — заключено в труде, исполненном свободной личностью, согласно собственным целям. Задача масона — моральное совершенствование. Отсюда — необходимое требование полной автономии личности и занятие ее вопросами практической морали. Защита политических интересов принадлежит другим ассоциациям. Это еще не значит, что труды немецкого масонства не имеют никакого отношения к политическим идеалам. Масонское воспитание способствует выработке и определенного политического мирозерцания, отвечающего основам масонского верования, т.-е. масоны и в политической практике государства должны относиться сочувственно ко всему, что способствует утверждению автономии личности и социальной справедливости.

Верное духу терпимости, немецкое масонство не настаивает на своем отношении к политике, как единственно верном. Оно не опровергает французского масонства и утверждает только, что время и результаты покажут реальную ценность обоих направлений.

Но чуждые политиканству, в буквальном смысле этого слова, немецкие масоны считают необходимым элементом своего мирозерцания — искренний здоровый патриотизм. Любовь к отечеству — необходимое условие творческой работы.

Итак, немецкое и французское масонство и по внутренним устремлениям своим и по характеру деятельности — антиподы.

Одно стремится уйти в себя, в глубины человеческой природы, чтобы путем внутреннего перерождения ее воспитать в личности понимание ее обязанностей к себе и окружающим, создать новое общество, проникнутое братскими началами, чуждое нетерпимости и утверждений догматического характера. Масонство, по выражению немецкого масона Шульце, должно быть «высшей школой идеализма», цель его — насаждать «истинную человечность», средства — «терпимость и человеколюбие».

Другое масонство исповедует те же возвышенные цели. Но с небес оно спустилось на землю. Признав необходимость самоуглубления, постоянной работы над внутренним самосовершенствованием, оно в то же время формулировало целый ряд правил практического характера, обязывающих его членов, — правил, разделивших человечество на врагов и друзей и обрушивших на первых море ненависти. Вопреки масонскому символу веры — все люди — братья, масонские ложи занялись отделением овец от козлиц и в свою практическую политику ввели все средства, годные для подчинения непослушных букве закона.

Можно, конечно, спорить о целесообразности или преимуществах того или другого типа масонства. Одно несомненно: немецкая ложа есть нравственный союз, школа практического благочестия; французская ложа — политический союз, школа демократического воспитания.

Но в то время, как французское масонство выросло в крупную творящую силу, которую никто более не может игнорировать, немецкое масонство, благодаря своему внеполитическому, отвлеченному, мистическому характеру, обречено на полное практическое бессилие.

Оно одухотворяется высокими задачами. В рядах своих приверженцев и защитников оно знает не только в прошлом, но и в настоящем ряд великих имен. Оно обласкано династией Гогенцоллернов: Вильгельм I, Фридрих III были сами членами масонских лож и неизменно дарили немецкое масонство знаками своей благосклонности. Вильгельм II, хотя отступил от семейных традиций и сам не сделался масоном, однако, подобно деду и отцу, всегда подчеркивал свое благожелательное отношение к масонству. Протекторат над Прусскими Великими Ложками и сейчас принадлежит принцу Фридриху Леопольду Прусскому.

И, между тем... где? в чем плоды союза, казалось, так исключительно одаренного? Что дала масонская практика в Германии? Кто из делающих историю в Германии прислушивается к голосу масонства? В какой стране, наконец, чувства личной гипертрофии, нетерпимости, национального самоослепления нашли более богатую почву, чем в Германии?

Неустанная проповедь пацифизма, полные толерантности речи суверенных масонов и — железная система милитаризма, упоение разгромом Франции в 1871 г., сорокалетняя методическая подготовка к современной Европейской войне... Могут ли быть лучшие иллюстрации слабости влияния немецкого масонства? Неудивительно, что радикальные слои немецкой интеллигенции, академический мир Германии относится к масонским пацифистским упражнениям с нескрываемой иронией... Масонство — в представлениях немецкого университета — невинная, но и совершенно бесполезная игра в устаревшую символику.

Организация немецкого масонства. В Германии 8 «Великих Лож». Три из них — «Grosse National — Mutterloge zu den drei Weltkugeln», Grosse Landesloge der Freimaurer von Deutschland» и «Grosse Loge von Preussen gen. «Royal York zur Freundschaft» — были основаны в Берлине и конституировались в «Великие» еще в конце XVII века. Остальные ложи были признаны «Великими и независимыми» в XIX веке. К Великим ложам примыкают, по данным, относящимся в 1913 г., до 540 малых лож почти с 62 тыс. членов. По своим основным настроениям Великие ложи распались до последнего времени на «христианские» и «гуманистические». «Христианскими» ложами назывались 3 старейшие прусские ложи, объединенные в «Союз великих Берлинских мастеров», остальные ложи были «гуманистическими». В 1861 г. возникла новая свободная, не официальная организация — «Verein deutscher Freimaurer» с лозунгом: «Через труд к единению» (Durch Arbeit zur Einigkeit), которая к настоящему времени насчитывает до 16 тысяч членов, т.е. четвертую часть всех современных немецких масонов. Эта организация — чрезвычайно энергична, широко занимается литературной пропагандой и издала два наиболее основательных и ценных труда для знакомства с историей и современным состоянием немецкого масонства — «Allgemeines Handbuch der Freimaurerei» (т. I—IV, изд. 1863—1867 гг. 3 изд. 1901 г.) и «Wissenschaftliche deutsche Freimaurerbibliographie», переработанную в настоящее время в трехтомную «Bibliographie der Freimaurerei» Авг. Вольфштигом.

В 1872 году из ежегодных съездов Великих Мастеров (так наз. Grossmeistertag'и) вылился новый грандиозный союз, объединивший все «Великие Ложы» — «Deutscher Grosslogenbund», ко-

тому и принадлежит в настоящее время руководящая роль. Наконец, пять «независимых лож», не объединенных в «Великую Ложу», но признанных «правильными» «Немецким Союзом Лож», в 1883 г. объединились в автономную организацию — «Feir Vereinigung der unabhängigen Logen in Deutschland».

Английское масонство. Английское масонство и по своему внутреннему настроению и по характеру деятельности — чрезвычайно близко масонству немецкому и, наоборот, с нескрываемым осуждением относится к политическим выступлениям масонства.

Лучше всего раскрывается английское масонство в истории его отношений к масонам французским.

После того, как конвент «Великого Востока» в 1865 г. упразднил в своем учении традиционный масонский символ — «Grand Architecte de l'Univers» — на него был открыт целый поход со стороны правоверных масонских лож. В 1878 г. Великая Английская Ложа (United Grand Lodge of England) отлучила «Великий Восток» от принадлежности к масонству. И к этому решению последовательно присоединились Великие Ложы Шотландии, Ирландии, Соединенных Штатов и в последнее время (1903—1904 гг.) Великая Ложа Кубы. Остальные, весьма многочисленные американские ложи, пока воздержались от принятия определенных решений.

Мотивами, подвигнувшими Великую Английскую Ложу на отлучение французских собратьев, послужили изменения в самой конституции Великого Востока.

Первоначально парагр. 1-й конституции гласил, что «Фран-масонство имеет своими принципами — существование Бога, бессмертие души и человеческую солидарность». Реформированный текст гласит: «Фран-масонство имеет принципами — абсолютную свободу совести и человеческую солидарность».

«Великая Ложа, — значит в мотивировке английских масонов, — с глубоким сожалением констатирует перемены в конституции Великого Востока... Подобные изменения противны всем традициям, практике и чувствам всех истинных масонов как в прежние, так и настоящие времена». И хотя официального разрыва сношений с французскими ложами объявлено не было, тем не менее Великая Английская Ложа в своем решении постановила не допускать в Ложу масонов, отказавшихся от исповедания веры в «Grand Architecte de l'Univers». Английские и американские масоны воспретили своим сочленам посещать также французские ложи.

Французские масоны пытались подорвать принципиальное значение выступления английского масонства ссылками на первую

масонскую конституцию, принятую Великой Английской Ложей в 1722 г.

Первый параграф этой конституции был составлен в следующих выражениях: «Каждый масон, как таковой, должен повиноваться нравственному закону и, если масон хорошо понимает свое искусство, он не может быть бессмысленным атеистом, безбожником. Хотя в прежнее время масоны и были в каждой стране обязаны принадлежать к религии, исповедуемой государством или народом, какова бы она ни была, но в наше время полагают, что следует предоставить каждому свободу его частных убеждений и не принуждать никого принадлежать к какой-либо иной религии, кроме той, относительно которой нет разногласий. Этот общий религиозный закон — быть всегда добрым, честным, порядочным... Только исповедуя его, масонство станет центром, связующим узлами искренней дружбы тех, кто в иных условиях остались бы навсегда чуждыми один другому».

Вот, — подлинный текст, — пишет французский масон, — которого должна была бы держаться Английская Ложа. И в этом основном тексте, заключающем самое ядро масонского миропонимания, ни слова нет об обязательстве для масонов — исповедывать какую-либо определенную религию или даже верить в бога.

Устранением из своей конституции положительного утверждения о существовании бога и бессмертии души французское масонство, по мнению апологетов, подчеркнуло еще ярче основной принцип масонского учения — абсолютную свободу совести. Нет нравственного обязательства верить в бога, как нет обязательства и не верить в него.

Наоборот, — говорят французские масоны, — английские ложи сами далеко уклонились от первоначальной чистоты масонского учения. В 1893 г., например, английские ложи предприняли пересмотр своей конституции и вот что было, между прочим, введено в первый параграф старой конституции 1722 г.

«...Масоны лучше, чем все другие люди должны понимать, что Бог все видит иначе, чем человек. Человек судит обо всем по внешним проявлениям — Бог — по сердечным побуждениям. Масоны, поэтому, должны особенно стремиться к тому, чтобы никогда не совершать поступков, противных велению их совести. Ни один человек, каково бы ни было его религиозное исповедание, не может быть исключен из ордена, если он верит в Славного Зодчего Неба и Земли, если он осуществляет святыя предписания нравственного закона. Масоны объединены с добродетельными людьми всех религиозных верований прочными и сладкими узлами братской дружбы»... и пр., и пр.

Но это — теология! — восклицают французские масоны. Это значит — принять формально религию, совершенно извратить первоначальный текст конституции!

Эти споры английских и французских масонов ярче всего вскрывают те дебри, в которые равно попадают и религиозно настроенное и рационалистически мыслящее масонство. Проповедуя свободу совести, нельзя бороться против католицизма, проповедуя необходимость религиозных убеждений, нельзя оставаться свободным исследователем. Английские масоны отлучают французов за нетерпимость, выражающуюся в преследовании всего причастного к католическому миру. Французские масоны нападают на английских также за их нетерпимость, выражающуюся в насильственном навязывании веры всем и нежелающим верить. Одни находят, что вне религии невозможно достижение основной задачи масонства — нравственного совершенствования личности, другие полагают, что всякое исповедание веры стоит в вопиющем противоречии с демократическими идеалами масонства.

Американское масонство. Американское масонство представляет в высшей степени своеобразную и, можно сказать, хаотическую картину.

По данным международного масонского бюро, относящимся к 1908 г., только в Соединенных Штатах функционирует слишком 13 тысяч лож, более чем в 1200 тыс. членов). Любая деревушка имеет ложу, городок с населением в 20 тысяч человек не менее двух, большие города насчитывают сотни. Одних великих лож, совершенно автономных, насчитывают 51. Какой-нибудь общей национальной организации не существовало никогда. На любой территории Штата есть свой Великий Капитул и Великий Совет Американского Ритуала.

По своему составу американское масонство, в отличие от английского, глубоко демократическое. В Америке, по выражению Pitts'a, каждый гражданин — потенциальный масон; в Англии масонство рекрутируется, по преимуществу, из рядов дворянства и верхних слоев буржуазии. Правда, и в американских ложах, благодаря высокому вступному взносу (50 долл.), численное преобладание принадлежит не рабочим, а представителям мелкой и средней буржуазии. Капиталы, находящиеся в распоряжении американского масонства, очень значительны. Политический мир Америки почти сплошь принадлежит к масонству.

Физиономия американского масонства — чрезвычайно своеобразна. У него нет — общей принципиальной программы. Его публикации, журналы носят местный характер. В отличие от масонов европейских, американские масоны совершенно равнодушны

к тому, что может быть названо «масонской философией», так же, как к обрядовой стороне масонства и его тайнам, публикуя протоколы заседаний масонских лож.

К религиозным вопросам американское масонство относится совершенно индифферентно, обнаруживая широкую терпимость. Во Франции воинствующий католицизм породил и воинствующее масонство. Американский католицизм чужд завоеваниям тенденций континентальной церкви и американские масоны ведут с католиками отвлеченные принципиальные споры, не переходящие в серьезные конфликты. Одно время в Америке образовалась специальная организация для борьбы с католицизмом — «American Protective Association», но она скоро прекратила существование.

У американского масонства нет никакой специальной и политической платформы. Масоны, как таковые, политических врагов не имеют. Зато они только за редчайшим исключением общаются с масонами неграми (их с Соединенных Штатах считается до 60 тысяч), разделяя расовые предрассудки своих сограждан.

Американское масонство в целом представляет, по существу, грандиозный конгломерат самых разнообразных благотворительных организаций. В этом смысле, американское масонство действительно насаждает общечеловеческую солидарность, следуя традиционному ее масонскому пониманию.

Занятия американских лож также ничем не напоминают работ европейских лож. Здесь нет и помину о тех философских темах, которые ставят и дебатировать континентальные масоны. В ложах сходятся или для того, чтобы совместно обсудить некоторые местные практические вопросы или просто для того, чтобы весело провести время. Масонская ложа превращается в клуб.

Наподобие масонских лож в Соединенных Штатах существует еще немало (до 300) других закрытых и тайных обществ также благотворительного характера. Это — организации страховые, взаимопомощи, дружеские вспомогательные общества (friendly societies), при этом часто с указанием на профессию — дружеское общество садовников (gardeners), лесничих (foresters) и т. п.

К французскому масонству американские масоны относятся недоброжелательно. Несмотря на общий религиозный индифферентизм, американские масоны уже в силу семейных традиций и условий воспитания питают отвращение к положительному атеизму. И новейшие течения французского масонства, упразднившие в своей конституции формулы «Великого Зодчего» и «Бессмертия души» и отдающие в своей деятельности первенство политическим задачам, вызывают общее неодобрение. Выше уже было указано, что «Великая Ложа Кубы» отказалась даже признавать масонским «Великий Восток»,

В свою очередь, французские масоны жестоко критикуют американцев за отсутствие у них интереса к общим философским и культурным проблемам, за их политический индифферентизм, за их инертность.

Масонство в других странах. В Австрии масонство запрещено. В Италии масонство остается верным заветам Мадзини, отождествляя масонство и демократию. Поэтому, итальянское масонство по своим устремлениям очень близко французскому. Отделение церкви от государства во Франции, погнавшее массы конгреганистов в Италию, выдвинуло и у итальянских масонов новую задачу — активную борьбу с клерикализмом. В последнее время масонские ряды все более и более пополняются социалистами из «Социалистической партии», благожелательно настроенными к масонам за их антиклерикальную пропаганду. Антимасонское настроение существует только в левом анархическом крыле пролетариата — синдикализме. Король, по отзывам итальянских масонов, является тайным другом масонства, усматривая в нем надежный противовес церкви.

В Швейцарии масонство занимается исключительно благотворительными делами и пропагандой пацифизма. Хотя швейцарские ложи не принимают женщин, но масоны придают большое значение их деятельности и женщины образуют особые вспомогательные кружки (*cercles de soeurs*).

Международный характер масонства. По данным международного масонского бюро, весьма неполным и весьма расходящимся с другими статистическими расчетами к 1908 г. во всем мире функционировало до 26.000 лож с 1.670.000 масонами, в Европе — 5424 ложи с 341.653 масонами (Великобритания — 3830 лож, 217.000 членов; Германия — 483 ложи, 52.291 чл.; Франция — 500 лож, 33,566 чл.). Из неевропейских стран наибольшее число лож имеют Соединенные Штаты — 13127 лож, 1.227.589 членов; Бразилия — 852 ложи, 28.853 членов; Гаити — 66 лож, 20.000 членов; Канада — 397 лож, 15.980 членов.

До последнего времени масонство не имело общего международного органа, объединяющего все масонские ложи. Всемирное масонство было конгломератом национальных автономных обществ.

В 1875 г. в Лозанне собрался Международный Масонский Конвент. На этом Конвенте было выработано особое соглашение, к которому присоединилось большинство «Высших Советов», представленных на нем. Было постановлено изменить масонские конституции в том смысле, чтобы в каждом государстве был только один «Высший Совет» (*Suprême Conseil*), за исключением Соеди-

ненных Штатов, которым решено было предоставить иметь две юрисдикции — северную и южную. Новый «Высший Совет» мог быть открыт в стране только с согласия ранее существовавшего. Это решение имело в виду специально Францию, в которой функционировали два Высших Совета — «Великий Восток» и «Шотландский Ритуал». Оба они — одинаково стары, исповедуют одно и то же учение и разнятся только в частности ритуала. Но к конфедерации Высших Советов принадлежал только «Шотландский». Таким образом, согласно решению Конвента, Великий Восток должен был быть признан законным только в случае признания его таковым Высшим Советом Шотландского Ритуала. Но, во-первых, это признание сомнительно. Во-вторых, создалось курьезное положение, что во Франции два совета и крупнейший из них — незаконный и не признается другими советами. Этот постоянный внутренний антагонизм практически смягчался только тактом руководителей обоих советов и личными связями.

Созданию прочной международной гармонии масонства мешали и принципиальные несогласия отдельных национальных лож. Мы говорили уже выше о конфликтах французских и английских масонов. Еще интереснее в этом смысле история взаимоотношений немецкого и французского масонства.

Отчуждение между масонами обеих стран началось с эпохи франко-прусской кампании, когда во время осады Парижа 10 парижских лож постановили лишить масонского достоинства Императора Вильгельма и Наследного Принца. По заключении мира Великие Немецкие Ложы потребовали от Великого Востока отмены этого постановления и наказания лож. Великий Восток, совет которого не собирался вообще за время осады, сложил с себя ответственность за деяния, совершенные помимо его. С другой стороны, он считал невозможным, принимая во внимание обстоятельства, в которых было вынесено решение, не признать его или даже выразить порицание провинившимся ложам. После войны в 1872 г. немецкое правительство предложило французским ложам в Эльзас-Лотарингии прекратить сношения с Великим Востоком и примкнуть к немецким организациям; французские ложи, однако, предпочли закрыться.

Когда от «Rite Ecossais» откололась «Grande Loge de France», она пыталась сделать некоторые шаги, чтобы реставрировать прежние добрые отношения между масонами разных национальностей и получить признание от некоторых «послушаний». Вот как реагировала на это одна из Великих Прусских лож — «Grosse National-Mutterloge zu den drei Weltkugeln in Berlin». В декларации своей от 30 сентября 1905 г. она признала, что 1) было бы ошибкой пытаться создать международную организацию масонства

путем объединения двух взаимоисключающих тенденций. Старое масонство ограничивало свои задачи личным совершенствованием своих последователей. Новое полагает, что масонские ложи не должны оставаться безучастными к политике. 2) Признание «Grande Loge de France» могло бы состояться лишь при следующих условиях: а) если новая ложа дает заверение, что она не солидарна с теми ложами Великого Востока, которые в 1870 г. оскорбили масонов, стоявших во главе немецкой армии — Императора Вильгельма и Наследного Принца, б) если в согласии с историческими традициями масонства, она откажется от всякого участия в современной политической и антиклерикальной борьбе и восстановит в своем учении в ритуалах признание Бога и его символики.

Правда, постановление это официального хода не получило. И среди немцев нашлись авторитетные масоны, возражавшие против нетерпимого тона декларации и указывавшие на выгоды слияния обоих национальных масонств. Но вопрос о сближении казался надолго похороненным, тем более, что, совершенно неожиданно для французского масонства, Великая Гамбургская Ложа «Grosse Loge von Hamburg», вообще франкофобски настроенная, но стоявшая, однако во главе компании сближения, отказалась от поддержки предложения французской ложи под предлогом чрезмерных новшеств, вводимых французскими масонами.

И все же в 1906 г., 3-го июня, было устроено после долгого перерыва первое совместное совещание французских и немецких масонов. На этом совещании признание Grande Loge стало совершившимся фактом. Сближение это произвело в масонских кругах обеих стран огромное впечатление. Теперь уже не было препятствий принципиального характера и к сближению Великого Востока с немецким масонством. Правда, на Grosslogentag'e 7 июня 1908 г., в Байрейте, т. е. конгрессе союза Великих Лож (Grosslogenbund), собрание вынесло резолюцию, что в настоящих обстоятельствах нет достаточных оснований, чтобы союз немецких лож занялся решением вопроса о восстановлении официальных отношений с «Великим Востоком». Но незадолго до этого собрания влиятельный масонский журнал «Herold» писал, между прочим, что дело идет не о признании Великого Востока, так как он никогда не принадлежал к числу непризнанных или неправомочных масонских властей... Великие Ложы не раз указывали, как это недавно имело место и на Собрании «Grosse Loge von Preussen gen.» «Royal York zur Freundschaft», что немецким масонам не только разрешается входить по их частной инициативе в сношения с масонами из Великого Востока, но что они должны быть даже формально поощряемы к этому.

На Конвенте Великого Востока в 1908 г. было заявлено, что пять Великих Лож Германии из 8 — высказались за примирение с французскими масонами. Воздерживались пока только три Великих прусских ложи. На Конвенте была восстановлена вся история разрыва. Французские масоны вспоминали об ожесточении, характерном в ту эпоху для обеих сторон. Патриотизм стоял над масонством. Лишение Императора и Наследного Принца масонского достоинства было, конечно; «ребячеством», но трагические обстоятельства эпохи объясняют и оправдывают это «ребячество». В результате, Конвент 1908 г. решил, что первых шагов он делать не будет, но с радостью примет руки, дружественно ему протянутые.

Неизбежное, наконец, свершилось. Берлинский Grosslogentag 30 мая 1909 г. вотировал 5-ю голосами против трех (пять гуманистических лож против трех прусских христианских) — восстановление дружеских связей с Великим Востоком. Меньшинство присоединилось к резолюции, вотированной, таким образом, единогласно. Решение Grosslogentag'a принесло обеим сторонам глубокое нравственное удовлетворение.

Несколько ранее, именно в 1903 г., в Швейцарии было положено начало новой международной масонской организации — бюро, которому были поставлены две задачи: 1) сближение отдельных масонских организаций, 2) собирание материалов и документов, относящихся к истории масонства. Бюро публикует «Bulletin» (на пяти языках) и «Annuaire» (Ежегодник Всемирного Масонства). При бюро устроена центральная масонская библиотека. Управляет бюро — масон Quartier-la-Tente.

В последнее время были сделаны еще некоторые шаги к сближению масонов разных национальностей.

В 1912 г., по инициативе «Великой Английской Ложы», с одобрения Герцога Коннаутского, Гроссмейстера английского масонства — в Лондоне состоялся съезд представителей великих английских и германских лож. Вслед за Лондонским в июне 1913 г. состоялся Берлинский съезд при участии представителей французских и итальянских лож. В патетических речах представителей английского масонства вновь получили подтверждение старые масонские максимы, что масонство должно служить гуманности в всеобъемлющем смысле этого слова, что способы его действий диктуются чувствами братолюбия, взаимопомощи, стремления к истине, что масоны должны помнить слова Вильгельма, сказанные им еще в 1845 г., что «все люди братья» и пр. и пр. Масоны констатировали растущее обострение классовых противоречий и свою общественную работу полагали в устранении братоубийственной борьбы.

Видный немецкий теоретик масонства — Келлер, оценивая результаты Берлинского Конгресса, чуть ли не накануне Великой европейской войны, писал, что настало время, благоприятное для воплощения в жизни заветов германского императора.

Какой трагической иронией звучат сейчас эти пророчества немецкого масона!

Заключение. Итак, современное масонство далеко от единообразия. Французское масонство и, следующее за ним, итальянское носят политический характер; немецкое — философско-мистический, английское и американское — религиозно-благотворительный. Особенно ярко практицизм окрашивает масонство американское.

Наибольшую жизнеспособность обнаруживает французское масонство, благодаря своей политической приспособляемости. Но такая жизнеспособность масонства является, быть может, в то же время наиболее высоким свидетельством вырождения чисто масонских идеалов.

Правда, политические заслуги современного масонства — велики. Хотя я и далеко не разделяю мнения Ниса, чрезмерно преувеличивающего роль масонства, и выводящего из него чуть ли не все принципы современной демократии, тем не менее нельзя отрицать, что социально-философская программа французских масонов — есть программа передовых слоев демократии. Услуги, оказанные ими республиканизму во Франции, весьма значительны.

Но эти успехи — политического клуба, партии. Чистое же масонство вымирает.

Там, где масонские ложи сохранили свой религиозный характер, они собирают немногих, которых соблазняет мистическая сторона масонского учения, его символизм, обрядность, некоторая таинственность, в которые все еще облакаются масонские организации, верные традициям. Такие ложи — не богаты членами, да они и сами не ищут многочисленных прозелитов, качество предпочитая количеству. Те же ложи, которые ринулись в политическую борьбу, имеют много членов, имеют вес в общественных делах, но они ничем не отличаются от обычных политических ассоциаций, если не считать немногих старомодных погремушек, свидетельствующих о их далеком прошлом.

Победы этого масонства, — я писал выше, — Пирровы победы. Это — победы буржуазной демократии. Но подлинные масонские идеалы — далеки последней.

А. БОРОВОЙ

ЭТЮДЫ О МАСОНСТВЕ

1. Назад на Восток!

В самом начале XVIII века морем и сушей двинулись в Россию братья масоны. Двери в Россию открыл им Петр Великий, в окружении которого были известные масоны Лефорт и Брюс. Еще при жизни Петра учрежден в Петербурге масонский орден Андрея. Отсюда и учреждение первой и самой высокой награды Российской империи — орден Андрея Первозванного и появление на кораблях военного флота России бело-голубого Андреевского флага.

Масонские символы входили в государственную атрибутику России, а масонские принципы завоевывали умы. Под покровительством российских государей масонские ложи размножились чрезвычайно. В середине XVIII века территориально они располагались в Петербурге и Северо-западном крае — Риге, Ревеле, Вильно. Эта территория становится базовой для движения масонства дальше на Восток. Причем это движение, начиная с появления первых масонов в Петербурге, было практическим возвратом, так как, возникнув в Европе (Англии, Франции), масонство свое происхождение ведет из Египта, Передней Азии, и вероятно, из древней Индии. Есть все основания считать, что сын объединителя Индии Чандрагупты царевич Ашока был основателем масонской ложи «Общество девяти неизвестных». Ставя перед собой нравственные цели, общество использовало для их достижения неограниченные финансовые средства, как рычаги, влияющие на государственную власть и на отдельных ее представителей. Скрытая задача общества сводилась и сводится — так как общество, вероятно, существует и сегодня — к достижению бессмертия. Подобные задачи ставили перед собой и первые петербургские масоны. Говорят, что граф Брюс очень сильно приблизился к решению сверхзадачи. Перед смертью он оставил записку Петру, что в случае, если он понадобится императору, то его нужно натереть специальной мазью. Что и было сделано. Но когда умерший стал приходить в чувство и владеть языком, то испугавшийся Петр приказал прекратить натирание, и Брюс умер вторично.

Таким образом, движение на Восток было своего рода возвратом к истории. Движение на Запад не могло пройти и не прошло бесследно.

Масонское нравственное учение трансформировалось под влиянием конкретных условий той страны, где возникли ложи. Кроме того, единое первоначально масонство расслаивалось на отдельные, часто внешне противостоящие друг другу направления.

Английские ложи по структуре и ритуалам отличались от шотландских, французские — от германских, от тех и других различались шведские ложи.

В России XVIII века равноправно и параллельно развивались масонские ложи всех этих толков, но входили в них прежде всего и почти исключительно иностранцы. В 1731 г. капитан Джон Филипп был назначен провинциальным гроссмейстером России. Но пройдет больше трех десятилетий, пока брат Елагин, камергер императорского российского двора, получит, будучи в Лондоне, конституционную грамоту, дающую ему право открыть первую русскую ложу в Петербурге.

Наместным мастером в ней стал брат Меллисино, генерал-лейтенант, директор императорских инженерных и артиллерийских корпусов. Деятельность этого масона нуждается в тщательном осмыслении. Елагин и Меллисино активно открывают ложи в разных городах России: ложа музы Урании, ложа Гигеи, Конкордии, ложа Бессмертия и другие. Меллисино занимается кадровым вопросом. Осторожно и терпеливо он отбирает из братьев высших степеней тех, кто был более подготовлен к восприятию высших поучений. Цель Меллисино: создать из них тайный комитет, именуемый тайным капитулом, который должен был направлять деятельность всех лож и отдельных членов их. Но как и к чему направлять? Это остается тайной и по сей день, так же как тайной остается и цель движения масонства на Восток. Первое, что приходит на ум, — цели политические. Конечно, они имели место, но, видимо, лишь как средство достижения каких-то иных, скрытых целей. Такие цели могут быть связаны только с внутренними проблемами самих масонских лож. Тело любой общественной организации рано или поздно дряхлеет, и спастись от окончательной гибели она может только обновившись, получив приток новой крови, новой энергии, способной оживить старые идеи. Иногда при этом приходится кое-что терять, как бы становиться на несколько ступеней ниже. Но возвращение к истокам, к живительным истокам и возможно только путем упрощения.

Сущность движения масонства на Восток — не захват огромной территории, не заговор против России, а средство омоложения масонской идеи: рывок из мрака к свету и как результат — бессмертия того, что принято называть душой, что связывает человека с Вселенной, частички чего авторы «Упанишад» находили и на Солнце, и в сердце человека.

II. «То, что сжимают, расширяется»

Так говорили китайские философы даосы, и они во многом были правы. Как только правительство начало репрессии против ма-

сонских лож, последние ушли в подполье, и трудно было предположить, какую форму они примут, выйдя оттуда. Гонения на масонов в Германии породили учение иллюминатов профессора Вестгаупта, ставившего во главу работы масонской ложи борьбу с деспотизмом, а поскольку сил у самих масонов не хватало, то масонство должно было примкнуть и даже, в определенной мере, вдохновить массовое революционное движение против правительства.

Большинство лож в России в середине XIX века «уснули», т. е. якобы перестали существовать, перестали принимать в свое число новых членов, прекратили проводить собрания и выпускать литературу масонского направления. Масонство перестало поддерживать свою жизнедеятельность за счет роста рядов, обратив самое пристальное внимание на жизнь идей.

Масонские принципы и идеи широко проникли во второй половине XIX века в среду революционной молодежи. Достаточно вспомнить лозунги Великой французской революции, живущие до сих пор: «Свобода! Равенство! Братство!» Родившись в масонских ложах, они из Франции перекочевали в Россию, где прочно закрепились на знаменах народовольцев, социал-демократов, большевиков. К свободе и равенству, совершенно игнорируя несомненность этих понятий в одной и той же программе, нас призывают и сегодня. Только в рамках масонского братства можно говорить о Свободе и сопутствующем ей Равенстве.

2 июня 1817 г. в Варшавской ложе «Казимир Великий» выступил граф Людвик Платер с речью, посвященной рассмотрению равенства «одного из первейших и существеннейших начал» масонского общества. Равенство, как доказывал Платер, является основанием всему масонскому зданию. «Уставы масонства,— говорил Платер,— по наступлении определенного часа воссияют в возрождении своем и возвратят нам первобытную невинность, добродетель и счастье». Но равенство среди товарищей и братьев не отрицает, а, наоборот, усиливает жесткую дисциплину и подчинение старшим. Дисциплина в отдельных масонских ложах переходит в слепое повиновение, вероятно, заимствованное из масонской системы строгого наблюдения, основанной в 1764 г. в Германии Гундом. Наиболее яркое выражение провозглашаемое Равенство и действительное подчинение получило в строении партии революционных народников и... большевиков. Именно в «Народной Воле» в 70-х годах XIX столетия возник т. н. «Исполнительный Комитет», стоящий над всей организацией. Подчиненные «Исполнительному Комитету», народовольцы делились на несколько степеней, в том числе на теоретиков и практиков. Но точно такое же пирамидальное строение было у масонских лож. На самой верши-

не пирамиды находились Архитекторы. Масоном мог стать каждый, но и среди них были масоны разных степеней, а у розенкрейцеров имелись «теоретики» и «практики», подобные народовольцам.

Для сношений друг с другом у масонов был свой шифр, который время от времени менялся. Из копии повеления розенкрейцерам: «Нашим братьям первых юниоратских градусов, как то: юниорам, теоретикам и практикам, как одним, так и другим, прежде бывшие шифры философов, которые мы ныне употребляем и которые отныне тайным юниоратским писанием для всех братьев реченных 3-х первых градусов суть, для законного употребления поручить и предписать В то же время, для юниоратов, донныне бывший лозунг РЕШ в новый лозунг переменяется...» Во время процессов над народовольцами многие из них называли себя агентами 3 степени «Исполнительного Комитета».

Таким агентом «Исполнительного Комитета» называла себя Софья Львовна Перовская, ставшая одним из главных организаторов и исполнителей убийства императора Александра II. Софья Перовская происходила из старинного рода с давними масонскими традициями.

Основателем рода считается граф Алексей Кириллович Разумовский, бывший известным в России масоном. По настоянию отца он женился на Варваре Петровне Шереметьевой, но в браке был несчастлив. Подлинное семейное счастье граф нашел с девицей Марией Михайловной Соболевской, от которой у него было девять детей. Дети Разумовского получили фамилию Перовских от села Перовское под Москвой. Идеи масонства витали в воздухе дома, и братья Лев и Алексей не остались к ним глухи. Алексей Перовский был по велению отца «усыплен» и назначен попечителем Харьковского университета. Он получил известность под именем Антония Погорельского, как писатель. А брат его Лев был вице-губернатором в Новгороде и Петербурге. В его семье и родилась Софья Львовна Перовская, в последствии порвавшая с отцом, но... не порвавшая с идеями масонства.

III. Мاسоны против Романовых

Запрещение масонских лож в 1822 г., подтвержденное Николаем I в 1826 г., восстановило масонов против династии Романовых. Многие известные масоны были сосланы правительством в Пензенскую и Саратовскую губернии. Упомянувшийся нами магистр ордена «Умирующий сфинкс» Александр Федорович Лабзин выслан в Симбирск, а через много лет в одном классе с Володей Ульяновым учится его потомок Лабзин. Среди известных масонов начала XIX века значительная роль симбирского уроженца Алек-

сандра Керенского. Нет необходимости сейчас говорить о его роли в революции.

После ухода в подполье масоны очень активно внедрялись в педагогическую среду. Можно предположить, что «усыпленным» масоном был и отец Керенского, директор симбирской гимназии, сыгравший такую большую роль в жизни юного Владимира Ульянова после событий 1 марта, когда Александр Ульянов покушался на жизнь государя императора. Директор гимназии Керенский хорошо знал Илью Николаевича Ульянова. Вполне могло быть, что связь эта имела масонскую поддержку. Не лишне заметить, что преподавательская карьера Ильи Николаевича Ульянова прочно связана со службой в училище, открытом в имении масона князя Орлова-Давыдова. Сегодня можно констатировать, что в Симбирске в конце XIX века существовал определенный круг лиц, если и не являвшихся членами масонских лож, то полностью воспринявших и творчески трансформировавших идеи масонства. И круг этот не мог не оказывать влияния на семью Ульяновых.

Какие бы формы ни принимала масонская идея, характерным признаком ее является ненависть к правящей династии Романовых. Еще на Липецком съезде «Народной воли» был поставлен вопрос об убийстве императора Александра II. Поразительно: чем дальше шел Александр по пути реформ, тем иступленней преследовали его народовольцы... Но у них были предшественники. Первое покушение на Александра II — 4 апреля 1866 г. — совершил Дмитрий Каракозов, в недавнем прошлом воспитанник пензенской гимназии, где, кстати, преподавал Илья Ульянов. Руководителем и организатором покушения был Николай Ишутин, также окончивший пензенскую гимназию. Добрый десяток человек выпуска 1860 г вошли в группу Ишутина и поставили целью убийство царя-реформатора.

Вместе с молодыми революционерами идеи масонства с Востока двинулись снова на Запад.

Но революционеры 70-х были вооружены не только идеями и организационными принципами масонства, но и боевым оружием. «Террор, террор, террор вам, тираны», — пели они и с невероятной последовательностью шли к событиям 1 марта.

1 марта — не обычный день для масона. В этот день в масонских ложах отмечается Новый год. В этот день масоны прошлых веков приносили жертвы Верховному Строителю. И такую жертву принесли народовольцы. Накануне 1 марта все основные руководители террористической группы, готовящей покушение на императора Александра II, были уже арестованы, но осталась на свободе Софья Перовская, которая, находясь в розыске по несколь-

ким делам, свободно передвигается по Петербургу и заставляет дезорганизованную группу собраться и выйти на дело. Император должен быть убит 1 марта, настаивает Софья, и ее слушаются, подчиняются.

Утром 1 марта 1881 г., в воскресенье, назначен смотр войск в Михайловском манеже. Император Александр II, вопреки предупреждениям едет в манеж и на обратной дороге гибнет от взрыва бомбы, брошенной рукой террориста Гриневичкого.

Было бы крупной ошибкой считать, что несовершенство сыска позволило совершить преступление. Уже в то время III отделение, или тайная полиция, было всемогуще. Каждый дворник работал на III отделение, каждый второй лавочник обязан был доносить на подозрительных. Чины III отделения очень широко использовали систему внештатных сотрудников. Поэтому группа Желябова-Перовской могла осуществить свой замысел только в случае, если им это позволили.

Контакты тайной полиции и революционеров были так прочны, что порой весьма трудно отделить революционера от провокатора. В самом начале XX века нашелся человек, который попробовал это сделать, и поступок его до сих пор остается непонятным.

IV. Лопухин против жандармерии

В конце апреля 1909 г. в Особом присутствии Правительствующего Сената слушалось сенсационное уголовное дело, потрясшее буквально всю Россию. Уникальным оно было не только по существу, но и из-за личности подсудимого, которым являлся бывший директор департамента полиции Лопухин.

Алексею Александровичу Лопухину в том году исполнилось 45 лет. Он дослужился до чина действительного статского советника. Юрист по образованию, он много и плодотворно проработал в должности прокурора Московской судебной палаты, затем в 1902 г. был переведен на ту же должность в Харьков, где проявил себя знающим и дельным прокурором, был замечен министром МВД Плеве и в 1903 г. назначен директором департамента полиции. Казалось бы, блестящая, но закономерная карьера для представителя старинного дворянского рода, но через три года после ухода в отставку Лопухин неожиданно бросает вызов правительству и министерству внутренних дел — он вступает в контакт с представителем партии социалистов-революционеров Владимиром Бурцевым и через него ставит в известность ЦК партии, что один из лидеров ее является тайным агентом департамента полиции. Речь шла о руководителе боевой организации партии социалистов-революционеров Евно Фишелевиче Азефе.

Азеф обводит вокруг пальца бывших друзей-боевиков из партии социалистов-революционеров и беспрепятственно уходит от возмездия. Он проживет еще десять лет и скончается от болезни почек в Берлине. А какова же судьба Лопухина? Он был осужден и приговорен судом к пяти годам каторги. Обычно рассказ на этом прерывается, но... Самое удивительное потом. Лопухин не успевает доехать с этапом до места отбывания наказания, как пятилетняя каторга заменяется для него ссылкой, но и в ссылке он не находится и года и возвращается в Петербург, где его ждет солидная должность вице-директора Английского банка. Удивительная и необъяснимая судьба! Необъяснимая только в том случае, если не учитывать, что у Лопухина были очень сильные покровители из среды масонов.

Вообще, в роду Лопухиных масонские влияния очень сильны. Достаточно широко известен один из основателей русского масонства Иван Владимирович Лопухин, автор знаменитого «Нравоучительного катехизиса истинных франк-масонов». Были масоны в роду Лопухиных и впоследствии. Со времен Петра Великого Лопухины находятся в оппозиции к правящему дому Романовых. Основания у них были веские. Этот род дал Петру I его жену — Евдокию Федоровну Лопухину, родившую императору сына Алексея. Трагическая судьба последнего хорошо известна. Но не менее горькая судьба была и у царицы Евдокии Лопухиной. По воле мужа она была заключена в Суздальский монастырь, где пробыла до 1718 г. В монастыре она близко сошлась с майором Глебовым. Связь эта закончилась для Глебова мучительной смертью, а Евдокию перевели в другой монастырь, с более строгим режимом. Император не забыл и ее родственников. Часть из них была казнена, и царица из окон своих покоев могла видеть их мучения, часть сослана в Сибирь, а вотчины их конфискованы. Кстати, именно в ходе розыска по делу царевича Алексея Романова-Лопухина и царицы Евдокии Лопухиной возникла тайная канцелярия во главе с Петром Андреевичем Толстым, получившим за заслуги двор Авраама Лопухина на Васильевском острове в Петербурге.

Таким образом, у А. А. Лопухина был большой счет и к Романовым, и к тайной полиции. Только таким образом можно объяснить действия бывшего директора департамента полиции. К 1908 г. Азеф уже не был агентом департамента полиции, а был переведен охранным отделением, поэтому удар направлен против Романовых и против охранного отделения.

Трудно предположить, что Лопухин смог решиться на такой шаг, не чувствуя за своей спиной мощной поддержки. В 1906—1907 гг. в Петербурге возникла одна из первых русских масонских лож. Через пять лет масонские ложи были во всех крупных горо-

дах империи: Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Саратове, Тифлисе, Екатеринбурге... Ложи в своей деятельности придерживались строгой конспирации и беспрекословно выполняли принцип «братской поддержки». Вот как рассказывал об этом Б. И. Николаевскому в 1925 г социал-демократ Николай Семенович Чхидзе: «Некрасов (член Верховного совета русских масонских лож) произнес слова клятвы: об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях жизни, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если это было связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях».

Действия Лопухина не просто случайный нравственный порыв честного человека, как часто нас уверяют, а продуманная, тщательно спланированная акция революционного масонства против царского правительства. Это своего рода пробный шар. Масоны заявили о себе.

V. Масоны и большевики

Как вспоминал масон и социал-демократ Александр Яковлевич Гальперн, интерес масонских лож в России к революционному движению рос все сильнее. Основная идея масонов в этот период: объединение всех левых сил в борьбе с русским царизмом. «Очень характерной для настроения большинства членов организации,— утверждал Гальперн,— была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели». Эта ненависть и послужила основой для идеи объединения дореволюционных сил. С этой же идеей после событий 9 января 1905 г. носился священник Георгий Гапон. Попытка объединения окончилась ничем, а сам Гапон был убит боевиком Рутенбергом по указанию Евно Азефа. Очень интересный завязывается узел! Если Азеф убил возможного масона Гапона, то, может быть, разоблачение Азефа было ответной реакцией масонов?

Связующим звеном между масонами и партией социалистов-революционеров был Александр Керенский, а с меньшевиками и большевиками контактировали Соколов и Гальперн. Членом масонской ложи в Москве был большевик И. И. Скворцов-Степанов. Летом 1916 г. на его квартире состоялся последний Конвент масонов в России. Это свидетельствует о том, что руководство большевиков не осталось равнодушным к объединительным акциям масонов. Контакты масонов с партией большевиков продолжались около десяти лет, вплоть до октября 1917 г. Одной из последних акций стал побег из Зимнего дворца Александра Федоровича Керенского. Побег этот мог завершиться успешно только при условии, что он был организован с помощью масонов и руководства большевиков,

О ком конкретно может идти речь? Ответ напрашивается сам: о Владимире Ульянове (Ленине). Только он был в долгу у Керенского. Причем долг этот был двойной. Сначала Федор Михайлович Керенский (человек грубый, но критически относящийся к царскому режиму) помогает Владимиру Ульянову окончить гимназию, а через 33 года его сын Александр Федорович Керенский не престаивает масону и министру юстиции Временного правительства Переверзеву опубликовать в газетах сообщение о контактах Ленина с германским генштабом. Не будь этой публикации, Ленин не смог бы вовремя уйти в подполье и скрыться, т. е. фактически это было предупреждение об опасности. Тогда побег из Зимнего явился оплатой этих долгов.

Достаточное ли это основание, чтобы говорить о масонстве Владимира Ленина? Думаю, нет. Вместе с тем можно с уверенностью говорить о масонских контактах Ленина еще с юношеских лет. Не случайно из советских архивов изъято все, что касалось родственников Ленина по материнской линии.

VI. Масоны Слобожанщины

Одним из первых масонов, посетивших Слобожанщину, был пастор Виганд — мистик, бывший при Екатерине II профессором Московского университета. В 1764 году генерал Николай Алексеевич Хомутов пригласил его в учителя к своим детям сроком на три года. В 1767 году Виганд становится гувернером сына богатого помещика, близкого к Хомутовым, Петра Андреевича Щербины. Имение Щербины находилось в селе Бабаи возле Харькова, где жили его жена, урожденная княгиня Кропоткина, и четырехлетний сын. Виганд поселился тут же, в Бабах. В своих воспоминаниях он пишет, что в Харькове встретил нескольких братьев, хотя и не упоминает конкретно, кого. Можно предположить, что лица эти были немцами.

Подлинный расцвет масонства в Харькове начался в 1805 году, после открытия Харьковского императорского университета. В первые годы своего существования это была своеобразная франко-германская колония, в которой даже не было православной церкви, зато была немецкая кирха.

В среде иностранных профессоров и студентов, видимо, присутствовали масоны, но они не имели права открыть ложу, ибо принцип централизации и строжайшего подчинения действовал неукоснительно.

В 1817 году в Харьков прибыл новый попечитель Харьковского императорского университета и всего учебного округа Захарий Яковлевич Карнеев. Карнеев родился в 1747 году. С юных лет

служил в армии и участвовал в сражениях. После выхода в отставку был в Курске директором экономии. С 1785 года начинается взлет его гражданской карьеры. Он становится вице-губернатором в Орле и... основывает масонскую ложу. При Павле он становится минским губернатором и командором мальтийского ордена, в который входил и сам император. Видимо, успешная карьера Карнеева и была связана со вступлением его в масоны. В университете Карнеев организовал духовное религиозное общество, которое на самом деле являлось филиалом петербургской ложи «Умиравший сфинкс»; основанной Александром Федоровичем Лабзиним. Карнеев считался прокурором этой ложи и имел право на открытие ложи в Харькове. Члены общества часто собирались под председательством Карнеева, трактовали и писали брошюры о предметах религиозных. Сам Карнеев написал трактат «Мысли, излившиеся при чтении молитвы «Отче наш».

Наиболее деятельное участие в ложе принимали профессора Дудрович и Гулак-Артемовский.

Петр Петрович Гулак-Артемовский сделал блестящую и совершенно неожиданную карьеру при Харьковском университете. Думается, что объяснить ее можно только покровительством масонов. Когда умер профессор истории Гавриил Петрович Успенский, то на освободившуюся кафедру было несколько кандидатов, в том числе известный историк Срезневский, но благодаря протекции Карнеева, избран Гулак-Артемовский, который за всю свою научную карьеру написал только одну историческую работу «О пользе истории вообще и преимущественно отечественной и о способе преподавания оной». Таким образом, в карьере Гулака-Артемовского его вхождение в масонскую ложу сыграло не последнюю роль.

Курс лекций по истории Гулак-Артемовский читал по руководству Константинова, внося, однако, некий художественный элемент, привлекавший на его лекции массу народа. А внешний вид Гулака! Франтоватая одежда, руки сплошь в перстнях. Величавой походкой шел он в университет, опираясь на палку с верхушкой в виде молотка, раскланиваясь со знакомыми.

Кстати, когда масонские ложи были запрещены в России, внешние признаки масонства — длинный ноготь на мизинце, палки в форме молотка — стали модой, особенно распространенной среди студентов.

В Харьковскую ложу «Умиравший сфинкс» входили человек 15—20, преимущественно профессора и преподаватели университета, но не были закрыты двери и для местного дворянства.

Одним из первых в масонскую ложу вступили дворянин, харьковский помещик Петр Саввич Ольховский и его жена. Вот что

необычно! Как правило, женщины в ложу не допускались, и мы знаем только считанных представительниц слабого пола, которые были приняты в масонские ложы. Не так, видимо, было в Харькове.

Кроме Ольховской, в ложу вошла приехавшая из Петербурга сестра Мария Сергеевна Власова (Лабзин в письме к Карнееву от 20 января 1821 года просит последнего подыскать ей жилье в Харькове). Можно предположить, что именно она была хозяйкой того дома, который масоны снимали специально для проведения своих собраний.

Влияние Лабзина на женщин в Петербурге было значительным. Есть все основания предполагать, что Лабзин пользовался какими-то приемами психотерапии. «Магнетизированная при мне особа,— писал он, хвалясь своими успехами,— не только была в восхитительном состоянии, говорила: ах, как светло! Как мне хорошо! О, любовь, о, свет! Называла нас всех, присутствовавших, братьями». Вполне вероятно, что харьковская ложа применяла подобные же приемы.

В 1825 году Карнеев покинул Харьков, а Александр Федорович Лабзин отправился в ссылку в Симбирск, куда за ним последовала его жена Анна Евдокимовна Карамышева. Неподдалеку, в Саратовской губернии, было имение и Захария Карнеева. Последний, впрочем, через три года умер и был похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре.

Его место в Харькове не осталось без наследника. Попечителем Харьковского университета назначен Алексей Алексеевич Перовский (1787—1837 гг.) Он же стал во главе харьковской масонской ложи. К тому времени Николай I запретил все масонские ложы в России, поэтому о деятельности Перовского и его ложи мы ничего не знаем. Алексей Перовский был побочным сыном графа Алексея Кирилловича Разумовского, известного масона. Когда сын его Алексей, учась в Московском университете, решил стать масоном, то отец не рекомендовал братьям принимать его пока... Фактически Алексей Перовский был «усыплен» как масон, и это пригодилось в условиях преследования и конспирации. Нужно отметить, что, видимо, материнская ложа, от которой работала масонская ложа в Харькове, находилась не в Петербурге, а в Москве.

Именно от московской ложи «Астрен» открылась в 1817 году масонская ложа «Любви к истине» в Полтаве. Мастером ее был племянник известного московского масона и издателя Николая Ивановича Новикова, Михаил Новиков, а наместным мастером—богатейший помещик С. Я. Кочубей. В ложе достаточно полно представлены офицеры армии. Так, полковник артиллерии Владимир

Андреевич Глинка был членом полтавской ложи «Любви к истине» и одновременно членом Союза благодетельства. Это сыграло роковую роль в судьбах многих членов полтавской ложи. В 1826 году арестован С. Я. Кочубей. Почти одновременно с ним арестовали помещика Василия Лукича Лукашевича и хорольского предводителя дворянства Станислава Ларионовича Алексеева. Их отправили в Петербург, где ими занялось недавно образованное III отделение. Новиков умер, а сын его, справедливо опасаясь за свою судьбу, сжег все бумаги, которые касались полтавской масонской ложи.

Почти 80 лет о масонстве в России ничего слышно не было. Официально ложи были закрыты, но идеи масонства и их носители оставались и благополучно просуществовали до начала XX века.

15 ноября 1906 года Максимом Ковалевским, известным ученым, харьковским землевладельцем и депутатом I Государственной Думы, основана ложа «Возрождение». Кроме М. Ковалевского в нее вошли: В. Немирович-Данченко, С. Котляревский, В. Макалов, Е. Аничков, Лорис-Меликов.

Е. Кускова отмечала, что к Февральской революции ложами была покрыта вся Россия.

Мастером масонской ложи в Харькове был юрист Я. Л. Рубинштейн, ставший после Февральской революции харьковским головой. В ложу входили видные представители харьковской интеллигенции, банкиры, промышленники. Роль и значение ее среди масонских лож велико.

Рубинштейн был участником всех трех масонских конгрессов и личным другом Александра Керенского. Дружба эта поддерживалась и в годы эмиграции. В предвоенные годы Я. Л. Рубинштейн работал юристом Лиги Наций и председателем «Лиги защиты прав человека».

Следы масонства остались в архитектуре Харькова. Это два здания, находящиеся в самом центре Харькова: 1. Дом издателя и мецената Йозефовича на ул. Сумской (ныне Дворец бракосочетания), напоминающий фасадом храм Соломона, построенный по масонской версии архитектором Хирамом; 2. Жилой дом по ул. Чернышевского № 40, и сегодня украшенный масонской символикой: отвес, циркуль, треугольник, лопатка, выполненные из металла.

VII. «Таких данных у меня нет»,—

так ответил на вопрос корреспондента журнала «Новое время» бывший президент Верховных советов масонских лож мира Фред Клейнкнехт. Бывший президент не сказал, что масонов в СССР нет. Просто у него нет об этом данных. Дипломатическая уклончивость Клейнкнехта позволяет ответить и утвердительно и отрицательно. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что в ближайшее время масонские ложи в СНГ легализуются и выступят открыто. Начинается новое движение масонства с Запада на Восток. Уже учреждены Верховные советы масонских лож в Венгрии, Югославии, Чехословакии. На очереди страны СНГ, тем более, что благоприятная почва для этого у нас есть. И не только потому, что мы живем на переломе, но и потому, что масонские идеи у нас никогда не умирали.

Александр ЗИНУХОВ

СОДЕРЖАНИЕ

И. Херасков. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX века	4
А. Васютинский. Французское масонство в XVIII веке	34
В. Перцев. Немецкое масонство в XVIII веке	56
А. Боровой. Современное масонство на Западе	101
А. Зинухов. Этюды о масонстве	143

Сдано в набор 3.03.94. Подписано в печать 5.04.94. Формат 60×84¹/₁₆, Бумага
тип. № 2. Литературная гарнитура. Печать высокая, Усл.-печ. л 9,75,
Тираж 5000 экз. Заказ 514

БИБЛИОТЕКА «КЛИО»

СЕРИЯ «РЕДКАЯ КНИГА»